ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

за 1903 годъ.

ЧАСТЬ I. РѢЧИ И РЕФЕРАТЫ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Кн. П. Л. Ухтомскій. Къ вопросу о нуждахъ деревни. А. И. Косичъ. Условное осужденіе. А. В. Завадскій. Несмѣняемость судьи и его независимость А. И. Елистратовъ и А. В. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній (опыты А. Бинэ и В. Штерна). М. М. Хомяковъ. Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. А. А. бар. Симолинъ. Опредѣленіе владѣнія по нашему проекту и германскому уложенію.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
Академии
479
36.

Печатано по опредѣленію Общаго Собранія Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Кн. П. Ухтомскій.

Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» Юридическаго Общества.

I.

РѢЧИ И РЕФЕРАТЫ

КЪ ВОПРОСУ О НУЖДАХЪ ДЕРЕВНИ.

Рѣчь, произнесенная на годичномъ собраніи Юридическаго Общества 8 марта 1903 года.

Милостивыя Государыни и *Милостивые Государи!*

За послѣдніе годы деревня и ея нужды стали обращать на себя особенное вниманіе какъ правительства, такъ и русскаго общества. Замѣчавшійся уже давно упадокъ сельскохозяйственной промышленности и обнаруживаемое различными явленіями жизни неустройство сельскаго быта обсуждаются въ настоящее время правительственными и общественными учрежденіями. Вся Россія недавно была покрыта сѣтью комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а во многознаменательныхъ словахъ, съ которыми Государь Императору благоугодно было обратиться къ представителямъ дворянства въ Курскѣ, было указано на предстоящій призывъ губернскихъ комитетовъ къ обсужденію неустройствъ крестьянскаго быта, съ участіемъ въ этомъ обсужденіи дворянства и земства.

Попечительная заботливость правительства о нуждахъ сельской жизни и затаенная тревога, съ которою русское общество въ своемъ движеніи впередъ оглядывается на расту-

щее оскудѣніе деревни, объясняются тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, которое занимаетъ деревня въ нашемъ государственномъ и общественномъ быту.

Это положеніе характерно обрисовывается нѣсколькими цифрами, указывающими на общественное экономическое значеніе деревни для Россіи: свыше 80% русскаго населенія живетъ въ деревнѣ и существуетъ исключительно доходами и заработками сельско-хозяйственной промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ $^4/_5$ стоимости нашего вывоза заграницу состоятъ изъ продуктовъ сельской промышленности, и слѣдовательно по всѣмъ своимъ громаднымъ долговымъ обязательствамъ заграницей и по всему привозу иностранныхъ товаровъ Россія, почти исключительно, расплачивается продуктами сельско-хозяйственнаго труда.

Это обстоятельство дало поводъ къ созданію шутливаго афоризма: что благополучіе нашихъ финансовъ зависитъ не отъ г. Министра Финансовъ, а отъ г. Урожая.

Предпринятыя обслѣдованія сельско-хозяйственныхъ нуждъ и причинъ разстройства сельской жизни не могутъ не приводить къ желанію знать, есть ли этотъ упадокъ сельско-хозяйственной промышленности и это разстройство сельской жизни явленіе общее, проявляющееся не только у насъ, но и у другихъ народовъ Европейскаго Запада, или это явленіе мѣстное, чисто русское.

Часто приходится слышать и читать жалобы на природныя условія нашей страны, на суровость и засушливость климата, которыя будто-бы являются главными причинами столь часто повторяющихся неурожаевъ.

Посмотримъ, справедливы ли эти жалобы? Дѣйствительно, если сравнивать среднюю урожайность западно-европейскихъ странъ съ урожайностью Европейской Россіи, то окажется, что западно-европейская урожайность, по тѣмъ же самымъ хлѣбамъ, превосходитъ урожайность русскихъ земель на 200,300 и болѣе процентовъ.

Мы знаемъ также, что урожайность Франціи за послѣднее столѣтіе повысилась болѣе чѣмъ вдвое, и что урожайность Англіи за послѣдніе 5 лѣтъ увеличилась на двѣ четверти зерна съ десятины. Подобный ростъ урожайности замѣчается и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Въ то же самое время намъ извѣстно, что урожайность нашихъ земель не только не повысилась за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ, но даже понизилась, несмотря на произведенныя за послѣдніе годы распашки огромныхъ пространствъ залежной плодородной земли, которыя своей высокой урожайностью должны были неминуемо повліять на среднюю производительность десятины во всей Европейской Россіи.

Останавливаясь на вопросѣ о значеніи климатическихъ условій въ дѣлѣ упадка русской сельско-хозяйственной промышленности, нельзя не убѣдиться въ почти полной неосновательности жалобъ на природныя условія страны. Если нѣкоторая часть хлѣбородныхъ русскихъ земель, по преимуществу на югѣ-востокѣ Россіи, и страдаетъ дѣйствительно отъ климатическихъ условій, то все остальное плодородное пространство, включая Казанскую губернію, вовсе не имѣетъ достаточныхъ основаній, чтобы жаловаться на климатическія условія.

Періодъ теплаго времени, необходимаго для произрастанія хлѣбныхъ растеній, совершенно достаточенъ; количество выпадающихъ осадковъ и распредѣленіе этихъ осадковъ по времени произростанія хлѣбныхъ растеній достаточны для сельско-хозяйственныхъ цѣлей, и если въ нѣкоторые годы бываютъ отступленія отъ среднихъ нормъ въ ущербъ сельскому хозяйству, то эти отступленія отражаются губительно далеко не на всѣхъ хозяйствахъ, и земли, обработанныя съ достаточнымъ приложеніемъ труда и капитала, даютъ отличные урожаи даже и въ эти неблагопріятные годы. Это доказывается большимъ количествомъ разнообразныхъ статистическихъ изслѣдованій за многіе годы.

Если обратиться къ сравненію качествъ почвы, то мы увидимъ, что естественное плодородіе нашихъ земель, безъ преувеличенія, гораздо выше естественныхъ качествъ громаднаго большинства земель Западной Европы. Вслѣдствіе этого, уже указанная разница въ урожайности должна поразить еще болѣе. Что же касается до экономическаго значенія этой разницы въ урожайности, то вотъ цифра, которая его вполнѣ обнаруживаетъ: если бы урожайность русской десятины повысилась на двѣ четверти, какъ это произошло за послѣднее пятилѣтіе въ Англіи, то это составило бы одинъ милліардъ пудовъ. Значеніе этой громадной цифры станетъ вполнѣ понятнымъ, если припомнить, что помощь населенію въ неурожайные годы не достигала никогда и половины этого количества.

Если же урожайность русскихъ земель достигла бы той высокой степени успѣха, которой добилось французское земледѣліе, т. е. повысилась бы вдвое, то количество свободнаго за

потребленіемъ остатка своей громадностью сдѣлало бы конкурренцію другихъ странъ невозможною и по всей вѣроятности совершенно разорило бы эти страны, создавъ Россіи естественную монополію снабженія Европы хлѣбомъ. Одновременно съ этимъ, конечно, расцвѣли бы пышно и всѣ прочія отрасли промышленности, и Русское Государство проявило бы въ исторіи примѣръ небывалаго политическаго могущества.

Что же мѣшаетъ этому расцвѣту промышленности въ Россіи? Главныя причины, служащія препятствіемъ, указывавшіяся и раньше и теперь вновь указанныя сельско-хозяйственными комитетами, суть слѣдующія: 1) недостатокъ образованія вообще и въ особенности образованія техническаго и сельскохозяйственнаго. Замѣчаніе это всѣмъ извѣстно и по существу совершенно справедливо, хотя нельзя не указать, что образованіе не можетъ быть универсальнымъ лѣкарствомъ, панацеей, и что вообще для цѣлебности образованія необходимы нѣкоторыя иныя сопутствующія и благотворныя обстоятельства. Къ этому вопросу мы еще вернемся послѣ, а теперь будемъ продолжать наше разсмотрѣніе препятствій къ правильному экономическому развитію.

2) Неоднократно указывалось на нашу финансовую политику, какъ на главную причину, препятствующую росту и преуспѣянію сельско-хозяйственной промышленности. Въ этой же финансовой политикѣ видятъ почти всѣ сельско-хозяйственныя комитеты причину бѣдственнаго положенія нашего сельскаго хозяйства и вообще деревни.

Подобный взглядъ едва ли не страдаетъ преувеличеніемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что государственное вмѣшательство въ установившееся естественнымъ и историческимъ

путемъ распредѣленіе экономическихъ производительныхъ силъ можетъ влечь за собою благія послѣдствія только при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Что же касается нашей финансовой политики, конькомъ которой всегда было государственное вмѣшательство въ хозяйственную жизнь, то она никогда не имѣла да и не стремилась къ созданію такихъ обстоятельствъ, при которыхъ государственное вмѣшательство можетъ вмѣсто дурныхъ послѣдствій имѣть, пожалуй, и хорошія.

Повторяемъ, нельзя отвергать, что извѣстное направленіе финансовой политики можетъ производить глубокое разстройство экономической жизни, но самая возможность коверкать жизнь уже обусловливается нѣкоторымъ ея разстройствомъ.

Поэтому и вредное для сельско-хозяйственной промышленности направленіе финансовой политики можетъ являться плодомъ совершенно иныхъ обстоятельствъ. Разсмотрѣніемъ этихъ обстоятельствъ мы займемся позднѣе, а пока бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ главные упреки, которые дѣлаются политикѣ нашего финансоваго вѣдомства.

Первое мѣсто среди этихъ упрековъ принадлежитъ покровительственной системѣ. Удороживъ искусственно, при помощи таможенныхъ пошлинъ, привозимые изъ за границы товары, правительство надѣялось, что выгодность производства этихъ товаровъ въ Россіи создастъ самостоятельную фабрично-заводскую промышленность. Дѣйствительно, подъ вліяніемъ охранительныхъ пошлинъ быстро создались новыя отрасли производства и расцвѣли нѣкоторыя старыя; но самостоятельною охраненная наша промышленность всетаки не сдѣлалась,

и весь экспортъ, по прежнему, основанъ почти исключительно на вывозѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Что же касается до фабрично-заводскихъ произведеній, то они и по сей день не смѣютъ и помышлять о соперничествѣ съ таковыми же продуктами другихъ странъ на свободномъ міровомъ рынкѣ.

Милліарды рублей были переплочены деревнею, капиталы устремились къ фабрично-заводской промышленности, но до сихъ поръ ничто не вознаградило страну за принесенныя жертвы.

И наша фабрично-заводская промышленность, какъ оранжерейное растеніе, продолжаетъ требовать для себя постоянной искусственной и дорого стоющей обстановки.

Другой упрекъ, который дѣлается нашему финансовому вѣдомству, это стремленіе его расширить частно-хозяйственную дѣятельность государства, которая уже и теперь достигла неслыханныхъ размѣровъ.

Если подобное направленіе, съ одной стороны, вызываетъ угрожающее размноженіе чиновничества, то съ другой оно грозитъ изсушить экономическую жизнь, отвлекая изъ экономическаго оборота огромныя средства въ центръ и производя оттуда новое бюрократически-искусственное распредѣленіе этихъ средствъ.

Первое мѣсто въ этой частно-хозяйственной дѣятельности принадлежитъ винной монополіи съ полумилліардным бюджетомъ. Объ этой системѣ въ свое время министръ финансовъ графъ Канкринъ высказалъ, что она, увеличивая фискальство, размножаетъ и развращаетъ чиновниковъ, а потому дискредитируетъ правительство. Къ этимъ замѣчаніямъ графа Канкрина можно добавить еще и то, что злоупотребленія увеличиваются, а улучшеніе производства останавливается.

Далѣе, если въ городахъ безобразное пьянство выведено на улицу, то въ деревняхъ оно пріютилось во многочисленныхъ шинкахъ. Всѣ безобразія открытаго кабака сохранились, но общественная опасность ихъ увеличилась, такъ какъ они стали тайными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени, увеличились подкупы и соблазны полиціи, а съ другой стороны получила возможность болѣе свободно развиваться преступная дѣятельность разныхъ лицъ, которая стоитъ, по большей части, въ связи съ разными распивочными пунктами.

Что же касается якобы педагогической стороны винной монополіи, то безпристрастному наблюдателю она представляется какимъ то фарисействомъ.

До введенія монополіи на винныя деньги содержались разныя общеполезныя заведенія, напримѣръ, школы и богадѣльни. Благодаря доходамъ отъ питейныхъ заведеній облегчалась тяжесть прямыхъ налоговъ во многихъ мѣстахъ. Всѣ эти выгоды населенія исчезли съ введеніемъ монополіи, и было бы наивно воображать себѣ, что сиплый граммофонъ въ состояніи вознаградить за потерю этихъ выгодъ, какъ не въ состояніи вознаградить за это и обрывки научныхъ знаній, разбрасываемые какою нибудь случайною группою досужливыхъ интеллигентовъ—членовъ общества трезвости.

Послѣ винной монополіи слѣдуетъ отмѣтить и желѣзнодорожную дѣятельность государства.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о пользѣ казеннаго завѣдыванія желѣзными дорогами, хотя и тутъ, благодаря отсутствію общественнаго контроля, могутъ проявляться и злоупотребленія, и вредный бюрократизмъ и излишнее размноженіе

чиновничества, обратимъ вниманіе только на казенное желѣзнодорожное строительство. Дороговизна его не можетъ не бросаться въ глаза. Такъ, напримѣръ, смѣтныя предположенія по постройкѣ Сибирской дороги опредѣляли стоимость ея въ 300, 400 милліоновъ, но обошлась она вдвое дороже. Тоже самое произошло и съ Восточно-Китайской дорогой. Стоимость версты сибирскаго пути превышаетъ 100 тысячъ, а Восточно-Китайской даже 150 тысячъ рублей, и это при весьма несовершенной постройкѣ и при весьма несовершенномъ подвижномъ составѣ. И развѣ не досадно вспомнить, что въ Финляндіи стоимость версты обходилась 35 тысячъ рублей, а теперь обходится даже въ 23 тысячи рублей, т. е. въ нѣсколько разъ дешевле.

Продолжая наше обслѣдованіе, нельзя не обратить вниманія также на чрезвычайно странное географическое распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Обыкновенно окраины питаютъ метрополію, и колоніальныя завоеванія обусловливаются цѣлями эксплотаціи; у насъ же въ Россіи это какъ разъ наоборотъ, и нашъ центръ не только не питается окраинами, но переплачиваетъ громадныя суммы на ихъ администрацію, да кромѣ того, по обстоятельствамъ дѣла, вынужденъ терпѣть всевозможныя экономическія невыгоды, созданныя разницею положенія окраинъ и центра.

И вотъ нѣкогда побѣдоносный русскій центръ попалъ подъ новое иго—экономическое иго поляковъ, ливонцевъ, финновъ и монголовъ, населяющихъ наши окраины.

Такимъ образомъ, повидимому, одною изъ причинъ оскудѣнія центра, иначе сказать, велико-русской деревни, являются окраины. При такомъ государственномъ отношеніи къ окраи-

намъ всякое дальнѣйшее расширеніе границъ Россіи должно вести за собой и дальнѣйшее оскудѣніе центра, иными словами— обнищаніе и вырожденіе ядра русской народности. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что политика протекціонизма должна фатально вести къ желанію все большихъ и большихъ захватовъ въ сторонѣ наименьшаго сопротивленія, т. е. въ Азіи.

Ростъ промышленности требуетъ и роста рынка. Между тѣмъ деревня, вслѣдствіе бѣдности своей, не увеличиваетъ спроса и не расширяетъ внутренняго рынка. Что же касается до рынка внѣшняго, то онъ закрытъ для нашихъ фабрикатовъ вслѣдствіе ихъ дороговизны. Такимъ образомъ для расширенія рынка одинъ путь—это расширеніе русскихъ границъ въ Азіи, съ захватомъ и включеніемъ въ нашу таможенную ограду новыхъ потребителей.

Въ нашей экскурсіи по финансовой кунсткамерѣ было бы странно не замѣтить бюджетнаго слона въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Падая главнымъ образомъ на предметы первой необходимости, наши косвенные налоги, конечно, ложатся всего тяжелѣе на карманъ простого сельскаго населенія, такъ какъ размѣры потребленія предметовъ первой необходимости не стоятъ и не могутъ стоять въ соотвѣтствіи съ размѣрами доходовъ или заработка потребителей. Вслѣдствіе этого косвенные налоги на предметы первой необходимости имѣютъ характеръ регрессивный, т. е. всего чувствительнѣе поражаютъ бѣдняка, съ постепеннымъ уменьшеніемъ своей тяжести по мѣрѣ возвышенія доходовъ или заработковъ плательщика, такъ что для человѣка богатаго тяжесть ихъ совсѣмъ не замѣтна.

Наконецъ въ числѣ финансовыхъ невзгодъ нашей деревни нельзя не замѣтить быстраго роста нашего бюджета.

За 10 послѣднихъ лѣтъ онъ выросъ вдвое, увеличившись на цѣлый милліардъ, а такъ какъ доходы и заработки нашей деревни за это же десятилѣтіе не только не увеличились, но можетъ быть даже уменьшились, и такъ какъ главнымъ плательщикомъ налоговъ все-таки является сельское населеніе, то неудивительно, что несмотря на весь трескъ бюджетныхъ милліардовъ и на всю шумиху сотенъ милліоновъ свободной наличности, русской деревнѣ живется все хуже и хуже.

Вотъ, вкратцѣ, тѣ главные упреки, которые дѣлаются нашей финансовой системѣ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что эта система, сосредоточивая въ своихъ рукахъ громадныя, почти сказочныя суммы и распредѣляя ихъ изъ одного центра повсюду, по своему усмотрѣнію, не можетъ не вліять самымъ могущественнымъ образомъ на образованіе новыхъ экономическихъ силъ или новыхъ соединеній силъ, уже существующихъ.

Подъ двухъ милліарднымъ дождемъ быстро вырастаютъ исполины биржевой игры и разнообразнаго грюндерства. Такимъ образомъ образуются новые общественные слои, глубоко заинтересованные въ упроченіи и дальнѣйшемъ расширеніи господствующаго направленія нашей финансовой политики.

Концентрируя капиталы, объединяясь въ синдикатахъ и разныхъ соглашеніяхъ, эти слои естественно стремятся, своихъ выгодъ ради, вліять и на управленіе, и на законодательство, и даже на общественное мнѣніе, черезъ посредство нѣкоторыхъ услужливыхъ его органовъ.

Совершенно въ иномъ положеніи находится наша деревня. Ничего не получая сверху, а только за все расплачиваясь, она не имѣетъ и сильныхъ защитниковъ. Деревенскія силы разбросаны на громадныхъ пространствахъ и не имѣютъ ни-

какихъ центровъ единенія, такъ какъ губернскія и уѣздныя земскія собранія, по чрезвычайной связанности и стѣсненности своихъ рѣчей и дѣйствій, къ сожалѣнію, не могутъ быть центрами такого единенія.

Вслѣдствіе этого самодѣятельность, лежащая въ основѣ не только моральнаго, но и матеріальнаго преуспѣянія, не развивается, а глохнетъ, порождая то оскудѣніе деревни и тотъ упадокъ сельско—хозяйственной промышленности, который привелъ къ необходимости созыва особыхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ.

Между тѣмъ если бы деревня могла постоянно и безопасливо высказываться о своихъ нуждахъ, то не могло бы и возникнуть тѣхъ неудобствъ и недостатковъ финансовой системы, на которые указываютъ теперь сельско-хозяйственные комитеты, какъ на причину обѣднѣнія и упадка деревни.

Съ другой стороны, возможность откровенно высказываться о своихъ нуждахъ давнымъ давно привела бы къ упроченію всѣхъ общественныхъ отношеній, путемъ постепеннаго ихъ улучшенія, въ соотвѣтствіи съ нуждами своего времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ свободно развились бы тѣ дѣятельныя начала духа, которыя теперь или безполезно глохнутъ, или перерождаются въ ненависть къ существующему строю.

Значеніе самодѣятельности въ жизни народа слишкомъ извѣстно, чтобы останавливаться на подробностяхъ этого вопроса. Однако, для лучшаго выясненія дѣла, не лишнимъ представляется дать краткую историческую справку по этому вопросу.

Если и теперь у насъ въ кой-какихъ головахъ крѣпко сидитъ убѣжденіе въ гніеніи Запада и въ тлетворности его

началъ (я говорю о славянофилахъ), то болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ громадной Персидской деспотіи было точно такое же убѣжденіе въ тлетворности греческой культуры и въ превосходствѣ персидской.

Если греки презирали персовъ, то персы платили имъ той же монетой. Персы считали себя носителями началъ истинной вѣры и правильнаго государственнаго порядка. Въ нашествіяхъ своихъ на Грецію персы руководились не столько цѣлями корыстолюбія, сколько желаніемъ истребить нравственную, по ихъ мнѣнію, заразу греческой культуры и спасти населеніе истинною вѣрою и истиннымъ порядкомъ.

До извѣстной степени персы были даже правы: порядка въ смыслѣ подчиненія у нихъ было больше, чѣмъ у грековъ, и вѣра ихъ, весьма чистая и возвышенная, основанная на поклоненіи единому Богу-Творцу, была въ нравственномъ смыслѣ неизмѣримо выше поклоненія человѣко-подобнымъ греческимъ богомъ. Однако, не смотря на все это и не смотря на свое страшное численное превосходство, персы были разбиты ничтожными силами грековъ.

Причины этой побѣды грековъ лежатъ не въ превосходствѣ ихъ военнаго искусства или оружія, а кроются цѣликомъ въ превосходствѣ ихъ духа. У персовъ вся духовная жизнь страны была сосредоточена въ рукахъ единаго владыки; въ Греціи же, наоборотъ, гражданская жизнь основывалась главнымъ образомъ на свободѣ и самодѣятельности гражданъ.

Римляне, народъ практическій, прекрасно поняли, какую пользу можно извлечь изъ самодѣятельности даже и тогда, когда стремишься къ міровому господству силою меча и могуществомъ администраціи. Завоевывая новыя и новыя про-

винціи и ставя въ нихъ своихъ губернаторовъ съ широкими полномочіями, римляне въ то же время оставляли провинціямъ значительную самостоятельность, выражавшуюся въ существованіи мѣстныхъ представительныхъ учрежденій. Эти собранія не управляли ни сами непосредственно, ни чрезъ уполномоченныхъ, но они довольно широко пользовались правомъ критики дѣйствій губернаторовъ (правителей) и что особенно важно— правомъ непосредственнаго представленія власти о своихъ нуждахъ и широкимъ правомъ жалобы на злоупотребленія администраціи.

Это право провинцій сохранялось въ теченіе многихъ столѣтій, и Равноапостольный Константинъ подтвердилъ его закономъ, въ которомъ характерно выражено право провинціальныхъ собраній одобрять правильныя дѣйствія администраціи и осуждать дѣйствія неправильныя и незаконныя. Это право провинціальныхъ собраній, по всей вѣроятности, зачахло съ дальнѣйшимъ развитіемъ византійскаго бюрократизма, погубившаго и самую Византійскую имперію.

Нельзя забыть, что могущество римской имперіи основывалось не на однихъ только налогахъ и солдатахъ, какъ думали писатели того времени: мудрое допущеніе провинціальной самодѣятельности спасало провинціи отъ хозяйственнаго разстройства и отъ самовластія чиновниковъ.

Въ этомъ отношеніи даже Китай, этотъ предметъ нашихъ насмѣшекъ, даетъ примѣръ государственной мудрости. Если мандаринъ ведетъ дѣла плохо, стѣсняя развитіе благоденствія ввѣренной ему провинціи, то населеніе имѣетъ право предложить ему поискать себѣ другого мѣста. И мандаринъ, обыкновенно, безпрекословно исполняетъ это требованіе насе-

Коммунистическая академия

ленія, хотя оно дѣлается въ формѣ весьма вѣжливой просьбы гражданъ, обращенной къ мандарину, о разрѣшеніи „прибить его сапоги къ городскимъ воротамъ въ память его мудраго управленія“.

Если мы отъ этихъ административныхъ примѣровъ, обратимся къ исторіи экономической, то мы увидимъ, что между самодѣятельностью и народнымъ благосостояніемъ существуетъ неразрывная связь.

Средневѣковая Испанія со своимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ отличалась благосостояніемъ. Но уже Испанія Филиппа II-го, завершителя системы бюрократической опеки съ полнымъ подавленіемъ народной самодѣятельности, отличается нищетою народа, несмотря на огромный приливъ золота изъ колоній.

Въ то же время обитатели безплодныхъ береговъ моря, самое прозвище которыхъ значитъ „нищіе“, силою самодѣятельности и свободы побѣдили Филиппа II-го, несмотря на численное превосходство его войскъ, и основали государство, которое до сихъ поръ поражаетъ своимъ благосостояніемъ.

Несмотря на громкія побѣды Людовика XIV, Франція того времени имѣла видъ совершенно обнищалый, и благосостояніе Франціи возродилось только вмѣстѣ съ возрожденіемъ свободы и самодѣятельности французскаго народа.

Когда Штейну и Гарденбергу надобно было воскресить Пруссію, пораженную на смерть Наполеономъ 1-мъ, то они могли достичь этого только черезъ развитіе самодѣятельности и самоуправленія.

Корень богатства Сѣверной Америки и Англіи съ ея колоніями лежитъ ни въ чемъ иномъ, какъ только въ широ-

комъ развитіи самоуправленія, обнимающаго всю государственную жизнь этихъ странъ.

Итакъ, безъ преувеличенія можно сказать, что богатство народа приходитъ вмѣстѣ съ самодѣятельностью и самоуправленіемъ, но никогда не уживается съ бюрократизмомъ и государственною опекою.

И мнѣніе Монтескье, выраженное въ словахъ: „Les terres ne sont pas cultivées en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté“, оказывается глубоко вѣрнымъ.

Такимъ образомъ мы пришли къ заключенію, что государственное могущество и, въ частности, экономическое благосостояніе зависятъ отъ развитія самодѣятельности народа.

Краеугольнымъ камнемъ самодѣятельности является свобода личности и обезпеченіе ея правъ. Многіе ученые и публицисты, увлекаясь мечтами о грядущемъ величіи русскаго народа, находили и продолжаютъ находить, что русскому народу суждено осуществить какими то новыми путями какую-то высшую форму человѣческаго прогресса.

Замѣчая чрезвычайно слабое развитіе у насъ правъ личности и подыскивая для этого обстоятельства благопріятныя объясненія, они находятъ, что въ противоположность Западу, завоевавшему права личности путемъ долгой борьбы, Россія можетъ осуществить идеалъ правъ человѣка, перескочивъ чрезъ права личности. Вслѣдствіе такого сцѣпленія мысли мы встрѣчаемся у насъ съ чрезвычайно странными явленіями: на почвѣ безправія, пропитанной остатками крѣпостничества, какъ грибы растутъ соціалистическіе проекты устройства всеобщаго благоденствія.

Это увлеченіе русскихъ соціализмомъ имѣетъ свои глубокіе корни въ исторіи и объясняется прежде всего многовѣ-

ковымъ стремленіемъ центральной власти сдѣлаться источникомъ и раздаятелемъ всѣхъ правъ. Только это обстоятельство и могло создать то предрасположеніе русскихъ къ соціализму, которое такъ поражаетъ иностранцевъ.

Весьма замѣчательно, что очагами соціализма являются бюрократическія государства со слабымъ развитіемъ самоуправленія. Если соціализмъ силенъ во Франціи и Германіи, то успѣхъ его въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ совершенно ничтоженъ. Эта связь соціализма съ ограниченіемъ самоуправленія, съ возрастаніемъ государственной централизаціи и съ ростомъ чиновничества извѣстна даже и по древнѣйшей исторіи человѣчества.

Соціализмъ—явленіе не новое.

Древній Египетъ и древній Китай были государствами на соціалистической основѣ. Мексико, Перу и Парагвай, до завоеванія ихъ европейцами, были также государствами соціалистическими.

Эти историческіе примѣры соціализма не говорятъ въ его пользу. Въ этихъ государствахъ никакихъ правъ личности не было, а были лишь обязанности подданнаго или лучше сказать—раба. Такъ, въ упомянутыхъ странахъ Америки государство надѣляло человѣка землею въ опредѣленномъ размѣрѣ, или опредѣляло его на извѣстное ремесло или промыселъ. Все населеніе, отъ мала до велика, было росписано по извѣстнымъ отраслямъ труда. За исполненіемъ обязанностей надзирала цѣлая армія разнообразныхъ чиновниковъ. Продукты производства складывались въ громадные общественные магазины, и чиновники наблюдали не только за производствомъ, но и за правильностью потребленія. Каждая отрасль производства ру-

ководилась особыми спеціалистами-чиновниками, которые должны были заботиться объ ея улучшеніи. Для обезпеченія прироста населенія существовали особые земельные резервы, или, напротивъ, вся государственная земля подвергалась періодическимъ передѣламъ. Вмѣсто жалованія чиновникамъ также нарѣзалась государственная земля участками различной величины.

Примѣры этихъ американскихъ соціалистическихъ государствъ не говорятъ въ пользу соціализма: стоитъ только вспомнить, съ какою легкостью эти государства были завоеваны 2—3 горстями испанскихъ авантюристовъ. Населеніе этихъ соціалистическихъ государствъ было воспитано въ такихъ рабскихъ чувствахъ (ибо соціализмъ и есть государственное рабство), что оно даже какъ будто и не примѣтило замѣны своего національнаго правительства иностранцами.

Если въ Россіи особенно сильно увлеченіе аграрнымъ соціализмомъ, и если теорія Генри Джорджа распространяется у насъ подъ личиною якобы старинныхъ русскихъ понятій, вродѣ теоріи „государевой вотчины“, иначе государственной собственности на землю и вѣчной оброчной подати, то все это существовало и въ древнихъ полуварварскихъ государствахъ, да и по сейчасъ существуетъ у нѣкоторыхъ народовъ Азіи и Африки.

Въ этомъ отношеніи очень поучительна исторія Китая и древняго Египта.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе развитія общественныхъ и государственныхъ отношеній, Китай перешелъ отъ общинной собственности на землю къ частной соб-

ственности. Конечно, эта революція соціальныхъ отношеній сопровождалась, какъ всякая революція, страданіемъ массы лицъ, интересы которыхъ были затронуты. Поэтому въ народѣ не потухало желаніе вернуться къ прежнимъ общиннымъ порядкамъ. Этимъ настроеніемъ воспользовался могущественный министръ Вань-Мань. Путемъ узурпаціи власти, онъ добился аграрнаго переворота и общаго передѣла земель. Однако результаты этого „чернаго передѣла“ оказались неудобными, и Китай былъ вынужденъ вскорѣ уничтожить государственно-общинную систему и вернуться къ той формѣ частной земельной собственности, которая существуетъ въ Китаѣ уже болѣе тысячи лѣтъ.

Еще болѣе любопытный примѣръ даетъ древній Египетъ. Исторія націонализаціи Египетской земли извѣстна. Напомнимъ её въ общихъ чертахъ.

Сначала владыка Египта, Фараонъ, монополизировалъ въ своихъ рукахъ торговлю. Страна обѣднѣла, Фараонъ разбогатѣлъ, Когда всѣ деньги собрались въ рукахъ у Фараона, онъ сталъ кредитовать населеніе подъ движимость. Когда вся движимость также сдѣлалась собственностью Фараона, а народъ сталъ еще бѣднѣе, то населеніе, чтобы не умереть съ голоду, заложило сначала земли а затѣмъ самихъ себя Фараону.

Такимъ образомъ, путемъ монополіи и кредита, все въ землѣ Египетской сдѣлалось собственностью Фараона Сдѣлавшись собственникомъ всей земли, Фараонъ роздалъ её въ безсрочную аренду своимъ рабамъ-подданнымъ, подъ условіемъ платежа вѣчной оброчной подати.

Достойно замѣчанія однако, что упадокъ земледѣлія въ Египтѣ совпалъ какъ разъ съ

періодомъ обращенія Египетской земли въ государственную собственность.

Подобные примѣры примѣненія соціализма на государственной практикѣ должны были бы открывать глаза и заставлять быть болѣе осторожнымъ въ проповѣди соціализма. Бороться съ соціальными недугами, съ слишкомъ неравномѣрнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ распредѣленіемъ богатствъ можно и другими способами, которые не обращаютъ человѣка въ раба, а напротивъ того—возвышаютъ понятіе о человѣческой личности и расширяютъ ея законныя права. Въ числѣ такихъ способовъ достаточно указать на подоходный прогрессивный налогъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что благоденствіе народное нельзя основывать на соціалистическомъ закрѣпощеніи человѣка. Съ другой стороны всѣ примѣры исторіи и вся экономическая наука, по скольку она основана на жизни, а не на теоріи, указываютъ, что фундаментомъ народнаго благоденствія только и можетъ быть свобода личности и обезпеченіе ея правъ. Отсюда видно, какое громадное значеніе имѣетъ вопросъ свободы личности въ дѣлѣ поднятія нравственнаго и матеріальнаго положенія нашей деревни. Съ такой именно точки зрѣнія и взглянули большинство комитетовъ.

Главнымъ препятствіемъ къ развитію правъ личности въ нашемъ крестьянствѣ служитъ круговая порука и основанная на круговой порукѣ административная форма общины. На необходимость отмѣны круговой поруки и раскрѣпощенія крестьянства и было указано большинствомъ комитетовъ.

И вотъ послѣдній Высочайшій Манифестъ снимаетъ съ русскаго крестьянства одинъ изъ послѣднихъ остатковъ крѣ-

постнаго права и одно изъ главныхъ препятствій къ утвержденію правъ личности. Дальнѣйшее уравненіе крестьянъ въ гражданскихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ не преминетъ послѣдовать за великимъ актомъ отмѣны круговой поруки и дарованія отдѣльнымъ лицамъ возможности выхода изъ общины. Надо надѣяться, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ и отмѣна тѣлеснаго наказанія и, вообще, сословной подсудности и исключительныхъ законозъ для крестьянскаго сословія.

На почвѣ гражданской равноправности могутъ быть съ успѣхомъ основаны другія правительственныя мѣропріятія, которыя введутъ русскій народъ въ кругъ европейской культуры въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Отрѣшеніе отъ азіатчины и избавленіе себя отъ неизбѣжной при этомъ бѣдности можетъ быть достигнуто только посредствомъ развитія самодѣятельности. Эта самодѣятельность можетъ проявиться въ двухъ формахъ: въ формѣ религіозной и въ формѣ политической. Основой первой формы является свобода вѣроисповѣданія; основой второй—самоуправленіе.

По отношенію къ первой формѣ починъ расширенія свободы вѣроисповѣданія сдѣланъ Высочайшимъ Манифестомъ 26 февраля. Дальнѣйшая судьба этого высокаго начала, провозглашеннаго съ высоты Престола, находится въ зависимости отъ широты примѣненія его на дѣлѣ и отъ способовъ самаго примѣненія.

Въ первомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что самыя лучшія правила портятся многочисленными исключеніями, Съ этой точки зрѣнія безусловно желательно, а въ государственномъ и общественномъ отношеніи необходимо, чтобы такъ

называемые старообрядцы и вообще такъ называемые раскольники были подведены, по возможности безъ всякихъ ограниченій, подъ благодѣтельную охрану этого высокаго законодательнаго начала.

Что же касается до способовъ самого примѣненія, то и тутъ починъ положенъ Высочайшимъ Манифестомъ, такъ какъ въ немъ предначертана нѣсколько иная организація приходовъ, въ смыслѣ расширенія значенія и круга вѣдомства приходскихъ попечительствъ. Въ этомъ нельзя не видѣть стремленія сблизить церковное устройство съ общественнымъ. т. е. съ одной стороны возвести церковь къ идеаламъ первыхъ вѣковъ христіанства, а съ другой стороны замѣнить церковный бюрократическій строй строемъ общественнымъ, при широкомъ и живомъ участіи мірянъ на общихъ началахъ самоуправленія. Прототипомъ подобнаго церковно-общественнаго строя въ настоящее время является организація Румынской церкви и Сербской въ Австрійскихъ владѣніяхъ а въ прежнее время къ этому типу приближался русскій церковный приходъ, до тѣхъ поръ пока въ русскомъ церковномъ устройствѣ не получило преобладаніе начало клерикально-бюрократическое. Участіе мірянъ въ дѣлахъ Румынской и Сербской церквей чрезвычайно велико. На приходскомъ собраніи избирается священникъ. На уѣздномъ собраніи или протопресвитерскомъ соборѣ избирается протопресвитеръ. На епархіальномъ собраніи избирается епархіальный архіерей. На всѣхъ этихъ собраніяхъ преобладаютъ міряне, участвуя или непосредственно, или чрезъ особыхъ выборныхъ представителей. Дѣлами церкви завѣдуютъ особыя учрежденія: епархіальное, уѣздное и приходское, которыя составляются изъ лицъ, избранныхъ

на епархіальныхъ, на уѣздныхъ и на приходскихъ собраніяхъ, причемъ міряне въ этихъ учрежденіяхъ преобладаютъ.

Подобный строй не имѣетъ ничего ни клерикальнаго, ни бюрократическаго, и вполнѣ согласуется съ церковнымъ строемъ и каноническимъ правомъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ церковно-общественномъ устройствѣ Церковь обрѣтаетъ смыслъ своего названія „Соборной и Апостольской", объединяя всѣхъ вѣрующихъ еще болѣе воедино, и поэтому еще болѣе заслуживаетъ нареченія „Тѣломъ Христовымъ".

Въ то же самое время примѣръ организаціи православныхъ церквей у румынъ и у южныхъ славянъ убѣдительно доказываетъ, что церковно-общественное устройство ведетъ и въ политическомъ отношеніи къ широкому развитію гражданственности и къ утвержденію національнаго самосознанія, Извѣстно, что въ этихъ странахъ Церковь первая подняла знамя національнаго освобожденія и добилась этого освобожденія.

Переходя къ разсмотрѣнію второго вопроса—вопроса о самоуправленіи, мы должны замѣтить слѣдующее:

Самоуправленіе вовсе не ведетъ къ раздробленію власти, а потому не ведетъ и къ ея ослабленію. Напротивъ того, самоуправленіе, привлекая всѣхъ гражданъ къ охранѣ порядка и законности, тѣмъ самымъ способствуетъ и упроченію власти.

Отличный примѣръ слабости представителя верховной власти при крайней централизаціи, при всемогуществѣ министровъ и полномъ господствѣ бюрократическихъ началъ представляетъ собою Французская республика: Значеніе президента республики ничтожно, а мѣстнаго самоуправленія во Фран-

ціи почти не существуетъ. Наоборотъ, въ Англіи самоуправленіе поставлено широко, и въ тоже время значеніе верховной власти въ лицѣ короля неизмѣримо выше значенія президента Французской республики.

Въ республикѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ значеніе самоуправленія громадно, но объединяющая власть президента неизмѣримо выше власти президента Французской республики, почему и говорятъ, что президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по власти своей болѣе похожъ на короля, чѣмъ на президента республики.

Самоуправленіе не только не раздробляетъ власти, но оно её объединяетъ Чтобы положить конецъ боярской смутѣ и раздробленію власти вслѣдствіе этой смуты, Іоаннъ Грозный не только оказывалъ довѣріе общественному мнѣнію страны, созывая соборы, но ввелъ въ Россіи земское самоуправленіе, при чемъ цѣлью Іоанна Грознаго было именно прекращеніе смуты и объединеніе раздробленной боярами власти.

Далѣе, при общей народной смутѣ начала XVII столѣтія успокоеніе Россіи и объединеніе власти было достигнуто также довѣріемъ власти къ населенію, которое выразилось въ созывѣ земскихъ соборовъ, упрочившихъ власть первыхъ Царей изъ дома Романовыхъ. Это довѣріе правительства къ населенію страны, въ лицѣ выборныхъ его представителей не прекращалось и въ теченіи почти всего XVIII вѣка.

Озабоченное составленіемъ новыхъ законовъ, правительство Петра I-го, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II-ой неоднократно обращалось къ призыву выборныхъ людей для выработки новаго Уложенія.

Насколько можно судить по тексту этихъ призывовъ, правительство обращалось къ выборнымъ людямъ вслѣдствіе

своего убѣжденія, что въ дѣлѣ созданія новыхъ законовъ необходимо участіе тѣхъ, для кого законы пишутся. Съ другой же стороны, конечно, ни Петра I-го, ни Бирона нельзя заподозрить въ попустительствѣ къ раздробленію власти.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что начало самоуправленія ни сколько не препятствуетъ существованію единой и сильной власти, какъ это пытались доказать нѣкоторые государственные люди; что напротивъ того самоуправленіе укрѣпляетъ власть, дѣлая всѣхъ гражданъ ея агентами, и что если что нибудь при этомъ ограничивается, такъ это только самовластіе бояръ или вообще большихъ людей, но намъ кажется, что это обстоятельство не должно служить возраженіемъ противъ самоуправленія.

2) Далѣе, противъ самоуправленія выдвигается нѣкоторыми теоретиками еще и то соображеніе, что самоуправленіе, заключая въ себѣ главнымъ образомъ элементъ свободы и самоопредѣленія, несогласимо съ такимъ началомъ, которое основано на послушаніи, необходимомъ для охраны порядка и спокойствія. Возраженіе это основано на игрѣ словами и не имѣетъ подъ собой никакой исторической почвы. Возраженіе это всего болѣе основано на страхѣ передъ словомъ „свобода“, которое имѣетъ несчастіе пугать многихъ, такъ какъ въ этомъ словѣ имъ мерещится красное знамя народнаго безначалія.

Это — глубокое заблужденіе: въ народномъ безначаліи нѣтъ свободы. Народное безначаліе, это царство произвола — только снизу. Что же касается свободы, то нѣтъ начала болѣе охранительнаго.

Многовѣковая исторія человѣчества убѣдительно доказываетъ, что только тотъ порядокъ и прочень, который основанъ

на свободѣ, потому что свобода немыслима безъ уваженія закона и всѣхъ правъ, на законѣ основанныхъ.

Такимъ образомъ правосознаніе гражданъ является плодомъ и конечною цѣлью свободы. Въ то же самое время извѣстно, что твердая охрана порядка можетъ быть основана только на правосознаніи гражданъ. Конечно, въ исторіи бывали случаи охраны порядка путемъ внушенія страха. Но развѣ такой порядокъ можетъ быть прочнымъ! Стоитъ только страху немного разсѣяться, какъ бывшія его жертвы явятся заклятыми врагами и ниспровергателями подобнаго порядка. Поэтому только тотъ порядокъ и можетъ быть проченъ, который не страшится и не бѣжитъ свободы.

Кромѣ того стѣсненіе свободы, какъ извѣстно, ведетъ къ упадку промышленности, и бюрократическій соціализмъ—это могила не только свободы, но и благосостоянія. Уничтоженіе народной самодѣятельности и развитіе пагубной бюрократической централизаціи сначала разорило и развратило Францію, а потомъ вызвало грозную великую революцію, которая безпрепятственно разнесла въ щепки весь старый порядокъ. Великая революція только потому и могла превзойти всякую мѣру, что старый порядокъ былъ непримиримымъ врагомъ свободы. Люди, забитые страхомъ и рабски чуждые всякой самодѣятельности, несмотря на свое отвращеніе къ неистовствамъ революціи, не имѣли ни силъ, ни умѣнья, чтобы противостать ей и побороть ее.

Основою свободы является возможность громко говорить правду. По поводу этого нельзя не вспомнить сказанную недавно въ Петербургѣ рѣчь одного престарѣлаго севастопольскаго героя, заслуженнаго боевого генерала, поднявшаго бокалъ за то, „Чтобы до уха Царскаго

Помазанника Божія доходила одна правда, и чтобы люди, поставленные судьбою у подножья Престола, говорили смѣло эту правду, прислушиваясь къ общественному мнѣнію". Но для того, чтобы правда, безъ искаженія, могла возноситься на верхъ, необходимо довѣріе къ обществу.

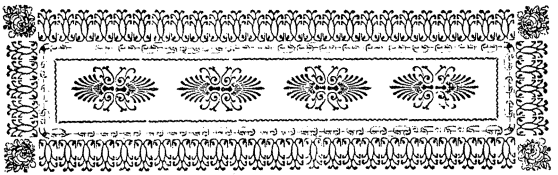
Въ этомъ отношеніи Высочайшій Манифестъ 26 февраля является лучемъ надежды, просвѣчивающимъ сквозь пелену недовѣрія, въ которую окутано русское общество.

Въ Манифестѣ говорится о призывѣ достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ, къ участію въ губернскихъ совѣщаніяхъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи. Но для успѣха дѣла необходимо, чтобы разрѣшеніе вопроса о томъ, кто является дѣятелемъ, наиболѣе достойнымъ участія въ трудахъ законодательства, было довѣрено обществу, а не предоставлено усмотрѣнію администраціи. Только при этомъ условіи и можетъ быть плодотворна работа мѣстныхъ дѣятелей.

Для успѣха дѣла необходимо, чтобы въ избраніи этихъ лицъ участвовали всѣ классы населенія, хотя бы въ лицѣ только особыхъ представителей.

Этимъ путемъ можетъ быть сдѣланъ первый, правда небольшой, но вѣрный шагъ къ прекращенію той смуты, о которой говорится въ Высочайшемъ Манифестѣ.

Кн. П. Ухтомскій



УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНІЕ.

Рефератъ, прочитанный на засѣданіи 8 февраля.

Будучи приглашенъ на одно изъ засѣданій Юридическаго Общества, интересуясь задачами его, какъ почетный, въ продолженіи многихъ лѣтъ, мировой судья, я съ удовольствіемъ посѣтилъ засѣданіе. Бесѣдуя съ уважаемымъ предсѣдателемъ, я спросилъ не будетъ-ли когда нибудь обсуждаться въ обществѣ вопросъ объ „Условномъ осужденіи“. Г. Предсѣдатель предложилъ мнѣ: не желаю ли я сдѣлать сообщеніе по этому предмету. Сначала я уклонился, но затѣмъ согласился принять участіе, сообща, въ подъемѣ этого въ высшей степени, важнаго вопроса.

Какъ не юристъ, не могу, конечно, представить этотъ вопросъ съ научной точки зрѣнія, тѣмъ болѣе здѣсь, въ этомъ зданіи святилища наукъ. Я только хотѣлъ напомнить о немъ, чтобы вывести его изъ библіотечныхъ хранилищъ на свѣтъ Божій, съ чисто практическими цѣлями, на благо общественное. Еще въ Кіевѣ я старался познакомиться съ литературой этого вопроса, но оказалось, что, кромѣ сочиненія профессора А. Піонтковскаго и нѣкоторыхъ небольшихъ замѣтокъ печатнаго матеріала нѣтъ на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе и въ печати и въ частныхъ своихъ сношеніяхъ проводилъ идею не только о полезности, но и необходимости введенія у насъ Условнаго осужденія.

Въ судейской моей практикѣ, я воочію, на съѣздахъ, убѣдился на сколько было бы благодѣтельно скорѣйшее введеніе Условнаго осужденія въ Россіи, Какъ часто сжималось сердце подписывая приговоръ темныхъ людямъ, которые безъ всякаго руководительства выростая, какъ кривое дерево въ лѣсу, подлежали тюремному заключенію, когда по Евангельскому ученію, нужно было имъ только сказать: „иди и больше не грѣши“, не въ видѣ поблажки, а въ смыслѣ отсрочки наказанія для возможнаго исправленія обвиняемаго. Тѣмъ болѣе, это важно, что Условное осужденіе уменьшаетъ потребность въ тюрьмахъ, которыя находятся у насъ далеко еще отъ благоустройства, какъ въ смыслѣ нравственныхъ условій, такъ и страшныхъ матеріальныхъ неудобствъ, дурной ихъ организаціи и тѣсноты. Съ уничтоженіемъ ссылки въ Сибирь эти неудобства усугубляются еще болѣе, а между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, изъ подвергшихся Условному осужденію за границей рецидивисты составляютъ отъ 3 до 10% и даже, если бы процентъ этотъ доходилъ до 50, то и тогда Условное осужденіе было бы существимъ благодѣяніемъ для Государства въ моральномъ и экономическомъ отношеніи.

Въ январской книжкѣ Всемірнаго Вѣстника П. Ковалевскій въ ст. „борьба съ преступностью“, говоритъ слѣдующее: человѣчество во всей своей массѣ, на ряду съ радостями переживаетъ и несчастіе, и страданіе. Православная церковь ежедневно молитъ Господа объ избавленіи отъ болѣзни, скорби, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ, потопа, губительства и междуусобныя брани. Во время установленія этой эктеніи преступленія совершались гораздо рѣже, несравненно проще и не тяготили такъ общества, какъ въ настоящій моментъ. Нынѣ не то Великое несчастіе, великое бремя для общества—болѣзни,—не малое его горе составляютъ и преступленія, убійства, разбой, грабежи, воровство, мошенничества, поджоги и проч.—все это не только ежедневныя, но ежечасныя, ежеминутныя событія нашей жизни,—и никто изъ насъ не гарантированъ, что не сегодня, завтра, подвергнется одному изъ сихъ видовъ несчастья, извѣстнаго подъ именемъ *преступленія*. Изъ весьма поучительной статистики преступленій, опубликованной Министерствомъ Юстиціи въ 1899 г, оказывается, что на массу народонаселенія Россійской имперіи, находящуюся въ Европейской Россіи, за пятилѣтіе (1889—1893 г.г.) совершенно уголовныхъ преступленій 284.073...

Главнымъ органомъ борьбы съ преступностью является *судъ*. Современный русскій судъ есть самое симпатичнѣйшее учрежденіе. Всѣ служители храма Ѳемиды составляютъ лучшую часть общества. Всѣ они получили высшее образованіе. Поэтому не удивительно, что судъ въ обществѣ пользуется полнымъ уваженіемъ и искреннимъ довѣріемъ. Это можетъ быть единственное учрежденіе, которое наименѣе получаетъ нареканіе во взяточничествѣ. Наибольшее число студентовъ нашихъ университетовъ получаетъ образованіе на юридическомъ факультетѣ, задачею котораго, помимо всесторонняго гуманнаго образованія, является спеціальная подготовка къ отправленію дѣйствія правосудія. Къ 1 января 1902 г. во всѣхъ университетахъ Россіи около 15000 студентовъ,—при чемъ на филологическомъ факультетѣ 1.062, на естественномъ 3.680, на медицинскомъ 3.197 и на юридическомъ около 6000. Такимъ образомъ на борьбу съ преступленіемъ подготовляетъ себя бо́льшее число лучшихъ людей, чѣмъ на борьбу съ болѣзнями, количество которыхъ неизмѣримо больше, чѣмъ количество преступленій.

Несмотря на такой многочисленный составъ служителей правосудія, что онъ вербуется изъ лучшей части общества,—что все это люди съ высшимъ, гуманитарнымъ образованіемъ,—несмотря на несомнѣнно честное, неоспоримо почтенное служеніе всѣхъ этихъ лицъ,—на участіе въ отправленіи этого суда членовъ самого общества, конечная цѣпь всего этого—уменьшеніе преступности—не достигается. Судьи судятъ,—а преступленія все растутъ и растутъ. Общество теряетъ лучшую часть своихъ членовъ на отправленіе правосудія,—общество не щадитъ средствъ на содержаніе этого учрежденія,—а преступность не прекращается. Одни совершаютъ преступленія, другія судятъ. Судьи работаютъ дни и ночи. А преступленія новою массою все прибываютъ. Строятся новые суды, добавляются составы судовъ,—а преступность какъ бы смѣется надъ всѣмъ этимъ: преступленій совершается все больше и больше. Судъ изнемогаетъ, а преступность издѣвается надъ нимъ.

Предыдущее удостовѣряетъ въ томъ, что современный строй отправленія правосудія нисколько не вліяетъ на преступность: она совершается, совершенствуется и размножается. Роль суда—разслѣдованіе и присужденіе. Что же дѣлается, по совершеніи суда, съ преступникомъ? Онъ исправляется,

онъ становится человѣкомъ годнымъ? Ничуть. Случайный преступникъ становится профессіональнымъ преступникомъ. — профессіональный преступникъ — неисправимымъ злодѣемъ. Дѣло суда ограничивается назначеніемъ наказанія... Дѣйствительно ли наказаніе исправляетъ и способно исправить человѣка? Много по этому поводу говорилось и писалось.

Наказаніе во всѣхъ его видахъ не исправляетъ человѣка, тѣмъ болѣе что судъ имѣетъ обыкновенно дѣло съ преступленіемъ, а не съ личностью преступника Въ этомъ убѣждаютъ насъ примѣры жизни педагогической и соціальной и многовѣковая практика примѣненія судебныхъ рѣшеній. Едва ли найдется очень много случаевъ исправленія настоящихъ преступниковъ путемъ тюремнаго заключенія, ссылки, каторжныхъ работъ, галеръ и проч., если внутри этого человѣка не сохранились въ достаточной степени свои собственныя нравственныя начала.

Напр. достигаемъ ли мы въ тюрьмахъ исправленія? Всеобщіе отзывы о тюрьмѣ самые ужасные въ смыслѣ необыкновенно сильнаго развращенія человѣка. Тюрьма есть для предварительнаго заключенія, тюрьма слѣдственная, арестантскія роты, исправительныя роты, остроги, ссылка въ Сибирь на поселеніе, ссылка въ каторжныя работы, ссылка на Сахалинъ и т. д. Много и долго человѣчество изощрялось въ изобрѣтеніи губительства человѣка сначала его души, а потомъ и тѣла.

Отзывъ всѣхъ лучшихъ людей всего міра объ этихъ домахъ заключенія — самый ужасный и самый отчаянный. Въ домахъ предварительнаго заключенія и подслѣдственныхъ тюрьмахъ случайный преступникъ, если у него къ тому есть склонность, изучаетъ въ теоріи всѣ тонкости сокрытія преступленія и всѣ разновидности преступности, при чемъ для него представляется широкій выборъ спеціальности, примѣнительно къ его вкусамъ, взглядамъ и характеру, — и дѣйствительно, новички преступники. уже послѣ перваго сидѣнія въ предварительномъ заключеніи, выходятъ оттуда обученными и теоретически просвѣщенными“.....

Теперь посмотримъ, что такое Условное осужденіе; оно заключается *) собственно въ отсрочкѣ исполненія наказанія,

*) Изъ ст. пр. Тимофѣева.

съ тѣмъ, что при выполненіи осужденнымъ въ теченіе опредѣленнаго времени требованій закона, наказаніе не примѣняется вовсе, а при невыполненіи—примѣняется независимо отъ всякого другого. У осужденіе—не видъ помилованія и не видъ наказанія, а уголовно-политическая мѣра, имѣющая цѣлью устранить вредныя послѣдствія нецѣлесообразнаго примѣненія наказаній; поэтому примѣненіе ея и предоставлено суду, назначающему наказаніе, подобно тому, какъ ему же предоставляется помѣщеніе въ исправительное заведеніе или отдача подсудимаго, признаннаго душевно-больнымъ, въ соотвѣтствующее учрежденіе. Судъ можетъ примѣнить эту мѣру лишь въ такомъ случаѣ, когда есть основаніе разсчитывать на хорошее поведеніе осуждаемаго. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ давно уже существовало нѣчто въ родѣ У. осужденія: напр. съ виновнаго бралось поручительство въ хорошемъ поведеніи и наказаніе не исполнялось немедленно. Въ настоящемъ своемъ видѣ У. осужденіе было впервые введено въ дѣйствіе въ штатѣ Массачусетсѣ, въ 1869 г., для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (до 17 лѣтъ); успѣхъ этой мѣры вызвалъ примѣненіе ея и ко взрослымъ. Примѣру Массачусетса послѣдовали австралійскія колоніи, Канада, Англія, Франція, Бельгія, Норвегія, Люксембургъ, Португалія и Швейцарія. Одновременно съ этимъ условное осужденіе стало разрабатываться въ юридической литературѣ, и на пенитенціарныхъ конгресахъ и съѣздахъ. Сторонники У. осужденія приводятъ слѣдующія соображенія въ его пользу: 1) успѣхъ У. осужденія въ качествѣ цѣлесообразной мѣры борьбы съ такъ называемой случайной преступностью Въ Массачусетсѣ, по даннымъ 1879—89 г., число нарушившихъ условія и подлежавшихъ наказанію составляло лишь 8% всѣхъ У.—осужденныхъ. Такіе же приблизительно результаты достигнуты въ Австраліи и въ Англіи. Въ Бельгіи всего 3%. Во Франціи число нарушившихъ условія составляло 4,4%. 2) Вредъ краткосрочнаго тюремнаго заключенія или вообще тюремнаго заключенія для лицъ, приговоренныхъ къ нему впервые. Безполезность въ смыслѣ устрашенія и развращающее вліяніе тюрьмы, особенно для случайныхъ преступниковъ, подтверждаются наблюденіями большинства лицъ, знакомыхъ съ современными тюрьмами, и приводятъ къ мысли о желательности замѣны тюремнаго заключенія другими мѣрами; одною изъ нихъ и является У. осужденіе,

дающее возможность отдалить вступленіе въ тюрьму случайнаго преступника или совсѣмъ освободить его отъ этого. 3) Соотвѣтствіе У. осужденія началамъ уголовно-правовой политики, требующей экономіи карательныхъ мѣръ, предупрежденія преступности, устраненія изъ карательной системы всего, что не безусловно необходимо въ видахъ охраны общественной безопасности и порядка. Наказаніе справедливо, поскольку оно цѣлесообразно; внѣ этихъ предѣловъ, какъ самоцѣльное возмездіе или логическое послѣдствіе преступленія, наказаніе становится проявленіемъ мести и жестокости. Противники У. осужденія возражаютъ: 1) У. осужденіе несогласно съ понятіемъ абсолютной справедливости и началомъ возмездія; 2) У. осужденіе отдаетъ на произволъ судьи назначеніе наказанія и создаетъ неравенство между осужденными; напр. богатые представляютъ больше гарантій для хорошаго поведенія, чѣмъ бѣдные, и къ нимъ будетъ чаще примѣняться У. осужденіе; 3) У. осужденіе можетъ возбудить мысль, что первый проступокъ вообще не наказывается; 4) аргументы противъ краткосрочнаго тюремнаго заключенія пригодны и вообще противъ тюрьмы и современныхъ наказаній, организованныхъ неудовлетворительно, и, слѣдовательно, идутъ дальше цѣли; 5) указаній опыта еще слишкомъ мало. Сравненіе доводовъ за и противъ У. осужденія указываетъ, что его противники стоятъ на точкѣ зрѣнія отвлеченной теоріи, критикуютъ У. осужденіе какъ несогласное съ установившимися взглядами на преступленіе и наказаніе. Между тѣмъ на практикѣ успѣшность У. осужденія несомнѣнна; недостатки тюремнаго заключенія, особенно краткосрочнаго, также безспорны. Слабыя стороны современныхъ наказаній не мѣшаютъ пользоваться ими, такъ какъ нѣтъ мѣръ, ихъ замѣняющихъ, но если У. осужденіе можетъ удачно замѣнить одно изъ плохихъ наказаній, то нѣтъ основаній отъ него отказываться или предпочитать ему надежду на возможность, въ будущемъ, улучшенія тюремнаго заключенія. У. осужденіе могло бы привести къ мысли о безнаказанности въ такомъ лишь случаѣ, если бы оно примѣнялось ко всѣмъ или большей части осужденныхъ; но законодательства, какъ и теорія, ограничиваются извѣстной группой преступниковъ и обставляютъ У. осужденіе рядомъ условій, исключающихъ опасность слишкомъ широкого примѣненія его. Несостоятельно и указаніе, что У. осужденіе соз-

дастъ произволъ судьи: примѣненіе его такъ же гарантировано отъ злоупотребленій, какъ и вообще примѣненіе наказанія. Судейское усмотрѣніе при назначеніи наказанія играетъ очень большую роль и теперь; напр. по германскимъ законамъ можетъ быть свыше 1000 варіацій наказанія за кражу. Наконецъ, соображенія о трудности выполненія закона о неумѣлости и ошибкахъ судей одинаково примѣнимы къ отправленію судейскихъ обязанностей вообще, и при условномъ осужденіи рискъ не больше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ; о недостаткѣ опыта, когда У. осужденіе примѣняется уже около 30 лѣтъ, говоритъ въ настоящее время не приходится. Такимъ образомъ перевѣсъ какъ по практическимъ, такъ и по теоретическимъ соображеніямъ остается на сторонѣ У. осужденія— и этимъ объясняется постоянное возобновленіе попытокъ ввести его въ государствахъ, которыми оно еще не принято.

Въ *Массачусетсѣ* У. осужденіе примѣняется при назначеніи штрафовъ и краткосрочнаго заключенія (до 1 года); осужденный обязанъ вести себя хорошо въ теченіе опредѣленнаго срока (2—12 мѣсяцевъ), за чѣмъ наблюдаютъ особыя должностныя лица (Probation officers); несоблюденіе условія ведетъ за собою примѣненіе наказанія. Та же система принята и въ Астралія. Въ *Англіи* (законъ 1887 г.) У. осужденіе примѣняется къ лицамъ, совершившимъ въ первый разъ проступокъ, караемый тюрьмой до 2 лѣтъ; срокъ испытанія опредѣляется судьей (обыкновенно до 2 лѣтъ); судья можетъ потребовать поручительства въ хорошемъ поведеніи, обезпеченнаго денежной суммой. Въ другихъ европейскихъ государствахъ не устанавливается никакихъ мѣръ для обезпеченія хорошаго поведенія. Законъ считаетъ условіе хорошаго поведенія исполненнымъ, если осужденный въ теченіе опредѣленнаго срока не совершетъ снова наказуемаго дѣянія. Примѣру Англіи прежде другихъ континентальныхъ государствъ послѣдовала *Бельгія* (законъ 1888 г.) У. осужденіе допускается въ ней для лицъ, приговоренныхъ въ первый разъ къ заключенію до 6 мѣс. Высшій размѣръ срока испытанія опредѣляется до 5 лѣтъ. Шире всего поставлено У. осужденіе во *Франціи*: по закону 1891 г. У. осужденіе примѣняется къ лицамъ, въ первый разъ приговореннымъ къ тюрьмѣ до 5 лѣтъ или къ штрафу; наказаніе считается погашеннымъ, если осужденный въ теченіе 5 лѣтъ не совершитъ преступленія или

проступка, караемаго тюрьмою. Въ *Норвегіи* (1894 г.) У. осужденіе назначается при приговорѣ къ тюрьмѣ или штрафу. Срокъ испытанія опредѣляется въ 3 года. Въ *Швейцаріи* (законъ 1897 г.) У. осужденіе назначается при приговорѣ въ первый разъ къ тюрьмѣ до 6 мѣс. и, безъ этого ограниченія, къ штрафу (исключаются нарушенія федеральныхъ законовъ и казенныхъ уставовъ, а также полицейскія нарушенія). У. осужденіе не можетъ быть примѣнено 2 раза. Срокъ испытанія опредѣляется судомъ отъ 2 до 5 лѣтъ. Въ *Германіи* У. осужденіе не введено въ законодательство, хотя съ 1889 г. идетъ начатая проф. Листомъ агитація за его допущеніе; за него высказалась германская группа международнаго союза криминалистовъ и съѣздъ юристовъ (1891 г.). Въ 1895 г. была сдѣлана въ рейхстагѣ попытка побудить правительство представить законопроектъ объ У. осужденіи; въ 1896 г. рейхстагъ единогласно постановилъ просить имперскаго канцлера внести законопроектъ объ У. осужденіи; въ 1899 г. на повторительные запросы правительство обѣщало заняться У. осужденіемъ, по собраніи данныхъ опыта. Противъ У. осужденія высказались нѣкоторые теоретики (Кирхенгеймъ, Аппеліусъ, Вахъ), нѣкоторыя тюремныя общества и высшіе судебные чины Пруссіи. Не смотря на эти неблагопріятные отзывы, нѣкоторыя германскія правительства прибѣгли, до разрѣшенія вопроса путемъ имперскаго законодательства, къ сходной съ У. осужденіемъ мѣрѣ—У. *помилованію* (Саксонія съ 1895 г.), т. е. освобожденію осужденнаго отъ наказанія посредствомъ помилованія, подъ условіемъ соблюденія въ теченіе опредѣленнаго времени постановленныхъ ему требованій. Подобныя постановленія были приняты потомъ почти всѣми союзными государствами, за исключеніемъ 6 небольшихъ герцогствъ и княжествъ, и примѣняются къ молодымъ преступникамъ или вообще приговоренныхъ въ первый разъ къ тюрьмѣ на срокъ отъ 3 до 6 мѣс.; въ Саксоніи предѣловъ не указано, но на практикѣ и тамъ У. помилованіе примѣняется къ менѣе важнымъ случаямъ. Срокъ испытанія опредѣляется или по сроку давности, или независимо отъ него, до 5 лѣтъ (Баварія). У. помилованіе въ такой формѣ фактически составляетъ переходъ къ У. осужденію, и, такимъ образомъ, вопросъ о немъ въ Германіи можно считать предрѣшеннымъ, зависящимъ отъ результатовъ примѣненія У. помилованія—а результаты до 1899 г.

были достаточно благопріятны—болѣе $^2/_3$ ($67\,^0/_0$) У. помилованныхъ получили окончательное помилованіе (при 6—7000 помилованіяхъ ежегодно). Въ *Россіи* У. осужденіе не было принято составителями проекта уголовнаго уложенія, главнымъ образомъ въ виду чисто техническихъ затрудненій, предполагавшихся при примѣненіи У. осужденія. Возраженія противниковъ У. осужденія сводились къ указаніямъ: 1) на трудность регистраціи У. осужденныхъ—что можетъ быть устранено какъ ея улучшеніемъ, такъ и назначеніемъ У. осужденія лишь при удостовѣреніи, что осужденный не подвергался раньше наказанію; 2) на трудность предоставить осуществленіе этой мѣры земскимъ начальникамъ—которымъ, однако, предоставлено назначеніе весьма серьезныхъ наказаній. Большинство касавшихся этого вопроса въ русской юридической литературѣ признаетъ У. осужденіе институтомъ крайне желательнымъ для Россіи; за него высказалась и русская группа международнаго союза криминалистовъ (1898, 1899 г.)., какъ за „институтъ справедливости, человѣчности и государственной пользы".

Результаты примѣненія условнаго осужденія въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи, говоритъ профессоръ Піонтковскій, вполнѣ оправдываютъ тѣ надежды, какія возлагались уголовно-политической доктриной на условное осужденіе. Они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что условное осужденіе съ успѣхомъ справляется съ тѣми задачами, которыя выпадаютъ на его долю въ борьбѣ съ преступностью. Отнынѣ можно утверждать, что условное осужденіе представляетъ изъ себя испытанное многолѣтнимъ опытомъ пригодное карательное средство.

Условному осужденію удалось уже возвратить многія тысячи заблудшихся къ честной и трудовой жизни и спасти отъ позора и растлѣвающаго вліянія тюрьмы; ему удалось въ значительной степени гуманизировать современный карательный механизмъ и воочію показать, что мѣры гуманитарнаго свойства представляются болѣе полезными въ борьбѣ съ преступностью, чѣмъ мѣры, подавляющія преступную личность и причиняющія ей различнаго рода ощутительныя страданія

Условное осужденіе—драгоцѣнное наслѣдіе, переданное намъ истекшимъ столѣтіемъ. Содѣйствовать дальнѣйшему его развитію и совершенствованію—одна изъ кардинальныхъ задачъ, выпадающихъ, въ силу исторической преемственности, на долю уголовной политики XX вѣка.

Въ Россіи условнаго осужденія нѣтъ, но въ ней давно уже существовалъ другой видъ его. Въ московскій періодъ исторіи нашего права былъ извѣстенъ институтъ поручительства, отдачи на чистую поруку съ записью, „что ему впредь не красти и не разбивати“ (ул. XXI, 29, 36 и др.). Этотъ институтъ примѣнялся въ широкихъ размѣрахъ [1]), служа замѣной уголовной кары въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По своему характеру онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ современнымъ институтомъ условнаго осужденія. Въ немъ, хотя въ формѣ, ведущей къ несовмѣстимому съ современными намъ правовыми воззрѣніями произволу, заключается идея, аналогичная идеѣ условнаго осужденія—идея угрозы, какъ сдерживающаго отъ дальнѣйшихъ преступныхъ посягательствъ импульса. Какъ надъ головой условнаго осужденнаго виситъ „Дамокловъ мечъ“ исполненія въ будущемъ назначеннаго наказанія, такъ, при отдачѣ на поруку, надъ головой одобреннаго на обыскѣ обвиняемаго висѣлъ „Дамокловъ мечъ“ будущей строгой кары.

Эта идея въ историческомъ процессѣ образованія нашего права дальнѣйшаго развитія не получила, затерялась, вслѣдствіе чего идея условнаго осужденія въ настоящее время представляется для насъ какъ бы новой. Однако она лишь нова по формѣ, а не по духу даже и современному намъ уголовному праву, знающему такую форму наказанія, какъ выговоръ, карательное значеніе котораго главнымъ образомъ, заключается въ фактѣ признанія обвиняемаго виновнымъ въ приписываемомъ ему дѣяніи и въ произнесеніи приговора, что отчасти имѣетъ мѣсто и при условномъ осужденіи“.

Но намъ извѣстно, чтобы какая нибудь полезная мысль вошла въ сознаніе, иногда нужно цѣлое столѣтіе, а чтобы она проникла совсѣмъ въ жизнь, нужно столько-же времени. Это мы видимъ на идеяхъ французской революціи, а еще рельефнѣе на Христіанскомъ ученіи, которое въ продолженіи почти 2000 лѣтъ не укрѣпилось между нами.

Вотъ почему намъ нужно чаще напоминать обществу о такихъ вопросахъ какъ У. О., необходимости введенія мелкой земской единицы и т. д., слишкомъ тѣсно связанныхъ съ подъ-

[1]) См. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи Русскаго Права, стр. 301.

емомъ народа въ нравственномъ его совершенствованіи, чтобы это скорѣе и сильнѣе входило въ общественное сознаніе. Въ этомъ случаѣ надо подражать Катону, который каждую свою рѣчь заканчивалъ: „а всетаки надо разрушить Карѳагенъ“; разница только въ томъ, что мы желаемъ не разрушенія чего либо, а нравственнаго общественнаго обновленія.

И особенно это необходимо тамъ, гдѣ жизненный прогрессъ не только не имѣетъ движенія впредъ, и напротивъ часто идетъ обратнымъ ходомъ. Такъ напр. въ древней Руси достаточно было сказать при договорахъ, „да будетъ мнѣ стыдно, если не исполню обѣщанія“, а нынѣ безъ нотаріальныхъ контрактовъ мы не обходимся.

Между прочимъ Пржевальскій, исходившій Монголію, Тибетъ, Кашкаръ, говорилъ, что его караваны, съ богатыми подарками на верблюдахъ, охраняемые туземцами, не знали замковъ, а дома, въ своей Русской усадьбѣ, безъ крѣпкихъ запоровъ дѣло не обходилось.

Еще недавно появилась книга Фильдинга „Душа одного Народа“ именно Бирманскаго, сохранившаго въ продолженіи тысячелѣтій идеальную чистоту и только съ завоеваніемъ его Англичанами познакомившагося съ прелестями Европейской цивилизаціи.

Заканчивая сообщеніе, не могу еще разъ не повторить того, что сказано было цѣлыя тысячелѣтія назадъ. Хорошо управляется та страна, гдѣ мечи заржавлены, а плуги блестятъ; гдѣ много стариковъ и дѣтей; гдѣ житницы полны и гдѣ ступени школъ, храмовъ стерты, а дороги къ судилищамъ, больницамъ и тюрьмамъ заросли травой.

А. Косичъ

НЕСМѢНЯЕМОСТЬ СУДЬИ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ.

(КЪ ГЛАВѢ 2-й VII РАЗДѢЛА КНИГИ I ПРОЕКТА НОВОЙ РЕДАКЦІИ УЧРЕЖДЕНІЯ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ).

Докладъ, прочитанный на засѣданіи 8 февраля.

I.

Населеніе государства разбито на отдѣльные слои, классы съ противорѣчивыми интересами, при чемъ силы разныхъ группъ оказываются далеко не равными. Естественно поэтому, что разсматриваемое съ точки зрѣнія соціологической право представитъ передъ нами какъ продуктъ борьбы, принудительно примиряющій эти интересы [1]), на содержаніи котораго неравенство борющихся силъ невыгодно отразится для слабѣйшихъ. Всякое право есть право сильнѣйшаго, и все-таки этическое значеніе его громадно, такъ какъ правовая регулировка представляетъ и для слабѣйшихъ существенныя выгоды. Прежде всего, право вноситъ опредѣленность въ отношенія, и это его формальное достоинство, на взглядъ непосвященнаго можетъ быть малоцѣнное, на дѣлѣ ранѣе всего было оцѣнено народами. Но и по содержанію своему правовыя нормы даютъ большій или меньшій уклонъ въ пользу слабѣйшихъ: фактическое столкновеніе сильнѣйшаго съ слабѣйшимъ дало бы для слабѣйшаго еще худшее положеніе. Рядъ причинъ объясняетъ такое явленіе. Правовыя нормы

[1]) Меркель. Сила и право, особенно § V.

рѣшаютъ столкновеніе интересовъ не двухъ конкретныхъ лицъ, а всѣхъ лицъ, находящихся въ извѣстныхъ условіяхъ, поэтому интересъ отдѣльнаго сильнѣйшаго затрагивается ими не такъ рѣзко—на закрытіе магазина въ праздникъ отдѣльный торговецъ едва ли согласится, обязательное же постановленіе, поражающее не только его, но и всѣхъ конкурентовъ, иногда встрѣчено имъ будетъ и не безъ удовольствія. Затѣмъ всѣ группы заинтересованы при современномъ экономическомъ укладѣ къ возможно лучшемъ благосостояніи всѣхъ остальныхъ, кромѣ тѣхъ, и то не всегда [1]), интересы которыхъ имъ прямо противоположны; отсюда благодѣтельное для слабѣйшихъ столкновеніе между сильнѣйшими—проведеніе напр. аграріями германскаго фабричнаго законодательства. Наконецъ въ дѣлѣ законодательства неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ въ фактической жизни сказывается одинъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ постояннаго въ исторіи улучшенія положенія слабѣйшихъ—это самоограниченіе сильнѣйшихъ [2]). Первоначально безсознательное, потомъ вынуждаемое силою или страхомъ порванія струны, оно дѣлается все болѣе сознательнымъ съ развитіемъ въ сильнѣйшихъ яснаго пониманія выгоды для нихъ такого рода дѣйствій. Понятно, что при изданіи правовыхъ нормъ, когда интересъ личнаго благосостоянія замѣняется сознаніемъ важности самоограниченія для всей группы этого лица, самоограниченіе это психологически оказывается гораздо болѣе возможнымъ и фактически осуществимымъ, чѣмъ при непосредственномъ конкретномъ столкновеніи. Сказаннаго уже достаточно было бы для доказательства нашего положенія о выгодности права и для слабѣйшихъ, но слѣдуетъ припомнить и нѣкоторые другіе факторы. Не надо забывать о идеяхъ справедливости, любви, братства и т. д., которыя опять таки несомнѣнно могутъ оказать большее психологическое вліяніе въ дѣлѣ созданія общихъ нормъ, чѣмъ при фактической борьбѣ. Если идеи безсильны пока передъ рѣзкимъ напоромъ своекорыстныхъ интересовъ, то крайности столкновеній онѣ

---

[1]) Напр. взаимная заинтересованность всѣхъ въ улучшеніи гигіенических условій жизни.

[2]) Ihering. Der Zweck im Recht. I. 3 Aufl. 1893. Кар. VIII 11 S. 377.

могутъ умѣрять и теперь [1]); возможно также вліяніе въ пользу слабѣйшихъ представителей государственной власти, обладающей въ настоящее время благодаря своей стройной и могучей организаціи чрезвычайною силою, а потому могущей иногда сказать рѣшающее слово при столкновеніи интересовъ. Одинъ изъ наиболѣе пессимистичныхъ въ этомъ отношеніи писателей Лоріа и тотъ [2]) допускаетъ для нея возможность по крайней мѣрѣ воспользоваться въ интересахъ слабѣйшихъ соперничествомъ сильнѣйшихъ классовъ.

И такъ право выгоднѣе для слабѣйшихъ, чѣмъ фактическое столкновеніе, возникаетъ поэтому опасность, что при примѣненіи права сильнѣйшіе въ пылу момента постараются пазерстать свое и взять назадъ даже тѣ уступки, которыя въ конечномъ выводѣ выгодны для нихъ самихъ. Отсюда необходимость сдѣлать судью безбоязненнымъ по отношенію къ любому отдѣльному лицу съ одной стороны, а съ другой и по отношенію къ органамъ власти, особенно податливымъ воздѣйствію на нихъ тѣхъ или другихъ группъ. На это двойное требованіе современныя права отвѣчаютъ: во 1) ввѣреніемъ судебныхъ функцій особымъ органамъ государственной власти-судамъ и 2) объявленіемъ судей „подчиненными, какъ выражается § 1 германскаго GVG, только закону". Институтомъ, стремящимся обезпечить судьѣ независимость, и является его несмѣняемость. Несмѣняемость судей въ современныхъ государствахъ ведетъ свое начало изъ королевской Франціи еще изъ XV, XVI столѣтій. Возникла она тамъ не для достиженія этой цѣли, а изъ желанія королей упроченіемъ положенія судебныхъ дѣятелей [3]) тѣснѣе привязать ихъ къ себѣ, ихъ—однихъ изъ главнѣйшихъ проводниковъ объединенія королевскою властью феодальной Франціи. Упрочилась тамъ несмѣняемость благодаря развившейся системѣ продажи должностей и взгляду на нихъ какъ на частную собственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ она быстро

---

[1]) Даже Loria. Die wirtschaftlichen Grundlagen d. herrsch. Gesellschaftsordnung. d. d. Uebers. 1895. S. 140: «нравственное электричество, развивающееся въ большихъ собраніяхъ, вызываетъ великодушныя вспышки и благодѣтельные взрывы одушевленія».

[2]) Ibid. S. 156.

[3]) Martin Sarzeaud. Recherches historiques sur l'inamovibilité de la magistrature P. 1883. Chap. II.

доказала, что она можетъ служить другой цѣли-независимости правосудія, что и было скоро освоено. На несмѣняемости такимъ образомъ блестяще оправдался законъ Вундта гетерогоніи цѣлей. И теперь несмѣняемость судей вводится сознательно съ цѣлью обезпечить судью отъ подчиненности могущественнымъ органамъ власти, какъ это картинно описывалъ Royer Collard въ его столь часто приводимой рѣчи 1815 г. [1]): „когда власть, назначая судью отъ имени общества, приглашаетъ гражданина занять эту вылающуюся должность, она говоритъ ему: „органъ закона будь, какъ онъ безстрастенъ. Всѣ страсти будутъ трепетать вокругъ тебя, твоей души пусть онѣ никогда не смутятъ. По моему ли собственному заблужденію, благодаря ли вліяніямъ, отъ которыхъ мнѣ самой было бы вредно освободиться совсѣмъ, но если у меня вырвутся приказанія несправедливыя, не слушайся моихъ повелѣній, сопротивляйся моимъ прельщеніямъ, противостой моимъ угрозамъ. Пусть при входѣ въ судъ въ глубинѣ твоего сердца не остапется ни боязни, ни надежды, будь безстрастенъ, какъ законъ". Гражданинъ отвѣчаетъ: я человѣкъ только, а ты требуешь отъ меня сверхчеловѣческаго. Ты слишкомъ сильна, а я слишкомъ слабъ, я паду въ этой неравной борьбѣ. Ты не захочешь признать тѣхъ поводовъ къ сопротивленію, на которые сейчасъ сама мнѣ указываешь, и накажешь меня за это сопротивленіе. Я не могу постоянно быть выше самого себя, развѣ только ты защитишь меня сразу и отъ себя и отъ тебя. Излечи же мою слабость. Пообѣщай, что я сойду съ судейскаго мѣста только тогда, когда будетъ доказано, что я измѣнилъ обязанности, которую ты на меня налагаешь.—Власть колеблется: въ природѣ власти медленно отказываться отъ своей доброй воли. Наконецъ она, убѣдившись на опытѣ въ истинныхъ своихъ выгодахъ и покоряясь все растущей силѣ вещей, говоритъ судьѣ: ты будешь несмѣняемъ".

II.

Что же такое эта несмѣняемость? Не надо думать, что если судья несмѣняемъ, то значитъ ни въ какомъ случаѣ

[1]) Picot. La réforme judiciaire en France. P. 1881. p. 70.

противъ своей воли онъ не можетъ быть смѣненъ, т. е. лишенъ мѣста или перемѣщенъ на другое. Въ любомъ законодательствѣ мы найдемъ рядъ случаевъ, когда судьѣ несмѣняемому приходится оставить свое мѣсто и безъ его воли. Говорю я здѣсь не о такихъ постановленіяхъ закона, когда нѣкоторыя категоріи судей совсѣмъ не получаютъ несмѣняемости, какъ наши городскіе судьи и земскіе начальники, французскіе мировые судьи, или когда всѣ судьи становятся несмѣняемыми только послѣ извѣстнаго стажа, какъ судьи Наполеона I, теперешніе итальянскіе [1]), а также баденскіе Amtsrichter или наконецъ когда несмѣняемость не распространяется на переводъ судьи безъ прошенія на равное мѣсто, какъ это дѣлается въ Италіи [2]) и Баденѣ [3]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово несмѣняемость приходится или совсѣмъ оставлять или употреблять съ оговоркой за неточность. Но и тамъ, гдѣ судья несмѣняемъ, онъ несмѣняемъ только during good behaviour, какъ говорятъ англичане. Мало того, даже тогда, когда и упрекнуть въ дурномъ поведеніи судью невозможно. когда напримѣръ его посѣтитъ продолжительная болѣзнь, а въ нѣкоторыхъ странахъ просто онъ достигнетъ извѣстнаго возраста, ему приходится покинуть свое мѣсто. Но если рядъ проступковъ влечетъ за собою потерю судьею несмѣняемости, то почему мы не считаемъ и земскаго начальника несмѣняемымъ: и его нельзя уволить по третьему пункту. Административному органу принадлежитъ право въ этомъ случаѣ и увольнять и провѣрять поводъ увольненія. Наличность же повода, влекущаго за собою потерю несмѣняемости, долженъ предварительно провѣрить спеціальный органъ. Этимъ то моментомъ, моментомъ суда, и отличается положеніе судьи несмѣняемаго отъ смѣняемаго, и нашъ государственный совѣтъ чрезвычайно мѣтко выражается, говоря о „несмѣняемости въ административ-

---

[1]) Ср. Manfredini. Corso di diritto giudiziario civile 1898 I § 526.

[2]) О несмѣняемости въ Италіи ср. еще Brunialti. Il diritto costituzionale. Torino 1900. v. II. 511.

[3]) Wenn es... durch die Interesse der Rechtspflege geboten ist. Wielandt. Das Staatsrecht des Grossherzogthums Baden. Freib. 1895. S. 126. Этотъ законъ (14 Febr. 1879 § 23), какъ справедливо указываетъ R. Schmidt. Lehrbuch d deutsch. Civilprozessrechts. L. 1898 S. 175 № 5, прямо противорѣчитъ общеимперскому G. V. G. § 8. Ср. еще Hoffman въ D. Jur. Zeitung. 1902 S. 18.

номъ порядкѣ“ [1]). Чтобы оцѣнить постановку института несмѣняемости въ какомъ либо правѣ намъ необходимо такимъ образомъ во 1) разсмотрѣть при наличности какихъ предположеній она теряется и во 2) кто провѣряетъ наступленіе ихъ.

Три требованія ставитъ къ судьѣ процессуальная политика: во 1-хъ быть столь развитымъ и подготовленнымъ, чтобы умѣть правильно установить факты и правильно подвести ихъ подъ норму, во 2-хъ имѣть мужество провозгласить въ своемъ рѣшеніи именно то, въ истинности чего онъ убѣдился и въ 3-хъ быть такимъ, чтобы вѣрили въ то, что онъ и способный и независимый судья. Изъ исторіи намъ хорошо извѣстно, что эти требованія почти всегда исполняются далеко неравномѣрно, и сплошь и рядомъ для достиженія одной изъ указанныхъ цѣлей, особенно третьей, вводятся институты, рѣзко парализующіе достиженіе другой. Желателенъ, конечно, другой порядокъ, желательно поэтому, чтобы несмѣняемость обезпечивала независимость только достойныхъ судей. Справедливо, чтобы несмѣняемостью не могъ прикрыться судья, по болѣзни сдѣлавшійся неспособнымъ судить, судья, осужденный за такое преступленіе, что и впередъ надо думать, онъ соблазнится провозгласить рѣшеніе неправильное, но завѣдомо пріятное одной изъ сторонъ, и развѣ будутъ вѣрить судьѣ, совершившему мошенничество. Можно ли дать точное перечисленіе всѣхъ фактовъ и всѣхъ тѣхъ дѣяній судьи, при наличности которыхъ должна пасть съ него несмѣняемость? Едва-ли. Суть здѣсь каждый разъ не въ объективныхъ признакахъ совершившагося событія или дѣйствія, а въ томъ является ли это событіе или дѣйствіе показателемъ неспособности судьи или заслуженной потери имъ довѣрія. Вносить сюда точное описаніе самихъ фактовъ по возможности не слѣдуетъ, не говоря уже о дѣйствіяхъ судьи, даже въ опредѣленіи событій такая опредѣленность можетъ быть роковою. Если можно примириться съ тѣмъ, что послѣ неявки по болѣзни въ теченіе года на службу судьѣ приходится уйти, то точность предѣльнаго возраста наглядный примѣръ тяжелыхъ сторонъ этой точности, если бы даже удалось научно доказать, что именно въ 75 лѣтъ

[1]) Высочайше учрежд. коммиссія для пересмотра законоположеній по суд. части. Объяснит. записка къ пр. к. ред. учр. суд. уст. т. II, 306.

совѣтники кассаціоннаго суда во Франціи [1]) обыкновенно становятся неспособными къ работѣ, а прочіе судьи именно въ 70, то это не мѣшаетъ упрекнуть такой законъ за то, что онъ влечетъ увольненіе еще годнаго меньшинства и удерживаетъ неспособное большинство въ 69 л. и 11 м. Быть поклонникомъ нашей новеллы 85 г. не приходится и по многимъ основаніямъ, но перечисленія, даваемаго ею введеннымъ ею поводамъ потери судьею несмѣняемости, порицать не слѣдуетъ. Дѣйствовавшая до статьи 295^2 Учр. суд. уст. статья 243 давала русскимъ судьямъ единственное положеніе въ Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была вызывать на нашу несмѣняемость справедливый укоръ, что подъ нее можетъ укрыться и недостойный судья, такъ какъ статьи уложенія о наказаніяхъ далеко не предусматриваетъ всѣхъ случаевъ, когда судья становится неспособнымъ или подозрительнымъ. Напоминаю случаи статьи 295^2, какъ минимальные возможные у насъ поводы паденія судейской несмѣняемости: во 1-хъ совершеніе судьею такихъ служебныхъ упущеній, которыя, хотя и не влекутъ удаленія его отъ должности по суду, но по своему значенію или многократности свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, во 2-хъ совершеніе имъ внѣ службы такихъ противныхъ нравственности или предосудительныхъ поступковъ, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченія его къ уголовной отвѣтственности, но будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимаго для сего званія, довѣрія и уваженія и 3-й случай, когда судья поставитъ себя образомъ своихъ дѣйствій на мѣстѣ служенія въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей. Отлагая пока разсмотрѣніе остальныхъ случаевъ дѣйствующаго права до разсмотрѣнія проекта, замѣтимъ здѣсь, что не болѣе опредѣленны нашей 295^2 статьи и иностранныя законодательства. Такъ на ряду съ болѣзнью, немощью [2])

---

[1]) Décret du 1-er mars. 1852 § 1.

[2]) Ges. vom 7 Mai 1851 § 56.

стоятъ въ германскихъ, напримѣръ прусскомъ, нарушеніе служебнаго долга и поступки, ведущіе за собою потерю уваженія и довѣрія къ судьѣ [1]). Французское указываетъ всякое политическое обсужденіе, всякое проявленіе враждебности къ республикѣ [2]), осужденіе уголовнымъ судомъ хотя бы de simple police [3]) и наконецъ всякую faute grave [4]). Этой важной причиной французское законодательство доводитъ неопредѣленность до крайнихъ предѣловъ. Неопредѣленность эта разрѣшается тѣмъ, что примѣняющій норму къ отдѣльному случаю долженъ подыскать опытное положеніе [5]), опредѣляющее, какова должна быть важная причина нарушенія долга, безнравственный поступокъ, чтобы влечь за собою потерю судьею мѣста. Тяжесть ученія о несмѣняемости сосредоточивается такимъ образомъ на вопросѣ, кто же будетъ рѣшать все это, т. е. кто будетъ судьею несмѣняемаго судьи.

Законодательства вручаютъ теперь это дѣло дисциплинарнымъ судамъ, я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ о разницѣ между дисциплинарными и обыкновенными судами, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко и потому, во вторыхъ, что во всякомъ случаѣ идеальныя требованія, которыя мы ставимъ къ суду общему большею частью должны предъявляться и къ суду дисциплинарному. Судомъ этимъ у насъ является Высшее Дисциплинарное Присутствіе Сената, въ Пруссіи дисциплинарные сенаты судебныхъ палатъ съ большимъ дисциплинарнымъ сенатомъ Берлинской судебной палаты во главѣ [6]), во Франціи общее собраніе кассаціоннаго суда въ качествѣ верховнаго дисциплинарнаго совѣта магистратуры. Этотъ перечень выдвигаетъ вопросъ, что же лучше, одинъ такой судъ или нѣсколько мѣстныхъ, какъ въ Пруссіи; возможность большаго вліянія мѣстныхъ интересовъ, желательность выработки строгой однообразной практики заставляетъ склониться на сторону одного центральнаго суда, возможна ком-

---

[1]) Ges. v. 7 Mai 1851 § 1.

[2]) Loi du 30 août 1883 § 14 al. 2.

[3]) Loi du 20 avril 1810 chap. VII § 59.

[4]) Sén. cons. du 16 Thermidor an X cf. Décret du 1 mars 1852 § 5.

[5]) О значеніи опытныхъ положеній (Erfahrungssätze) Stein Fr. Das private Wissen der Richters. L. 1893 § 3.

[6]) Ges. v. 9 Apr. 1879 § 4, 8.

бинація изъ низшихъ и изъ высшаго, какъ кассаціоннаго, провѣряющаго и опытныя положенія. Гораздо существеннѣе другой вопросъ важно, чтобъ этотъ дисциплинарный судъ былъ бы судомъ, удовлетворяющимъ требованіямъ процессуальной политикѣ и особенно независимымъ. Здѣсь нельзя пренебрегать никакой мелочью въ организаціи его. Къ сожалѣнію наше высшее дисциплинарные присутствіе не можетъ похвалиться удачностью организаціи. Состоитъ оно [1]) изъ трехъ первоприсутствующихъ, сенаторовъ соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и 4-хъ на годъ назначаемыхъ, сенаторовъ касс. департамента. Такимъ образомъ въ его составъ входятъ и смѣняемые сенаторы 1-го департамента, хотя и въ маломъ числѣ. Объясняется это временемъ изданія этой новеллы. Дѣятели, проводившіе судебные уставы, были уже не у власти, новыми были выставлены новыя программы, между тѣмъ законодательно программы эти отчасти не были еще осуществлены, отчасти и не могли быть выполнены. Въ этомъ случаѣ судья, примѣняющій законъ, долженъ выносить на своихъ плечахъ недовольство самимъ закономъ, и крайніе представители новыхъ вѣяній съ знаменитымъ Катковымъ во главѣ вели жестокую борьбу съ судебнымъ вѣдомствомъ, какъ „съ судебной республикой“ [2]) и государствомъ въ государствѣ. Уступкою этимъ требованіямъ и было введеніе новеллою 85 г. сенаторовъ 1-го деп., какъ представителей правительственной власти, въ В. Д. Присутствіе. Подробно возражать противъ того мнѣнія, по которому несмѣняемость судей не соотвѣтствуетъ природѣ абсолютной монархіи, не приходится. Мнѣніе это основывает-

[1]) Учр. суд. уст. ст. 119[4] и 119[1].

[2]) «Самая чудовищная есть, конечно, водворившаяся у насъ судебная доктрина, въ силу которой новосозданные суды должны составлять изъ себя какъ бы нѣкую самодержавную республику въ предѣлахъ Русскаго Царства». Моск. Вѣд. 1883 № 12 перепечатано въ Русск. Вѣстн. 1883 т. 169 стр. 443. Судебное учрежденіе «сначала ограничивало служебную администрацію, что требовалось, но потомъ и самый принципъ правительственной власти, что не требовалось, а всякая оппозиція считается eo ipso либерализмомъ» тамъ же 445. И однако тамъ же 455 (изъ Моск. Вѣд. 1883 № 24) «Мы охотно признаемъ, что судебные чины не должны быть смѣняемы административнымъ порядкомъ безъ суда. Суды должны быть независимы отъ административныхъ властей, но не отъ верховной власти».

ся на недоразумѣніи. Всякая государственная власть какъ бы она ни была организована, юридически не ограничена, и это не мѣшаетъ ей подробно регламентировать всякое свое проявленіе въ области суда, управленія и законодательства, нисколько не теряя отъ этого своего полновластія, возможности измѣнить всѣ эти формы. И если въ абсолютной монархіи власть принадлежитъ монарху, то воли его одного юридически и достаточно для отмѣны напримѣръ, несмѣняемости. Справедливо говоритъ проф. Коркуновъ [1]), что мы можемъ представить себѣ абсолютнаго монарха, отказавшагося отъ всякаго участія не только въ судѣ, но и въ управленіи, достаточно, чтобы за нимъ осталась во всей полнотѣ законодательная функція. На подобномъ же недоразумѣніи основывается извѣстное заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, одного изъ самыхъ лѣвыхъ правительствъ Европы XIX вѣка Ledru Rollin, когда, давая комиссарамъ дискреціонную власть лишать судей ихъ мѣстъ, онъ издалъ декретъ 48 г. [2]), гласившій, что несмѣняемость судей несовмѣстима съ республиканскимъ образомъ правленія. Не можетъ считаться достоинствомъ нашего закона и возможная подвижность состава присутствія: 4 сенатора кассаціонныхъ департаментовъ и всѣ три перваго назначаются только на годъ, а такъ какъ докладъ по сенату дѣлаетъ министръ юстиціи, какъ генералъ прокуроръ, то здѣсь открывается ему возможность вліять на Присутствіе путемъ введенія въ него тѣхъ или другихъ членовъ. Французскій законъ, 83 г., несомнѣнно послужившій въ значительной мѣрѣ прототипомъ нашей новеллы 85 г., не далъ такого права хранителю печати, хотя онъ и добивался его. 80-е годы были тяжелыми и для французской магистратуры. Республиканцы умѣренные и сторонники возстановленія монархіи, были побѣждены. Побѣдители утверждали, что магистратура полна сторонниковъ клерикализма и монархизма, и требовали крутыхъ мѣръ для ея очищенія и устрашенія. Хотя палатами не только была усилена власть министра юстиціи, но и дано было право произвести значительное очищеніе персонала, однако предложенная

---

[1]) Русское государственное право, т. I § 21, 3 изд. 1899. 210.

[2]) Circulaire du 7 avril и Décret du 17 avr. 1848; о нихъ Picot La réforme 102.

имъ система опредѣленія членовъ В. Д. совѣта отчасти министромъ, отчасти палатами, не прошла, и совѣтъ этотъ составляетъ теперь весь кассаціонный судъ въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ повидимому этотъ совѣтъ является наиболѣе идеальнымъ изъ всѣхъ существующихъ судовъ для несмѣняемыхъ судей. Нельзя однако умолчать, что и здѣсь мыслимо косвенное вліяніе, министерству принадлежитъ право назначать совѣтниковъ суда. Я попытался провѣрить по Annuaire de la magistrature [1]), изъ кого состоитъ на дѣлѣ этотъ судъ, оказалось, что въ 1902 г. изъ 46 совѣтниковъ суда трое (изъ нихъ два профессора) совсѣмъ не служили по судебному вѣдомству, 17, если служили, то только въ прокурорскомъ надзорѣ, т. е. 20 человѣкъ никогда до назначенія въ касс. судъ не были судьями, да и изъ остальныхъ 7 были несмѣняемыми только въ должностяхъ старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, 2 были судьями всего одинъ, два года, около 6 служили и въ министерствѣ и изъ всѣхъ 46-ти только одинъ провелъ всю свою службу на судейскихъ несмѣняемыхъ должностяхъ.

Нельзя считать удовлетворительной и постановку закономъ 85 г. самаго разбора дѣлъ высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ. Хотя и обыкновенно подробности дисциплинарнаго производства представляются усмотрѣнію суда, но здѣсь заинтересованное лицо ограждено [2]) недостаточно, такъ какъ высшему дисциплинарному присутствію только вмѣнено въ обязанность истребовать объясненія, такъ что даже право личной явки нѣтъ у обвиняемаго. Можетъ быть наиболѣе существеннымъ недостаткомъ высшаго дисциплинарнаго присутствія является наконецъ то, что единственно только министру юстиціи предоставлено право возбуждать вопросъ о снятіи имъ съ судьи несмѣняемости. Такимъ образомъ, министръ въ правѣ безконтрольно и не начать такого дѣла, и этотъ недостатокъ заимствованъ изъ закона 83 г.

---

[1]) Publié par Aug. Pedone. 11 édit. P. 1902.

[2]) Обычай даетъ во Франціи широкія права обвиняемому, въ томъ числѣ защитника. Crépon. Du pourvoi en cassation. P. 1892 t. I, § 544 s.s.; а въ Пруссіи и законъ см. Bornhak. Preussisches Staatsrecht. Fr. 1889. 2 B. S. 68.

III.

Порядокъ этотъ можетъ влечь за собою далеко непривлекательныя послѣдствія, представьте себѣ, что министръ юстиціи не желаетъ начинать дѣла, и тогда судья заслуженно утратившій всякое довѣріе, будетъ спокойно продолжать сидѣть на своемъ мѣстѣ. Несмѣняемость безсильна спасти судью отъ справедливаго возмездія за его поведеніе, а благоволеніе или снисходительность министра его спасаетъ. Не явится ли опаснымъ такое мыслимое предположительно положеніе дѣла— судья стремится быть въ милости у судебной администраціи, не явится ли это стремленіе очень удобнымъ суррогатомъ утраченнаго съ несмѣняемостью права судебной администраціи грозить судьѣ, который чувствуетъ себя безупречнымъ. Исторія права прекрасно показываетъ намъ, что средства власть избираетъ постепенно все болѣе мягкія, и это не препятствуетъ ей быть еще болѣе вліятельной. На смѣну простой угрозы можетъ быть выставлено обѣщаніе выгоды, и мотивъ окажется еще дѣйствительнѣе. Думать, что ради указанной цѣли судьи захотятъ снискивать милость, конечно, не приходится, но современное право въ такое положеніе ставитъ судей, что невольно побуждаетъ ихъ искать, и если не искать, то желать быть замѣченными, быть на хорошемъ счету въ министерствѣ— таково вліяніе системы повышеній: назначеніе на высшія должности находится въ почти полной (или юридически или фактически) зависимости отъ министра. Повышеній между тѣмъ ищетъ судья не изъ за одного честолюбія: увеличеніе содержанія, удобство жизни въ лучшемъ городѣ въ связи съ воспитаніемъ дѣтей, все это побуждаетъ мечтать о назначеніи и мечтать далеко не однажды, такъ какъ даже человѣку, ставящему предѣломъ своихъ мечтаній постъ члена судебной палаты, придется пройти далеко не одну должность. Я указываю на члена судебной палаты, какъ на должность, съ которой человѣкъ нечестолюбивый болѣе съ судебными, чѣмъ административными наклоностями, смѣло можетъ примириться: она даетъ сравнительно приличное жалованіе, независимость и жизнь въ относительно хорошемъ городѣ:

Изъ лицъ занимавшихъ въ году должности. получили ихъ черезъ лѣтъ службы до (включительно)

	5	10	15	20	25	30	35	40
1897 [1]) Члена суд. палаты		4	24	39	59	42	8	1
%		2,26	13,56	22,03	33,33	23,74	4,52	0,56
Члена окруж. суда въ округахъ Казанскомъ и Саратовскомъ. . . .	2	9	28	13	6	1	2	1
%	3,22	14,52	45,19	20,96	9,67	1,61	3,22	1,61
Предсѣдателя окр. суда.			2	18	29	24	8	3
%			2,38	21,43	34,52	28,57	9,53	3,57
Ст. предсѣдателя суд. палаты . . .					3	7		
%					30	70		
1902 Члена Прусск. суд. палаты [2]) . . . . Колебанія отъ 13 до 35 лѣтъ.			2	157	22	2	1	
%			1,09	85,33	11,95	1,09	0,54	
1902 Члена Французской суд. палаты [3]) . .	11	27	84	118	63	35	15	2
%	3,10	7,61	23,65	33,24	17,75	9,85	4,23	0,57

[1]) Вычислено по «Списку чинамъ Мин. Юст. 1898 г.» Спб. 1898. (вакансіи, а также 4 лица, перешедшія въ члены палаты изъ предсѣдателей суда или прямо на эту должность изъ другого вѣдомства въ счетъ не включались вовсе).

[2]) Вычислено по Dienstlaufbahn der preussischen Richter und Staatsanwälte B. 1902.

[3]) Вычислено по Annuaire de la magistrature fr. 1902 (не включены въ счетъ 17 лицъ, начавшихъ службу (изъ адвокатовъ, депутатовъ, префектовъ) прямо съ этой должности.

Такая неравномѣрность должна бить въ глаза и заставлять стремиться въ избранные, а для этого нужно проходить лѣстницу должностей быстрѣе конкурентовъ. Между тѣмъ никакими гарантіями передвиженіе не обставлено, отсюда возможность такихъ назначеній, какъ разсказанное Brieux въ его La robe rouge [1]). Слѣдственный судья учинилъ скандалъ въ веселомъ женскомъ обществѣ, при чемъ грозилъ полицейскому, составлявшему протоколъ, своимъ званіемъ слѣдователя. Прокуроръ палаты предлагаетъ ему подать въ отставку, грозя иначе В. Д. совѣтомъ, но депутатъ, другъ слѣдственнаго судьи, проситъ у прокурора, и вмѣсто дисциплинарки судьѣ предлагаютъ члена палаты. Скажутъ, что это на сценѣ, но вотъ уже оффиціальный фактъ. Въ жаркую избирательную компанію противникъ министерскаго кандидата имѣетъ всѣ шансы на побѣду. Префекта просятъ спросить, за что опасный противникъ сниметъ свою кандидатуру. За мѣсто члена Алжирской судебной палаты. Пусть сниметъ, будетъ дано. И несмотря на протестъ прокурора палаты приказъ появился [2]). Вліяніе при парламентарномъ режимѣ депутатовъ на министровъ и избирателей на депутатовъ въ дѣлѣ назначенія чиновниковъ достигло во Франціи, Италіи чрезвычайныхъ размѣровъ и на конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія 1900 г. въ Парижѣ обсуждалось, какъ вещь общеизвѣстная и далеко не безопасная. Желаніе сбросить съ себя эту зависимость [3]), ведущую къ назначенію министромъ лицъ извѣстныхъ ему, какъ негодныхъ, было однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ, заставившихъ въ 1890 г. итальянскаго министра юстиціи извѣстнаго Zanardelli провести законъ, поставившій весьма удачно повышенія въ зависимость отъ старшинства службы, высоты

---

[1]) Acte 3. Scènes V et VI.

[2]) Journal officiel 1883. Débats parlementaires. Sénat. p. 1107 c. I рѣчь Martin Feuillée. Прокуроръ restant sur le terrain judiciaire считалъ, что такое назначеніе будетъ для магистратуры un sujet d'humiliation et de tristesse и нанесетъ une regrettable atteinte à sa considération. Тамъ же (p. 1106) и другіе примѣры.

[3]) Orlando. Le régime parlem. en Italie. Comm. au congrès de Droit comparé p. 15 указываетъ, что съ 1860 г. цѣлый рядъ законовъ систематически изъемлетъ въ Италіи назначенія чиновниковъ изъ усмотрѣнія министровъ путемъ введенія конкурсовъ.

конкурсныхъ балловъ и особыхъ заслугъ, въ числѣ которыхъ состоитъ и новое конкурсное испытаніе [1]). Возможность случаевъ въ родѣ вышеописанныхъ, тамъ, гдѣ существуетъ обыкновенная система назначеній, (т. е. отсутствіе въ нихъ системы, система есть только въ Италіи да Испаніи) всякаго рода протекція, все это должно дѣйствовать на нравственно болѣе слабыхъ разлагающе или озлобляюще, но эти случаи не могутъ составить большинства, такъ какъ нормой, конечно, будетъ порядокъ, при которомъ министръ, не могущій лично знать всѣхъ, долженъ полагаться на рекомендаціи, представленія судебныхъ же дѣятелей. Высшіе судейскіе чины—предсѣдатели и прокуроры, особенно старшіе предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ естественно принимаютъ здѣсь большое участіе, такъ какъ и представленіе коллегій идутъ въ министерство съ ихъ замѣчаніями. Достаточно взглянуть на слѣдующую таблицу жалованій, чтобы убѣдиться, какъ далеко неравно [2]) положеніе предсѣдателей и членовъ.

---

[1]) О немъ Завадскій С. В. Кандидаты на судебн. должн. въ Италіи. Журн. Мин. Юст. 1895 кн. 6.

[2]) Для нашего права слѣдуетъ отмѣтить, что съ 1885 года предсѣдатели, старшіе и департаментовъ, судебныхъ палатъ, а также и окружныхъ судовъ изъяты и отъ надзора со стороны общаго собранія судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ они предсѣдательствуютъ. (Учр. с. уст. 249).

	Кассаціонный судъ.			Судебныя палаты.			Окружные суды.		
	Предсѣдатели	Товарищи	Члены	Старшіе предсѣдат.	Предсѣдатели департамент.	Члены	Предсѣдатели	Товарищи предсѣдат.	Члены
Россія . .	8000 р.	—	7000	6000	5000	3500	4500	3500	2700
Проектъ. .	10000	—	9000	8000	6000	4500	5500	4000	3000 + двѣ прибавки черезъ пятилѣтія 450 450
Франція. .	30000 фр.	25000	18000	Парижъ. 25000 Прочіе города 18000	13250 18000	11000 7000	Парижъ 20000 2 кл. бол. 80 т. жит. 10000 3 кл. 20 т. жит. 7000 4 кл. 5000	20000 10000 7000 5000	8000 6000 4000 3000
Германія. . (Пруссія)	25000 марокъ + квартира	14000 + кв 900	12000 + а 900	14000 + р 1800—3000 смот	7500 + ти 600—1200 ря + прибавки 900 900 800	5400 + р 480—900 по + че 600 600 600	7500 (въ Берлинѣ 11000) + н 540—1200 го + резъ 900 900 800	5400 + ых 360—900 ро + трех 600 600 600	3000 + ъ 360—900 ду + лѣтія 600 600 600 600 600 600

По жалованію легко догадаться, что члена отъ предсѣдателя отдѣляютъ промежуточныя должности. И эти предсѣдатели являются такимъ образомъ не только первыми между равными. На нихъ лежитъ рядъ административныхъ обязанностей: надзоръ за всѣми ихъ вѣдомства лицами и учрежденіями и сверхъ надзора указанное выше участіе въ перемѣщеніи судей на лучшія мѣста. На ряду съ предсѣдателями судебныхъ палатъ выступаютъ въ качествѣ первыхъ въ этомъ отношеніи лицъ и прокуроры, которые какъ непосредственно подчиненные министру и имѣющіе съ нимъ постоянныя отношенія и сношенія, могутъ пользоваться еще большимъ у него довѣріемъ. Результаты этого для судебной жизни не веселы и сводятся не къ тому только, что дочь старшаго предсѣдателя получитъ въ именины больше цвѣтовъ и тортовъ, чемъ дочь члена палаты и что въ честь прокурора дадутъ при объѣздѣ имъ округа рядъ обѣдовъ съ хорошими винами [1]), все это само по себѣ еще не такъ страшно. Страшно созданіе особаго рода атмосферы, гдѣ предсѣдатели и прокуроры получаютъ вѣсъ не по ихъ личнымъ выдающимся качествамъ, а по особой прибавочной цѣнности, по тому, насколько успѣшно проходятъ ихъ представленія. Положеніе милостынераздателей не легко, и какъ ни тяготятся наилучшіе этимъ положеніемъ, какъ ни строго они разборчивы, но отъ нихъ требуется чрезвычайная почти сверхчеловѣческая [2]) твердость духа, чтобы остаться на высотѣ положенія; укоровъ и подозрѣній и они не избѣгнутъ, а чуть чуть болѣе слабыхъ такое положеніе легко развращаетъ, личные моменты выступаютъ все болѣе на первый планъ съ одной стороны, а съ другой пріобрѣтается ими привычка повелѣвать, и не только прокуроры, но и старшіе предсѣдатели обращаются въ администраторовъ по преимуществу, въ судебныхъ губернаторовъ, которыхъ такъ

[1]) Жена прокурора въ La robe rouge (acte 1 scène 1) говоритъ дочери про мужа:... «En comptant la retenue pour la retraite, il gagne en tout et pour tout 395 fr. 83 cent. par mois... Et avec ça, il arrive qu'on se voit forcé de donner un dîner de neuf couverts pour recevoir M. le conseiller, président des assises.

[2]) Qui peut se flatter de résister toujours aux considérations de l'amitié ou de la famille? спрашиваетъ I. Favre. De la réforme judiciaire. P. 1877 p. 48.

боялся Ровинскій [1]). Тяжело и положеніе милости жаждущихъ, оно слишкомъ понятно, чтобы на немъ останавливаться. Несомнѣнно, что подобная атмосфера должна вызывать серьезныя опасенія, что личная воля этихъ начальственныхъ лицъ отразится, пожалуй, и на самой судебной дѣятельности. Конечно, это еще не фактъ, но уже самая его возможность крайне опасна. Что въ министерствахъ смотрятъ на старшихъ предсѣдателей, какъ на администраторовъ, проводниковъ взглядовъ министерства, это естественно и можетъ быть доказано нѣкоторыми фактами. напримѣръ, въ Италіи министерство, введя хорошую (сравнительно) систему передвиженій, изъяло изъ нея предсѣдателей—они назначаются по прежнему исключительно министерствомъ или, напримѣръ, такимъ подсчетомъ: на 26 старшихъ предсѣдателей во Франціи въ 1902 г. 13 лицъ до этого мѣста никогда не были судьями (бывшіе прокуроры), а другіе 13 въ общей сложности прослужили въ прокурорскомъ надзорѣ 112 лѣтъ [2]). Понятно, что чѣмъ болѣе приходится данному министерству считаться съ политическими условіями, тѣмъ болѣе опасности, что ему придется воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и созданная отсутствіемъ системы назначеній атмосфера окажется довольно удобно проводящей. Не надо думать, что подобные случаи бываютъ часто, но въ литературѣ подобрать ихъ можно, напримѣръ въ Германіи упрекали въ этомъ саксонскаго министра юстиціи. О воздѣйствіи черезъ прокурора прусскаго министра по одному опредѣленному дѣлу сообщилъ во всеобщее свѣдѣніе одинъ товарищъ предсѣдателя, правда по выходѣ уже своемъ въ отставку. Цѣлый рядъ процессуальныхъ гарантій съ гласностью и публичностью во главѣ даетъ нѣкоторую возможность бороться съ такими вліяніями и предостерегать отъ нихъ. По отношенію къ Россіи слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ личностей министровъ [3]) несомнѣнно сыграли въ дѣлѣ поддержанія у насъ судебной независимости

---

[1]) «О должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства» въ Работахъ о преобразованіи судебной части въ Россіи. Матеріалы. (т. XVII по описи Джаншіева).

[2]) Вычислено по даннымъ Annuaire de la magistrature. 1902.

[3]) Неувольненіе сенатора Любощинскаго Русск. Вѣсти. т. 169 стр. 453. ср. еще Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. 8 изд. 1900. 411.

два фактора: во 1-хъ историческое обособленіе министерства юстиціи отъ общей администраціи тѣмъ, что именно ему первому приходилось пробивать дорогу законности, и 2-й совершенно иного характера. Наиболѣе щекотливымъ для управленія изъ судебныхъ дѣлъ являются политическія и дѣла о печати. У насъ оказалось возможнымъ изъять тѣ и другія почти цѣликомъ изъ суда, и эта радикальная мѣра, какъ ни смотрѣть на ея цѣлесообразность и справедливость [1]), сослужила службу нашимъ судамъ, давши имъ возможность болѣе легко переносить періодъ, когда можно было ожидать опаснаго на нихъ воздѣйствія политики.

Опасность для независимости не исчерпывается прямыми воздѣйствіями: можно бояться и того, что безъ всякаго соношенія будетъ сдѣлано угодное и именно потому, что хотятъ сдѣлать угодное. Эту сторону не слѣдуетъ также упускать изъ виду, и она то особенно говоритъ противъ участія предсѣдателей и прокуроровъ въ дѣлѣ движенія судей. Изъ центра трудно предполагать возможность частаго вліянія въ видахъ мѣстныхъ интересовъ — передача и долга и затруднительна. Между тѣмъ подъ вліяніе мѣстныхъ интересовъ, конечно, могутъ попадать указанныя главы судебнаго вѣдомства. Немаловажно еще и то, что прокуроры являются заинтересованными въ судѣ, какъ стороны, и гдѣ ихъ вліяніе сильно, тамъ бросается, можетъ быть, и не всегда справедливо, но опять повторяю, не безъ вѣроятнаго основанія въ глаза судамъ упрекъ,

---

[1]) «Есть два правила, безъ которыхъ нельзя обойтись въ благоустроенномъ государствѣ. Первое правительственная и полицейская власть имѣетъ право брать человѣка подъ стражу только въ извѣстныхъ случаяхъ, которые должны быть какъ можно проще, яснѣе и точнѣе опредѣлены закономъ. Второе: кто взятъ подъ стражу, тому должно быть немедленно объявлено, за что онъ взятъ, отобрать отъ него допросъ и дѣло объ немъ отлашено передъ надлежащею властью, которой слѣдуетъ опредѣлить послѣдствія. Отсюда вопросы: правильно ли взятъ? правильно ли содержится? вопросы эти, по своей сущности, подлежатъ рѣшенію только судебной, а не иной какой либо власти и для свободы каждаго гражданина въ высшей степени важно, чтобъ эти вопросы какъ только возникли, находили себѣ всегда скорое и правильное разрѣшеніе», писалъ К. П. Побѣдоносцевъ въ его Предварительныхъ замѣчаніяхъ о планѣ и о главныхъ основаніяхъ устава о судоустройствѣ (XVII т. по описи Джаншіева) стр. 6.

что они по общему правилу стремятся къ обвиненію (статистика оправдательныхъ вердиктовъ). Горькія слова Токвиля: „дѣлаютъ судей несмѣняемыми, чтобы они оставались свободными, но что въ томъ, что у нихъ никто, не можетъ похитить независимости, когда они сами охотно ею жертвуютъ“, какъ мы видимъ, вполнѣ справедливы, и бороться съ этимъ приходится, конечно, не изданіемъ министерскихъ циркуляровъ, воспрещающихъ судьямъ пріѣзжать въ столицу хлопотать о повышеніи, столь дѣйствительныхъ, что во Франціи съ 1822 по 80 годъ ихъ было издано цѣлыхъ 7 [1]).

Если въ системѣ повышеній, зависимыхъ отъ министра, надо видѣть главнаго врага [2]) достиженія несмѣняемостью ея цѣли, то далеко не единственнаго. Совмѣстительство, гдѣ оно допускается, временные судьи, распредѣленіе судей по отдѣленіямъ, выборъ судьи для предсѣдательства съ присяжными и т. д. должны быть также здѣсь упомянуты, впрочемъ только упомянуты, такъ какъ подробно останавливаться на нихъ нѣтъ времени, да и сравнительно съ системой повышеній они второстепенны и стоятъ съ ней въ связи. Скажу только здѣсь, что буквально всякая мелочь судоустройства и судопроизводства должна быть взвѣшена и со стороны возможнаго вліянія ея на судебную независимость. Напримѣръ такое постановленіе чисто наказнаго [3]) свойства, существующее въ Пруссіи, что дѣла распредѣляются между отдѣленіями въ зависимости отъ того, съ какой буквы начинается фамилія подсудимаго, даетъ возможность обвинять прусскую прокуратуру, что въ дѣлахъ съ нѣсколькими подсудимыми, (а таково большинство политическимъ процессовъ) она умышленно ставитъ первымъ не главнаго виновнаго, а лицо съ той фамиліей, которая передаетъ это дѣло въ то отдѣленіе суда, какое по мнѣнію прокурора будетъ наиболѣе для него (прокурора) благопріятнымъ.

---

[1]) Jeanvrot. La magistrature. I. L'inamovibilité P. 1882 p. 216.

[2]) I. Favre. De la réforme judiciaire P. 1877 говоритъ даже о превращеніи ея въ фикцію chap. IV.

[3]) Въ Берлинскомъ Landgericht I см. Aulus Agerius und Numerius Negidius über die Preussische Strafjustiz (оттискъ изъ Preussische Jahrbücher) B. 1896. S. 26. 27.

IV.

Располагая теперь нѣкоторыми критеріями оцѣнки, перейдемъ къ разсмотрѣнію коренного нашего предмета главы второй 7 го раздѣла новой редакціи учрежденія суд. уст. Прежде всего приходится отмѣтить, что по всему занимающему насъ вопросу новый проектъ дѣйствительно является только проектомъ новой редакціи: ничего принципіально новаго онъ не вноситъ, твердо оставаясь не только на началахъ, усвоенныхъ Учрежденіемъ 64 г., но и еще болѣе твердо на новеллѣ 85 г. Измѣненія сводятся отчасти къ перемѣщенію статей изъ однихъ главъ въ другія, что иногда влечетъ за собою лучшую систематизацію: предположенія потери несмѣняемости сгруппированы всѣ вмѣстѣ (Пр. ст. 292, 293, 300—304); статья 243 перенесена изъ главы о правахъ лицъ судебнаго вѣдомства въ нашу „объ увольненіи“ такъ какъ ею „отнюдь не устанавливается какого либо особаго привилегированнаго положенія въ государствѣ для лицъ судебнаго званія относительно примѣненія къ нимъ общаго начала самодержавнаго полновластія“ [1]) при этомъ несмотря на протестъ [2]) Барковскаго, Закревскаго и Кони ей дана форма положительная, а не отрицательная, вмѣсто „не могутъ быть смѣнены“ „могутъ только“—это все, какъ отзвукъ старыхъ нападокъ и какъ полное ихъ обезоруженіе. Другого рода измѣненія касаются подробностей организаціи несмѣняемости и въ большинствѣ случаевъ едва ли могутъ вызвать къ себѣ сочувствіе. Замѣчу тутъ же, что и система передвиженій съ ролью предсѣдателей и прокуроровъ въ нихъ улучшеніямъ не подверглась. По прежнему за министромъ юстиціи осталась главная фактическая власть повышать по службѣ (Пр. ст. 268 сл.). Единственное ограниченіе, вводимое проектомъ, необходимость пріобрѣтенія званія старшаго кандидата для полученія судейской должности (Пр. 215) относится только къ пріобрѣтенію первой должности; сроки для дальнѣйшихъ повышеній, какъ и теперь невелики

---

[1]) Высоч. учр. ком. Объяснит. записка къ пр. н. ред. учр. суд. уст. т. II, Спб. 1900, стр. 288.

[2]) Тамъ же 289 и прилож. стр. 61.

и повышенія, понятно, не обезпечиваютъ. Введеніе представленія кандидатовъ на всѣ могущія открыться въ коллегіи вакансіи членовъ (Пр. 273) имѣетъ извѣстное преимущество, но сохраняемое новой редакціей еще и представленіе собственно на вакансію (Пр. 274) потеряло въ проектѣ и ту небольшую санкцію, которую ему даетъ теперь буква 215 ст. Теперь по ней министръ юстиціи представляетъ Его Императорскому Величеству, какъ объ указываемыхъ судебнымъ мѣстомъ кандидатахъ, такъ и своихъ, а по проекту онъ представляетъ или кандидатовъ коллегій или своихъ. Вліяніе предсѣдателей усиливается еще тѣмъ, что дисциплинарное производство и надзоръ отъ общихъ собраній судовъ должны перейти къ дисциплинарнымъ присутствіемъ, организованнымъ на подобіе нѣмецкихъ изъ всѣхъ предсѣдателей и только немногихъ членовъ. (Пр. 27, 52, 59). Несовсѣмъ понятны такіе выводы комиссіи: сама она выдвигаетъ вопросъ о неблагопріятномъ вліяніи на судей современной системы повышеній и хвалитъ испанскую [1]), приводя выдержки изъ авторитетной статьи о ней своего предсѣдателя министра юстиціи Н. В. Муравьева. Доводы, указываемые ею [2]), отсутствіе политическихъ партій и обязанность министра отвѣчать за назначеніе судей недостаточно доказательны, можетъ же въ нашемъ военномъ вѣдомствѣ, не ослабляя отвѣтственности министра, существовать система повышеній по старшинству. Должно однако отмѣтить какъ положительное нововведеніе, проектированное еще въ 64 г., періодическія прибавки въ жалованіи членовъ окружныхъ судовъ и участковыхъ судей. Къ сожалѣнію эти прибавки, ослабляя, не устраняютъ стремленій къ повышенію, такъ какъ и съ ними никогда жалованіе члена не достигнетъ жалованія товарища предсѣдателя [3]).

Постановка собственно несмѣняемости сводится къ слѣдующему: прежнее дѣленіе судей на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ примѣнимо и теперь, такъ какъ земскихъ начальниковъ проектъ какъ извѣстно, не коснулся вовсе, увольненіе же замѣнившихъ слѣдователей, мировыхъ и городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ новыхъ судей—участковыхъ, оставлено за

---

[1]) Тамъ же 277.

[2]) Тамъ же 279.

[3]) Тамъ же 360. Иначе въ Пруссіи см. выше таблицу жалованій.

консультаціей и притомъ не въ полномъ ея составѣ, а во вновь созидаемомъ ея особомъ присутствіи изъ министра юстиціи его товарища, директора 2 департамента, оберъ-прокуроровъ судебныхъ департаментовъ и 4-хъ членовъ (Пр. 305). А въ предѣлахъ округа окружнаго суда можетъ ихъ перемѣщать общее собраніе суда съ утвержденія министра юстиціи. И въ литературѣ [1]) и въ самой комиссіи [2]) уже указано на ослабленіе такимъ составомъ консультаціи и безъ того слабыхъ гарантій прочности положенія участковаго судьи. Что касается судей несмѣняемыхъ, то проектируются слѣдующіе поводы потери ими несмѣняемости: неявка назначеннаго къ должности въ одинъ мѣсяцъ или двѣ недѣли (Пр. 292, 289), неявка служащаго по тяжкой болѣзни въ теченіе года на службу (Пр. 293), утрата вслѣдствіе старческаго одряхлѣнія, тяжелыхъ и постоянныхъ немощей способности къ правильному исполненію возложенныхъ на судью обязанностей (Пр. 304), объявленіе несостоятельнымъ, личное задержаніе за долги (Пр. 301), преданіе суду или подслѣдственность по служебному преступленію (Пр. 299 и пр. уст. уг. суд. 1299) осужденіе за всякое общее преступленіе уголовнымъ судомъ (Пр. 300), привлеченіе къ суду или слѣдствію по такимъ же преступленіямъ, если они грозятъ, по крайней мѣрѣ, тюрьмой и наконецъ всѣ поводы дѣйствующей 295^2 ст. (Пр. 303). Изъ указанныхъ поводовъ несостоятельность до опредѣленія ея свойства, преданіе суду или слѣдствіе за общее преступленіе влекутъ за собою какъ максимумъ временное удаленіе отъ должности, образъ дѣйствій судьи, предусмотрѣнный теперь третьимъ пунктомъ 295^2, перемѣщеніе на равную должность, всѣ остальные и лишеніе ея. Новаго въ поводахъ мало. Одряхленіе и немощи введены, мнѣ кажется, довольно удачно, такъ какъ устанавливаться будетъ дѣйствительное болѣзненное состояніе, тогда какъ теперь при нежеланіи уйти такого судьи приходится или работать за него другимъ или подводить его подъ взысканіе или первый пунктъ 295^2. При нашихъ безконечныхъ конкурсахъ едва-ли практично связывать съ несостоятельностью, какъ максимумъ только временное отстраненіе.

---

[1]) І. В. Михайловскій. Право. 1900, стр. 1707.

[2]) Выс. учр. ком. прил. 59 стр. особое мнѣніе И. П. Закревскаго.

Въ текстъ 295[2], теперь 303, внесено добавленіе чисто редакціоннаго свойства, она гласитъ теперь въ первомъ пунктѣ, если судья совершилъ или допустилъ такія служебныя упущенія... словъ „или допустилъ“ ранѣе не было, но смыслъ слова „совершилъ“ можетъ, конечно, и теперь обнимать и бездѣйствіе.

Какъ и теперь, провѣрка этихъ предположеній возложена отчасти на судебныя мѣста, членами которыхъ состоятъ судьи, о увольненіи которыхъ идетъ рѣчь (Пр. 293), отчасти на особое присутствіе въ сенатѣ. Но въ организацію того и другого органа внесенъ рядъ измѣненій, которыя едва ли могутъ быть встрѣчены сочувственно. Неявку къ должности и болѣзнь въ теченіе года провѣрять теперь будетъ не общее собраніе, а только дисциплинарное присутствіе судебнаго мѣста, на недостатки котораго мы уже имѣли случай указать.

Вмѣсто Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія выступаетъ теперь въ соотвѣтствующихъ случаяхъ соединенное присутствіе 1-го и судебныхъ департаментовъ, т. е. современное соединенное присутствіе 1-го и кассаціонныхъ, такимъ образомъ присутствіе теряетъ 6 несмѣняемыхъ сенаторовъ, т. е. относительно чрезвычайно возрастаетъ значеніе голосовъ сенаторовъ 1 департамента, могущее дойти до $^3/_7$. Затѣмъ постановленія присутствія уже не будутъ окончательными, а должны будутъ черезъ министра юстиціи вноситься на благовоззрѣніе Императорскаго Величества. Мотивируется это постановленіе желаніемъ внести соотвѣтствіе [1]) съ общимъ правиломъ, что только опредѣляющій на должность можетъ уволить подчиненнаго. Разъ мы смотримъ на удаленіе здѣсь судьи, какъ на судъ, то этотъ аргументъ теряетъ свою силу, а 5 членовъ (Барковскій, Кони, Мальчевскій, Таганцевъ и Шрейберъ), оставшихся при особомъ мнѣніи, указываютъ на противорѣчіе такого постановленія тому общему правилу, что всѣ постановленія сената окончательны и исполняются всѣми учрежденіями, какъ собственные указы Императорскаго Величества [2]). Если новая редакція на первый взглядъ возвышаетъ судейское значеніе, то при внимательномъ разборѣ она заставляетъ думать о возможномъ усиленіи и здѣсь вліянія министра. Можно сказать почти съ

---

[1]) Тамъ же 323.

[2]) Тамъ же прилож. стр. 66 сл.

увѣренностью, что нормой станетъ такой порядокъ: Его Императорское Величество будетъ эти постановленія всегда утверждать, какъ это дѣлается теперь по отношенію къ приговорамъ уголовнаго суда, лишающимъ дворянъ ихъ привилегій. Тѣмъ не менѣе обращеніе соединеннаго присутствія въ учрежденіе верховнаго управленія сопряжено съ чрезвычайно крупнымъ недостаткомъ—докладывать Государю Императору состоявшіяся въ немъ постановленія будутъ не его члены или предсѣдатель, а обвинитель въ немъ, возбудитель дѣла министръ юстиціи. Не явится ли поэтому для него, въ случаѣ отклоненія его требованій соединеннымъ присутствіемъ, слишкомъ соблазнительнымъ попытаться получить согласіе Его Императорскаго Величества съ его, а не присутствія мнѣніемъ. Не говоримъ уже о томъ, что достаточно будетъ одного такого случая, чтобы самостоятельность присутствія по отношенію къ министру, и безъ того фактически могущая быть значительно угрожаемой путемъ косвеннаго вліянія генералъ-прокурора на выборъ въ него лицъ, умалилась бы чрезвычайно. Такія предположенія комиссіи едва ли могутъ быть оправданы чѣмъ либо теперь. Политическіе моменты, рѣзко выступавшіе въ 80-хъ годахъ, въ настоящее время могутъ быть оставлены въ сторонѣ. Комиссія сама признаетъ полную совмѣстность судейской несмѣняемости съ нашимъ государственнымъ строемъ [1]) и рѣзко подчеркиваетъ чрезвычайную важность имѣть независимыхъ судей „Судъ, говоритъ она, долженъ быть независимый отъ посторонніхъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность, ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ“ [2]); свидѣтельствуетъ также она цѣлымъ рядомъ фактовъ, что нѣсколькими утвержденными Государемъ Императоромъ мнѣніями государственнаго совѣта начало несмѣняемости признано теперь у насъ государственной властью за безусловно необходимое, такъ государственный совѣтъ измѣнилъ предположенія министра юстиціи о ограниченіи несмѣняемости членовъ общихъ судебныхъ мѣстъ въ Сибири и сдѣлалъ ихъ несмѣняемыми [3]). Казалось бы такимъ образомъ, что мы имѣемъ

[1]) Тамъ же 285.

[2]) Тамъ же т. I, 4 и т. II, 286.

[3]) Тамъ же т. II, 286 сл.

удобный моментъ для измѣненія къ лучшему постановленій о судейской несмѣняемости въ цѣляхъ усиленія судейской не зависимости. Теперь можно было бы, быть можетъ, провести другой органъ, въ качествѣ рѣшающаго эти вопросы суда, напримѣръ сдѣлать имъ собраніе кассаціонныхъ департаментовъ, можно было бы правильнѣе организовать и обвиненіе въ немъ, предоставивъ его судебнымъ мѣстамъ въ порядкѣ надзора, а также адвокатурѣ наравнѣ съ министромъ юстиціи и прокуратурой; можно было бы лучше организовать и защиту обвиняемаго судьи—теперь комиссія оставляетъ все это въ современномъ состояніи.

Точно также сухо отнеслась комиссія и къ вопросу объ оставленіи судей за штатомъ вслѣдствіе упраздненія самой занимаемой ими должности. Государственный совѣтъ обращалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ вниманіе министерства на необходимость точнаго исполненія статьи 167 приложенія т. 3 св. з., а затѣмъ даже предложилъ ему выработать законоположеніе, которое оградило бы судью въ такихъ случаяхъ, такъ какъ оставленіе за штатомъ нарушаетъ начало судейской несмѣняемости [1]). Комиссія ограничилась только увеличеніемъ времени полученія жалованія оставленнымъ за штатомъ судьею съ года на два [2]), отвергнувъ здѣсь почти безъ мотивовъ на этотъ разъ весьма удачное опредѣленіе германское, постановляющее, что за судьею сохраняется это жалованіе навсегда или до полученія вновь такого же мѣста, и Желеховскій въ особомъ мнѣніи справедливо указываетъ, что въ сущности комиссія своей 306 ст. только сохранила „нынѣ существующій порядокъ оставленія за штатомъ судей, авторитетно признанный государственнымъ совѣтомъ, неудобнымъ и несогласнымъ съ началомъ несмѣняемости судей въ административномъ порядкѣ“ [3]).

Во всякомъ случаѣ минимальное пожеланіе, которое только можно сдѣлать при разсмотрѣніи проекта сводится къ тому, чтобы государственный совѣтъ, разсматривающій теперь эти проекты, принялъ всѣ отдѣльныя мнѣнія по этому вопросу, т. е. сохраненіе теперешняго состава высшаго дисциплинар-

---

[1]) Тамъ же 301 сл.

[2]) Тамъ же 318.

[3]) Тамъ же прилож. стр. 64.

наго присутствія съ правомъ его окончательно постановлять судебное рѣшеніе, а также распространеніе начала несмѣняемости и на участковыхъ судей, послѣднее становится чрезвычайно важнымъ, такъ какъ въ компетенцію ихъ перейдетъ не только все вѣдомство мировыхъ и городскихъ судей, уѣздныхъ членовъ, и слѣдователей, но и значительная доля всѣхъ дѣлъ окружныхъ судовъ.

На этомъ мы могли бы кончить наше изложеніе, но мнѣ хочется обратить ваше вниманіе еще на одинъ общій политико-правный вопросъ въ ученіи о несмѣняемости.

V.

Нѣтъ ли въ самой несмѣняемости такихъ сторонъ, что она не только не можетъ считаться идеальнымъ институтомъ, но и должна быть отвергнута процессуальной политикой. Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ давали и даютъ не только представители политическихъ партій, но и нѣкоторые ученые, стремившіеся стоять внѣ ихъ. Доводы этихъ противниковъ довольно подробно сводитъ проф. Манфредини такъ: „Несмѣняемость во 1-хъ не даетъ знаній незнающимъ, умѣренности честолюбцамъ, безпристрастія партійнымъ, ничего не прибавляетъ къ цѣльности истиннаго (fidele) судьи, во 2-хъ обезпечиваетъ порочному судьѣ долгую и скандальную безнаказанность, въ 3-хъ благопріятствуетъ преступной лѣности, въ 4-хъ сохраняетъ должность за лицомъ, потерявшимъ общественное довѣріе, и въ 5-хъ создаетъ судейскій произволъ и деспотизмъ“ [1]). Ясно, что всѣ эти возраженія Бентама и другихъ бьютъ далѣе цѣли, такъ какъ несмѣняемостью мы не надѣемся сдѣлать судью технически лучшимъ, а только независимымъ, это съ одной стороны, съ другой доводы эти несостоятельны и потому, что никто теперь и не предлагаетъ такой несмѣняемости, при которой судья завѣдомо порочный могъ бы ею прикрыться.

Но есть доводъ, который на первыхъ порахъ можетъ показаться безусловно убѣдительнымъ. Несмѣняемость судьи грозитъ техническимъ несовершенствомъ въ толкованіи права.

---

[1]) Manfredini. Corso I § 501. Самъ онъ за несмѣняемость.

Для примѣненія права необходимо его истолковать. Съ точки зрѣнія логической толкованіе сводится къ ряду операцій надъ нормами, при чемъ одной изъ важнѣшихъ явится установленіе принциповъ т. е. такихъ нормъ, по отношенію къ которымъ цѣлый рядъ другихъ будетъ являться заключеніями силлогизма, въ которомъ большою посылкою будетъ принципъ. Формальная логическая сторона толкованія разрабатывается теперь съ успѣхомъ [1]), къ сожалѣнію нельзя этого сказать о разработкѣ ученія о толкованіи съ точки зрѣнія соціологической. Съ послѣдней мы могли бы уподобить отысканіе такимъ принциповъ слѣдующему. Право есть результатъ компромисса борющихся силъ, если бы силы эти прилагались все время равномѣрно, то движеніе, данное ими, мы могли бы изобразить простой линіей, напримѣръ прямой. На дѣлѣ однако мы знаемъ, что каждая изъ заинтересованныхъ въ созданіи права общественныхъ группъ весьма разно заинтересована въ отдѣльныхъ институтахъ и ихъ подробностяхъ, поэтому и силу свою прилагаетъ она неравномѣрно. Въ результатѣ должна поэтому получиться линія не прямая, а ломаная, въ зигзагахъ. Дѣло судьи при отысканіи общихъ принципахъ и будетъ сводиться къ умѣнію отыскать мысленную прямую, находимую только съ приближеніемъ и судья будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ съ большею точностью онъ эту прямую сыщетъ. Судейское дѣло здѣсь чрезвычайно осложняется еще тѣмъ, что силы, дѣйствующія при созданіи права, постоянно измѣняются сами по себѣ, изъ незначительной по силѣ общественной группы тотъ или другой слой дѣлается могущественнымъ, и интересы его все сильнѣе выступаютъ въ новыхъ правовыхъ нормахъ. Судья, привыкшій къ старому праву, невольно склоненъ смотрѣть на это, какъ только на новые мелкіе зигзаги, и не торопится вносить поправки въ составленную имъ идеальную линію, тогда какъ на дѣлѣ она должна быть уже значительно отклонена. Ясно, что такой судья становится технически несовершеннымъ, а между тѣмъ здѣсь его вполнѣ защищаетъ несмѣняемость. Не нужно ли ей поэтому пожертвовать. Отри-

[1]) У насъ Е. В. Васьковскій. Ученіе о толкованіи о примѣненіи гражд. законовъ О. 1901 гл. V. и Г. Ф. Шершеневичъ. Примѣненіе нормъ права. Журн. М. Юст. 1903, т. I. 75 сл.

цать указаннаго недостатка невозможно. Люди слагаютъ по общему правилу свои воззрѣнія въ молодости и съ годами сохраняютъ лишь ослабленной способность сливаться съ новымъ: для судьи 80-хъ годовъ все еще оказывается дорогимъ право 60-хъ съ его началами, когда онъ начиналъ свою дѣятельность. Недостатокъ этотъ можно назвать судейскимъ консерватизмомъ, конечно, не въ смыслѣ политическихъ воззрѣній.

Такъ какъ замѣнить несмѣняемость какимъ нибудь другимъ болѣе цѣлесообразнымъ институтомъ едва ли возможно, по крайней мѣрѣ теперь, такъ какъ при современномъ укладѣ, когда судья живетъ своей профессіей, на выборнаго судью особенныхъ надеждъ возлагать не приходится [1]), а возможная независимость судьи необходима, то цѣль стоитъ жертвы и остается помириться съ этимъ недостаткомъ. Да и недостатокъ этотъ преувеличивать не слѣдуетъ и вотъ почему: во 1-хъ перемѣнѣ въ правѣ предшествуетъ обыкновенно долгая борьба въ фактахъ, въ общественномъ мнѣніи, въ литературѣ научной и общей, отъ которой судья не можетъ быть совершенно изолированъ: установлены, хотя далеко и не изучены, факты предугаданія судебною практикою будущихъ законодательныхъ нормъ, во 2-хъ если возможная независимость судьи есть идеалъ процессуальной политики, то идеалъ этотъ до сихъ поръ еще нигдѣ не достигнутъ, да и едва ли, прибавимъ, мыслимъ соціологически; какъ мы говорили, формы воздѣйствія на судью стали гораздо мягче, мягкость эта сказывается въ томъ, что вліяніе свое власть направляетъ не столько на рѣшеніе въ пользу извѣстнаго лица, сколько на угодное ей толкованіе права, въ такомъ воздѣйствіи, скажемъ кстати, упрекалъ наше министерство М. Н. Катковъ [2]), — здѣсь такимъ образомъ одинъ недостатокъ будетъ покрываться другимъ. Есть затѣмъ и хорошія стороны въ судейскомъ консерватизмѣ: 3-е онъ вынудитъ законодателя болѣе рѣзко подчеркивать новыя начала,

---

[1]) Это не значитъ, конечно, что нужно смѣнить выборныхъ мировыхъ судей на еще менѣе удовлетворительные съ точки зрѣнія процессуальной политики институты, въ родѣ земскихъ начальниковъ или городскихъ судей, а также и проектируемыхъ участковыхъ.

[2]) Моск. Вѣдом. 1874 № 12, перепечатано въ Русск. Вѣстн. т. 109, стр. 444.

а затѣмъ въ 4-хъ помнить надо и о побѣжденныхъ: чѣмъ легче колесница побѣдителей, тѣмъ легче лежать подъ ней побѣжденнымъ и тѣмъ безопаснѣе сидѣть побѣдителямъ. Наконецъ не надо забывать, что въ случаяхъ радикальной ломки права нечего, конечно, и думать, чтобы могли удѣлѣть на своихъ мѣстахъ судьи; до чего приходится имъ быстро ощущать даже всякое политическое потрясеніе, хотя бы оно было и не слишкомъ радикальнымъ переворотомъ для всего населенія, наглядно свидѣтельствуетъ исторія судейской несмѣняемости во Франціи за истекшее столѣтіе [1]).

Наполеонъ императоръ застаетъ почти вполнѣ сложившеюся современную систему судовъ. Личный составъ ихъ кажется его правительству недостаточно надежнымъ, и подъ предлогомъ недостаточной подготовки судей и плохого поведенія проводится законъ о очищеніи этого состава, объявляется что судьи получаютъ пожизненную несмѣняемость только черезъ пять лѣтъ послѣ этого закона. Немедленно въ одинъ день двумя приказами увольняется 170 судей. Хотя послѣ 1808 Наполеонъ правилъ еще 6 лѣтъ, но ни одинъ судья несмѣняемости такъ и не получилъ, такъ какъ въ 1810 устраивается преобразованіе судебныхъ палатъ, имѣющее особенно возвысить ихъ положеніе, на дѣлѣ же дающее возможность не назначать въ новыя императорскія палаты прежнихъ ихъ членовъ, въ Парижѣ обходятъ такъ изъ 32—15.

Возвращеніе бурбоновъ хотя и сопровождается объявленіемъ, что судьи отнынѣ несмѣняемы, но только назначенные королемъ, и конечно въ списки вновь назначенныхъ попадаютъ далеко не всѣ судьи. Это усердное очищеніе, прерванное было на время стами днями, ведетъ къ потерѣ мѣстъ первымъ предсѣдателемъ кассаціоннаго суда, 9 его совѣтниками и 294 членами судебныхъ палатъ, не считая окружныхъ судовъ. И это было очень милостиво, такъ какъ побѣдители мечтали о дореволюціонныхъ судахъ и даже провели въ палатѣ, но не

---

[1]) По исторіи судейской несмѣняемости во Франціи наименѣе страстно Martin Sarzeaud. Recherches historiques sur l'inamovibilité de la magistrature P. 1883. Коротенько у Glasson. Précis... de procédure civile P. 1902 t. I § 16. Дм. Тальбергъ. Несмѣняемость судей во Франціи. Юр. В. XII т. 1883 Для очищенія 1883 г. Journal officiel 1883 и статья Picot. Les magistrats et la démocratie (une épuration radicale) Revue des deux mondes 1884 t. 62 p. 288

въ сенатѣ, полученіе несмѣняемости только черезъ годъ послѣ королевской инвеституры. Зато правительство усердно воспользовалось оставшимся послѣ Наполеона институтомъ судей авдиторовъ, которыхъ можно было свободно переводить съ мѣста на мѣсто и подкрѣплять такимъ образомъ по своему усмотрѣнію то или другое мѣсто, и довело ихъ число до 600. Хотя съ восшествіемъ Карла X судьи должны были получить новую инвеституру, но конечно въ ней имъ было не отказано. Послѣ іюльской революціи несмотря на новое требованіе очищенія, теперь со стороны либераловъ, особенно въ провинціи, гдѣ были кое гдѣ настоящія небольшія возмущенія противъ судей, несмѣняемость оставлена неприкосновенной—слишкомъ еще памятны и непопулярны были очищенія при Людовикѣ XVIII. Ограничились политической присягой — ушло 319 судей и даже отмѣнили авдиторовъ.

Въ 1848 г. временное правительство, стремясь удержаться у власти, энергично боролось съ врагами и дало власть своимъ комиссарамъ обращаться по диктаторски и съ судьями, потеряли мѣста 14 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 совѣтника кассаціоннаго суда. Понятно, что въ 1849 ихъ возстановляютъ, хотя и новое правительство предполагаетъ очищеніе. Переворотъ 1852 г. влечетъ за собою учрежденіе „смѣшанныхъ комиссій“, отправившихъ громадное число предполагаемыхъ и дѣйствительныхъ противниковъ новаго режима въ ссылку не только безъ суда, но часто и безъ какого бы то ни было выслушанія; въ числѣ пострадавшихъ оказались и нѣкоторые судьи. Несмѣняемость однако признается и несмотря на очищеніе политическою присягою развившееся потомъ недовѣріе къ магистратурѣ вмѣсто очищенія привело только къ установленію предѣльнаго возраста, давшаго сразу 132 вакансіи, да и ушли такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ неудобные для новаго порядка старые судьи.

Если часть судей пострадала отъ комиссій, то часть и засѣдала въ нихъ въ качествѣ членовъ, и этого до сихъ поръ не могутъ простить ей враги Наполеоновъ. Въ 1871 уволено было до 15 судей за это, но принципъ несмѣняемости вскорѣ былъ принятъ палатами и эти судьи, правда, съ обѣщаніемъ дисциплинарнаго преслѣдованія были возвращены на свои мѣста. Правительство тяготѣло къ монархіи и не исполнило этого обѣщанія; зато въ 1883 послѣ окончательнаго пораже-

нія монархистовъ магистратура испытала новое очищеніе, и жестокое: уволено свыше 600 судей [1]). Исторія несмѣняемости во Франціи очень поучительна и въ разныхъ отношеніяхъ: любопытно, что всѣ партіи признавали несмѣняемость, когда рѣзкая фактическая борьба прекращалась, здѣсь выдерживалось сознательное самоограниченіе. Самоограниченіе это, проведенное въ законодательство, стремились наверстать при примѣненіи этихъ нормъ и, наказавъ магистратуру предыдущаго правительства за ея чрезмѣрное къ нему пристрастіе, созидали путемъ назначеній и повышеній новую такую, которую и справедливо въ политическомъ угодничествѣ имѣлъ право упрекать слѣдующій режимъ. Ясно поэтому, что разумное самоограниченіе должно пойти и дальше и по возможности устранить и пути обхода несмѣняемости. Англійскій судья, не знающій стремленій къ повышенію, прекрасно обезпеченный оказывается болѣе независимымъ, чѣмъ теперешній французскій и съ большимъ правомъ, чѣмъ старый французскій, можетъ произнести, что „судьи выносятъ рѣшенія, а не услуги“. И это несмотря на то, что несмѣняемость его обезпечена слабѣе, такъ какъ онъ можетъ быть смѣщенъ королемъ по просьбѣ обѣихъ палатъ [2]). Къ этой мѣрѣ, давно уже не прибѣгаютъ [3]), она слишкомъ крута и шумна, дѣйствовать угрозами трудно въ странѣ гласности.

А. Завадскій.

---

[1]) Проведено въ видѣ закона о сокращеніи на такое число судебныхъ должностей, при чемъ министру юстиціи предоставлено уволить какихъ ему угодно судей (а принимавшихъ участіе въ смѣшанныхъ комиссіяхъ обязательно) совершенно независимо отъ того, сокращается ли ихъ должность или нѣтъ, лишь бы общее количество уволенныхъ не превышало числа упраздненныхъ мѣстъ. Мотивировалось очищеніе тѣмъ, что часть судебнаго сословія открыто примкнула къ опозиціи и участвовала въ враждебныхъ республикѣ манифестаціяхъ. Факты въ рѣчи докладчика въ палатѣ депутатовъ J. Roche. Journ. offic. 1883 Débats parl. (chambre) p. 1076 ss.

[2]) Anson. The law and custom of the constitution. 2 ed. Oxf. 1892 i 353 ii 425.

[3]) Wicks. The british constitution. 1892. 109.

КЪ ВОПРОСУ О ДОСТОВѢРНОСТИ СВИДѢТЕЛЬСКИХЪ ПОКАЗАНІЙ (ОПЫТЫ А. БИНЭ И В. ШТЕРНА).

Сообщеніе, прочитанное 30 марта 1903 года.

I.

Всѣ факты мы познаемъ или путемъ личнаго нашего воспріятія, или изъ передачи намъ другими о ихъ чувственныхъ воспріятіяхъ. Вѣра наша въ показанія другихъ покоится на опытномъ, т. е. полученномъ путемъ индукціи сужденіи, что всѣ люди приблизительно одинаково воспринимаютъ и передаютъ свои воспріятія. Для того, чтобы повѣрить факту, сообщаемому намъ свидѣтелемъ, мы должны провѣрить, способенъ ли онъ былъ къ передаваемому имъ воспріятію, способенъ ли онъ точно его передать и, наконецъ, хочетъ ли онъ его правильно передать. Чтобы разрѣшить эти вопросы, мы каждый разъ должны исходить опять таки изъ ряда общихъ опытныхъ положеній, напримѣръ, всякій человѣкъ, обладающій такимъ то физическимъ недостаткомъ, не способенъ къ воспріятію извѣстнаго рода ощущеній, всякій говоритъ то, что считаетъ правдой, если только у него нѣтъ причинъ не говорить ея, такъ какъ говорить правду легче, чѣмъ выдумывать ложь и т. п. На первыхъ ступеняхъ государственности нѣтъ возможности предполагать, чтобы люди оказались уже способными къ такимъ сложнымъ логическимъ операціямъ, какъ историческій методъ доказыванія. И дѣйствительно, въ первоначальномъ процессѣ [1]) нѣтъ стадіи доказыванія малой по-

[1]) R. Schmidt. Lehrbuch d. d. Civilprozessrechts. L. 1898 § 7 S. 44.

сылки судейскаго современнаго силлогизма—фактовъ, которые потомъ подводятся подъ правовую норму, а доказательство направляется прямо на заключеніе силлогизма. Доказываютъ сразу, что лицо правонарушитель, что оно столько то должно уплатить и т. д. Приходятъ соприсяжники и подтверждаютъ, что противникъ повиненъ ихъ сторонѣ; спорящій— сторона подвергается суду Божьему и смотря по его результату выигрываетъ или проигрываетъ дѣло. Только съ значительнымъ экономическимъ развитіемъ и развитіемъ индивидуальности въ процессъ проникаетъ новая стадія и занимаетъ принадлежащее ей по праву центральное въ немъ мѣсто. Роль судьи рѣзко измѣнилась, еще недавно онъ только на глазахъ у всѣхъ объявлялъ отвѣтчика правымъ, когда видѣлъ, что тотъ брошенный въ воду начиналъ тонуть—злоупотребленіе здѣсь почти немыслимо,— а теперь онъ рѣшаетъ, былъ ли фактъ, говоря: вѣрю этому свидѣтелю, а этому не вѣрю. Понятно, что тяжущіеся ужаснулись при видѣ такой полной ихъ зависимости отъ усмотрѣнія судьи, и власть вкладываетъ дѣятельность судьи въ строгія рамки. Историческій пережитокъ и первоначальная трудность и для самого судьи его новаго положенія облегчали это закованіе всякаго шага судьи въ правовыя грани. Историческій же пережитокъ долго продолжаетъ новаго свидѣтеля, свидѣтеля факта, отожествлять со старымъ, соприсяжникомъ-послухомъ, и новый свидѣтель долго еще бьется, напримѣръ, у насъ, съ оружіемъ въ рукахъ за правоту своего воспріятія. Взглядъ на свидѣтеля, какъ на пособника стороны, и недовѣріе къ судьѣ характерно надолго для процесса. Свидѣтеля допрашиваютъ безъ сторонъ, прочитывая ему дословно артикулы утвержденій истца и вопросники отвѣтчика (ученыя работы того времени предусмотрительно рекомендуютъ судьямъ читать эти артикулы свидѣтелямъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они даны сторонами). Изолировавъ отъ сторонъ судей для провѣрки доказательствъ, средневѣковое право оградило зато сторонъ отъ судей, преподавъ имъ точныя правила, когда судья свидѣтелю долженъ вѣрить и когда нѣтъ. На почвѣ намековъ римскаго права, къ авторитету котораго первоначально бросился и самъ судья, не привыкшій еще къ сложной логической работѣ оцѣнки показаній, пышно развилась такъ называемая формальная теорія доказательствъ. Суть ея

въ томъ, что опытное положеніе провѣрки доказательствъ облекается въ форму легальныхъ презумпцій, при чемъ не забывается, какъ и всегда, и классовый моментъ. Не дѣйствительно показаніе, говорятъ средневѣковые компендіи Танкреда [2]) или знаменитое зерцало правъ Дуранда [3]), если свидѣтель себѣ противорѣчитъ, если объ одномъ показываетъ вѣрно, а о другомъ не вѣрно; не можетъ судья согласовать показаній двухъ свидѣтелей, то онъ долженъ больше вѣрить свободному, чѣмъ отпущеннику, старѣйшему, чѣмъ молодому, благородному, чѣмъ неблагородному, богатому, чѣмъ бѣдному, мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, человѣку правдивому болѣе, чѣмъ лгуну и т. д. Для насъ времена формальной теоріи оцѣнки доказательствъ, какъ они ни недавни хронологически, кажутся ушедшими въ вѣчность. Мы не боимся вѣрить судьѣ: логически судья развитъ достаточно; въ свидѣтелѣ мы уже не видимъ непремѣннаго пособника той или другой стороны. Нашъ судья имѣетъ право свободно оцѣнивать доказательства. Свободно не значитъ здѣсь по усмотрѣнію, судья вѣритъ свидѣтелю не по своему доброму удовольствію, не потому что ему такъ хочется, а потому, что онъ логически вынужденъ ему вѣрить: судья производитъ постоянно указанныя нами въ первыхъ словахъ доклада операціи, гдѣ большими посылками являются опытныя положенія. Логически опытными, т. е. индуктивными общими положеніями, будутъ положенія крайне разной логической цѣнности, сюда подойдутъ грубыя житейскія обобщенія изъ недостаточно провѣренныхъ фактовъ, обобщенія приблизительныя по большинству случаевъ и т. д. Жизнь показываетъ, что люди справляются съ довольно сложными задачами, не зная и приблизительныхъ правилъ, крестьянинъ сумѣетъ узнать, какая именно летитъ птица, но не сумѣетъ указать, по какому признаку ея полета онъ опредѣлилъ ея названіе [4]). Затѣмъ наступаетъ пора приблизительныхъ житейскихъ обобщеній,

---

[2]) Pilii, Tancredi, Gratiae libri de iudiciorum ordine. edid. Bergmann 1842. Tancred. P. 3. tit. 12.

[3]) Durandi Speculum iuris. Venetiis M. D. LXXXV lib. I partic. IV § postquam.

[4]) H. Gross. Das Wahrnehmungsproblem und der Zeuge im Strafprozess въ Goltdammers Archiv 1903 3-5 Heft S. 199.

и только затѣмъ уже научныхъ. Несомнѣнно, что въ судейской оцѣнкѣ доказательствъ до сихъ поръ играютъ преобладающую руль первыя двѣ категоріи. Винить судей не приходится, научная разработка не ихъ дѣло, ихъ дѣло быть знакомыми съ ея выводами, но къ сожалѣнію до сихъ поръ этой разработки почти нѣтъ. Между тѣмъ изъ рядовъ уголовной школы, наиболѣе рѣзко отразившей на себѣ вліяніе болѣе точныхъ наукъ, выставляются за послѣднее время обвиненія въ технической неподготовленности современнаго судьи къ дѣлу оцѣнки доказательствъ. Первые удары нанесены въ этомъ направленіи житейской оцѣнкѣ дѣтскихъ показаній [5]). Дитя—голосъ невинности, трудно предполагать его стоящимъ на сторонѣ олного изъ противниковъ, поэтому, онъ надежный свидѣтель. Мнѣніе жестоко расшатанное, когда психіатры доказали ту легкость, съ какой дитя поддается самовнушенію и внушеніе. Изслѣдована была научно опасность довѣрія показаніямъ больныхъ, напр. истеричныхъ. Несомнѣнно, что моментъ недовѣрія къ показанію свидѣтеля можетъ покоиться не въ одной только умышленной неправильной передачѣ воспринятаго, къ чему мы по исторической традиціи наклонны, но и въ психологическихъ особенностяхъ воспріятія и воспоминанія. Къ сожалѣнію до сихъ поръ научно эти вопросы почти не разработаны. Изъ юристовъ одинъ профессоръ Гроссъ [6]), создатель криминалистики, попытался собрать и научно обработать довольно большой запасъ наблюденій и далъ весьма цѣнный матеріалъ не только для практика юриста, для котораго онъ писалъ, но и для психолога. Онъ особенно выдвигаетъ самый моментъ воспріятія и обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что люди какъ общее правило передаютъ воспринятое по его только общему смыслу, такъ какъ они воспринимаютъ не факты, а картины, которыя они себѣ составили о воспринятомъ происшествіи, напримѣръ, воспринимается не самое бранное слово, а его смыслъ, поэтому свидѣтели при допросѣ передаютъ, одинъ—что слово было оселъ, другой—баранья голова, но

---

[5]) Ferri. La justice pénale. Bruxelles 1898 p. 62.

[6]) H. Gross. Kriminalpsychologie, его же Handbuch für Untersuchungsrichter.

они не скажутъ здѣсь, мошенникъ, такъ какъ порицался умъ [7]). Составленіе же этой картины будетъ зависѣть въ значительной мѣрѣ не отъ воспринятыхъ только фактовъ, а отчасти и отъ субъективныхъ моментовъ воспринимающаго: развитіе умственное и спеціальное, характеръ, настроеніе,—все это окрасить извѣстнымъ образомъ составленную имъ картинку. Помощи юристамъ слѣдуетъ ждать отъ психологовъ спеціалистовъ среди которыхъ, какъ извѣстно, теперь сильно развивается примѣненіе точныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій. За послѣдніе три года появились двѣ психологическія работы, которыя даютъ очень много по вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Задача нашего сообщенія и сводится къ скромной передачѣ этихъ работъ. Хотя одна изъ нихъ уже переведена цѣликомъ въ Вѣстникѣ Права [8], но пониманіе ея сильно затрудняется отсутствіемъ тамъ картинъ, на которыхъ производились опыты. Обѣ работы являются первою попыткою теоретически и при томъ экспериментально разработать нѣкоторыя стороны ученія о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній и заслуживаютъ самаго широкаго распространенія не только, какъ первая попытка, но и въ виду крайне интересныхъ результатовъ, ею достигнутыхъ. Все это, думается, вполнѣ оправдываетъ наше желаніе остановить сегодня вниманіе общества на опытахъ Штерна и Бинэ. Въ докладѣ намъ придется говорить и о нашихъ опытахъ, мы считаемъ поэтому тутъ же долгомъ своимъ оговорить, что опыты эти преслѣдовали только педагогическія цѣли наглядно ознакомить нашихъ слушателей юристовъ IV к. съ опытами Штерна и Бинэ, а не ставились со строго опредѣленными научными цѣлями для провѣрки тѣхъ или иныхъ выводовъ указанныхъ ученыхъ; такимъ образомъ, наше дальнѣйшее изложеніе будетъ зиждиться почти исключительно на опытахъ и выводахъ самихъ Штерна и Бинэ.

II.

Хотя хронологически опыты Бинэ предшествовали экспериментальнымъ изслѣдованіямъ Вильяма Штерна, однако мы

[7]) H. Gross. Das Wahrnehmungsproblem und der Zeuge im Strafprozess въ Goltdammers Archiv 1903. 3—5 Heft. S. 195.

[8]) № 2 и 3 за 1902 г.

позволимъ себѣ, въ интересахъ систематическаго изложенія, остановиться сперва на опытахъ послѣдняго. Штернъ—приватъ-доцентъ философіи въ Бреславльскомъ университетѣ. О своихъ опытахъ онъ сдѣлалъ докладъ берлинскому психологическому обществу; этотъ докладъ опубликованъ въ Листовскомъ Zeitschrift'ѣ, Bd. XXII за 1902 г.

Задаваясь цѣлью провѣрить достовѣрность показаній о фактахъ нормальнаго, непредубѣжденнаго лица въ смыслѣ соотвѣтствія этихъ показаній объективной дѣйствительности, Штернъ устраивалъ для этой цѣли очную ставку между показаніями воспріятія и воспоминанія и самою дѣйствительностью. Для того, чтобы имѣть возможность устроить такую очную ставку, онъ обращался къ воспріятіямъ и воспоминаніямъ о фактахъ, которые настолько закрѣплены въ дѣйствительности, что могутъ быть вызваны, въ интересахъ свѣрки съ ними показаній, въ любой данный моментъ, по желанію изслѣдователя. Оперируя первоначально только съ одними зрительными воспріятіями, онъ предлагалъ лицамъ, надъ которыми производились опыты, картины, при томъ именно такія, какія иначе, какъ черезъ него, не могли попасться на глаза испытуемымъ. Для воспріятія зрительныхъ впечатлѣній соотвѣтствующая картина показывалась испытуемымъ въ теченіи $^3/_4$ минуты, строго по часамъ. При этомъ, до производства опыта испытуемымъ сообщалось, что они должны внимательно разсмотрѣть и послѣ того дать подробный отчетъ о содержаніи картины, которую сейчасъ получатъ,—и, сверхъ того, внушалось, что бы они ни съ остальными испытуемыми и ни съ кѣмъ другимъ не говорили о содержаніи картины послѣ. Тотчасъ же послѣ разсмотрѣнія предложенной картины, каждый испытуемый давалъ письменное показаніе о ея содержаніи. Такимъ образомъ, фиксировались результаты собственно воспріятія. Въ дальнѣйшее время, обыкновенно разъ въ недѣлю, отъ лицъ, давшихъ первоначальныя показанія, отбирались показанія повторныя, въ которыхъ испытуемыя лица фиксировали уже, такимъ образомъ, свои воспоминанія о картинѣ. Провѣрка первоначальныхъ и повторныхъ показаній съ дѣйствительнымъ содержаніемъ самой картины давала возможность экспериментатору болѣе или менѣе точно выяснить ошибки и воспріятія, и воспоминанія, и, такимъ образомъ, намѣтить путь опытнаго изслѣдованія вопросовъ о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній.

Мы, съ своей стороны, избрали изъ трехъ картинъ, которыми пользовался Штерна, рисунокъ „Художникъ“ а) (или „Переѣздъ художника“) и, при посредствѣ этой картины, произвели опытъ въ такомъ же приблизительно порядкѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ Штерномъ. Картина показывалась также, какъ и Штерномъ, въ теченіи $^3/_4$ минуты. Но между тѣмъ какъ Штернъ сообщаетъ результаты опытовъ надъ 30 лицами, намъ удалось провѣрить ихъ на первоначальныхъ показаніяхъ только 15 лицъ. И если, далѣе, Штернъ имѣлъ возможность получить о картинѣ „Художникъ“ отъ каждаго изъ этихъ 30 лицъ по 3 повторныхъ показанія—черезъ 5, 14 и 21 день послѣ разсмотрѣнія картины, да еще особыя присяжныя показанія, то въ нашемъ распоряженіи оказалось лишь 8 повторныхъ показаній чрезъ недѣлю, 3—чрезъ двѣ недѣли и еще 8—*черезъ два мѣсяца*. Кромѣ картинки „Художникъ“, докладчиками были произведены опыты съ лично ими выбранными картинками „Бильярдная игра“ и „Въ мастерской“.

Для того, чтобы дать первоначальное понятіе о характерѣ и предѣлахъ несоотвѣтствія показаній съ дѣйствительностью, мы позволимъ себѣ предварительно представить собранію сводку интересующихъ насъ уклоненій воспріятія и воспоминанія. При отсутствіи подобной общей сводки у Штерна мы пользуемся, при этомъ, всецѣло результатами одного только собственнаго эксперимента.

На картинѣ „Переѣздъ художника“ одинъ изъ испытуемыхъ усмотрѣлъ *двухколесную телѣжку* [9]), другой *крытый экипажъ*; иные видѣли на ней *коляску*.

Въ экипажѣ замѣчена одними *семья художника*, другими *дама или барышня*: она сидитъ, съ точки зрѣнія однихъ, *на облучкѣ*, съ точки зрѣнія другихъ, *въ креслѣ*. У нея въ *правой* рукѣ, по одному, *лампа*,—по другому, *клѣтка*, по третьему, *чучела птицъ*. *Въ лѣвой — статуетка*. Одинъ усмотрѣлъ у дамы, вообще, *скульптурныя произведенія*. Другой видѣлъ у нея въ рукахъ *куклу*.

Нѣсколько впереди дамы усмотрѣна лампа.

а) Прилагается въ концѣ этой части «Трудовъ».

[9]) Курсивомъ напечатаны ошибки воспріятія (уклоненія отъ истины въ первоначальныхъ показаніяхъ); въ разрядку—ошибки воспоминанія (уклоненія, проявившіяся лишь въ повторныхъ показаніяхъ).

Немного сзади дамы одинъ изъ испытуемыхъ видѣлъ *чертика*.

Въ экипажѣ замѣтили также горшокъ съ цвѣтами, клѣтку съ птицей, рѣшето, рамы для картинъ, статуетки, *корзинку*.

Позади телѣжки видѣли принадлежности художественной мастерской: *рамы*, картины, чучела. Одинъ замѣтилъ въ задней части экипажа *кувшинъ на метелкѣ*. Другой—*клѣтку*. Есть сообщеніе, что здѣсь были еще „*ухваты, ящики и, кажется, кочерга*“. Видѣли тутъ также и половыя щетки. Одинъ изъ наблюдателей послѣдовательно показывалъ, что онъ замѣтилъ сзади экипажа, *кромѣ корзинки у барыни*, „*корзину и что то вродѣ корзины*“, потомъ „щетку и что то также вродѣ щетки“, и наконецъ „щетку и что то похожее на пюпитръ“.

Экипажъ запряженъ *осломъ* или осликомъ, какъ четыре раза показалъ одинъ испытуемый. По другимъ наблюденіямъ, онъ запряженъ лошадью или „*клячей*“. Видѣли птицу — одинъ *надъ головой лошади*, другой — на самой ея головѣ; также, вообще, *надъ лошадью, на лошади*, надъ коляской и, наконецъ, *на рукѣ у дамы*.

Сбоку у лошади одинъ изъ наблюдателей замѣтилъ клѣтку.

Съ точки зрѣнія одного *лошадью правитъ дама, сидящая въ экипажѣ*; по наблюденію другого, *лошадь ведетъ за узду* молодой человѣкъ, идущій впереди экипажа.

Этотъ молодой человѣкъ, идущій, по другимъ наблюденіямъ, рядомъ съ осликомъ или совсѣмъ сзади экипажа, носитъ *клинообразную бородку и пенсне*. „*Онъ, какъ видно, въ соломенной шляпѣ*“. У него *въ правой рукѣ*, по мнѣнію одного, *тростъ*, по мнѣнію другого, палка. Портфель онъ, какъ утверждается въ одномъ показаніи, несетъ въ лѣвой рукѣ и, какъ удостовѣряется въ предыдущемъ, придерживаетъ правою рукой. Замѣтили у него въ рукахъ: *скрипку*, щетку, *раму, портреты въ рамахъ, ящикъ для красокъ или ящикъ съ красками*, линейку угломъ или *линейку съ прямымъ угломъ*. Подъ мышкой —палитру и *папку*, на которой *въ бѣломъ кругѣ изображена голова*. За спиною его одинъ изъ испытуемыхъ видѣлъ пюпитръ.

Внизу картины видѣли подпись художника и *въ мѣсяцъ ея углу дату.*

По заявленію одного изъ испытуемыхъ *картина изображена карандашемъ.*

Штернъ попытался выразить количество ошибокъ въ показаніяхъ цифрами. Онъ нашелъ въ отношеніи всѣхъ трехъ показанныхъ имъ картинъ только 6% безошибочныхъ показаній, при чемъ въ частности среди показаній первоначальныхъ (по воспріятію)—въ той или другой степени ошибочныхъ показаній оказалось 84% и среди повторныхъ (по воспоминанію)—99%. Докладчики изъ числа полученныхъ ими показаній о картинѣ „Художникъ“ могутъ отвести къ безошибочнымъ развѣ лишь 1—2 показанія по воспріятію, и ни одного показанія по воспоминанію. Разлагая цѣльныя показанія на отдѣльныя обозначенія, соотвѣтственно названіямъ отдѣльныхъ предметовъ, дѣйствій и положеній, Штернъ получилъ возможность опредѣлить % невѣрныхъ обозначеній въ отношеніи къ общему числу послѣднихъ въ отобранныхъ показаніяхъ. По его разсчету, въ каждомъ показаніи 8½% всѣхъ обозначеній ошибочны,—при чемъ въ частности воспріятіе даетъ 5,8%, и воспоминаніе 10% ложныхъ обозначеній. Къ сожалѣнію *, Штернъ не опубликовалъ основныхъ таблицъ своихъ вычисленій, и потому докладчики были поставлены въ невозможность провѣрки тѣхъ частей его работы, которыя опираются на проценты обозначеній.

Такъ какъ въ опытахъ Штерна, въ качествѣ испытуемыхъ, участвовали и женщины (8 дамъ), то имѣется возможность сравнить характеръ и степень ошибочности показаній по полу: женщины забываютъ меньше, но больше искажаютъ. Изъ числа обозначеній, имѣющихся въ первоначальныхъ показаніяхъ, у мужчинъ въ повторныхъ показаніяхъ пропадаетъ 20%, у женщинъ только 13% обозначеній. За то, мужчины въ общемъ дѣлаютъ 7,8% ошибокъ, между тѣмъ какъ женщины 10,5%. Слѣдовательно, забывчивость женщинъ относится къ забывчивости мужчинъ, какъ 2 : 3, а недостовѣрность ихъ показаній, какъ 4 : 3 **.

Кромѣ обычныхъ повторныхъ показаній, Штернъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль послѣ воспріятія, продѣлалъ надъ 17 мужчинами и 6 дамами изъ испытуемыхъ особый опытъ съ присягою. Испытуемымъ было предложено, давъ

письменное показаніе о картинѣ, подчеркнуть въ немъ все то, въ достовѣрности чего испытуемый субъективно могъ бы поклясться, если бы дѣло шло о судебномъ показаніи. Въ подчеркнутыхъ частяхъ показанія оказалось въ среднемъ 11% ошибочныхъ обозначеній, въ неподчеркнутыхъ—20% (въ цѣлыхъ показаніяхъ—13%). Такимъ образомъ, субъективная увѣренность улучшаетъ показаніе, но она отнюдь не избавляетъ его отъ ошибокъ.

Любопытны различія при присягѣ по полу. У женщинъ субъективная увѣренность проявляется гораздо шире, чѣмъ у мужчинъ: женщины подчеркиваютъ 85% обозначеній, мужчины только 71%. При этомъ, у женщинъ и въ подтвержденной и въ неподтвержденной присягою частяхъ показанія число ошибокъ приблизительно равно. А такъ какъ женщины дѣлаютъ большій % ошибокъ, то оказывается, что данная подъ присягою часть показанія мужчины заключаетъ въ среднемъ 2,1%, а данная подъ присягою часть показанія женщины 4,8%, слѣдовательно, больше, чѣмъ вдвое, ложныхъ обозначеній.

Для того, чтобы ближайшимъ образомъ разобраться въ ошибкахъ показаній, Штернъ дѣлаетъ попытку ихъ классификаціи по объективнымъ логическимъ свойствамъ, дѣля ихъ на пропуски, прибавленія и измѣненія. При этомъ, онъ дѣлаетъ существенную оговорку, что пропуски, какихъ бы характерныхъ частей картины они ни касались, при его счетѣ ошибокъ не были совсѣмъ приняты во вниманіе.

Прибавленія часто смущаютъ своимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ дѣйствительности: въ показаніяхъ, полученныхъ Штерномъ, особенно излюблена собака, какъ deus ex machina; она четыре раза прыгаетъ и лаетъ, большею частью въ видѣ пуделя, на картинѣ, изображающей художника. То обстоятельство, что жена художника держитъ вожжи и правитъ лошадью, повторяется въ показаніяхъ 8 разъ. По единичнымъ показаніямъ слѣдуетъ, что экипажъ находится сзади, везетъ коробки и стулья и проѣзжаетъ въ узкія ворота!

Что касается измѣненій дѣйствительности, то здѣсь болѣе всего поражаетъ настоящее превращеніе предметовъ изъ однихъ въ другіе: испытуемые Штерна въ группѣ неясныхъ предметовъ въ задней части воза усматриваютъ и ящики, и сундуки, и вторую софу, и доски кровати, матрацы и снова

матрацы; три раза изъ чучела птицы у нихъ получается попугай. А на другихъ картинахъ разъ мячъ превращается въ заходящее солнце, семья зайцевъ въ семью кошекъ (и это — въ первонач. показаніи!), и кошка въ голубя. Въ опытахъ у докладчиковъ—лошадь въ осла или оленка, и медвѣжья шкура на другой картинкѣ (мирной семейной сцены) въ ползающаго ребенка!

Далѣе, должны быть отмѣчены измѣненія въ количествѣ. Предметъ, встрѣтившійся одинъ разъ, обращается, особенно при воспоминаніи, въ нѣсколько: метла и горшокъ сзади воза обращаются въ метлы и щетки, и горшки; одинъ разъ даже лошадь—въ двѣ лошади. Наконецъ, очень многочисленны измѣненія въ самомъ расположеніи предметовъ: перемѣщаются взаимно вещи, находящіяся въ правой и въ лѣвой рукѣ художника и художницы. Клѣтка, по показаніямъ, собраннымъ Штерномъ, виситъ то справа, то слѣва, то наверху, то внизу, въ рукѣ жены (трижды), которая, кромѣ того, семь разъ держитъ въ рукѣ чучело птицы. Любопытны также среди ошибокъ расположенія соединенія предметовъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ, въ связное цѣлое, помѣщающееся въ одномъ мѣстѣ: по показаніямъ, полученнымъ Штерномъ, два раза метла съ корзиною и палка съ горшкомъ позади воза превращаются въ одну метлу съ корзиною и горшкомъ. Сюда же допустимо отнести, въ видѣ примѣра, и соединеніе въ одномъ изъ показаній, полученныхъ докладчиками, чучела птицы и клѣтки въ клѣтку съ птицею.

Помимо такой классификаціи ошибокъ, умѣстно разгруппировать ихъ также и какъ ошибки воспріятія, и собственно воспоминанія. Среди уклоненій, перечисленныхъ нами относительно картины „Художникъ“ по опытамъ надъ слушателями, ошибки воспріятія и воспоминанія различены шрифтомъ (см. прим. 9).

По поводу приведенныхъ опытовъ могутъ указать, какъ на условія, неблагопріятныя для полноты и точности воспріятія, на отсутствіе содѣйствія иныхъ впечатлѣній, кромѣ оптическихъ. Могутъ поставить также вопросъ, не вліяетъ ли на ошибочность воспріятія и отсутствіе движенія, имѣющаго мѣсто въ другихъ фактахъ дѣйствительности. Отдавая должную дань значенію этого момента, мы упомянемъ здѣсь объ опытѣ, произведеннымъ Fr. v. Liszt'омъ въ Берл. крим. семинарѣ въ кон-

цѣ 1901 г. Два лица по заранѣе точно условленному плану разыграли въ семинарѣ, неожиданно для прочихъ ея посѣтителей, сцену ссоры, при чемъ имѣло мѣсто поднятіе револьвера, нацѣлъ и спускъ курка. Посѣтители семинара, опрошенные о происшедшемъ, дали цѣлый рядъ сбивчивыхъ и даже въ существенныхъ пунктахъ ошибочныхъ показаній. Разработка этого опыта еще неопубликована ***). Для того, чтобы приблизить опытъ къ условіямъ дѣйствительной жизни, возможно было бы воспользоваться не только методомъ Liszt'a, при которомъ едва ли возможна вполнѣ точная и всесторонняя свѣрка показаній съ объективною правдою, но и кинематографомъ, и фонографомъ. Другой неблагопріятный моментъ—отсутствіе заинтересованности испытуемыхъ къ точному и полному воспріятію и запоминанію едва ли является характернымъ для опыта, въ противоположность дѣйствительности.

Въ противовѣсъ неблагопріятному вліянію слѣдуетъ указать на исключительно выгодныя стороны опыта, съ точки зрѣнія условій правильнаго воспріятія. При опытномъ воспріятіи, въ виду предварительнаго указанія, что о показанномъ предметѣ придется дать отчетъ, достигается максимальное вниманіе. Испытуемымъ на время воспріятія обезпечивается неизмѣнное спокойствіе и извѣстная степень удобства, требующагося для подробнаго разсмотрѣнія предмета. Исключается вліяніе аффекта (этого, впрочемъ, не обезпечиваетъ опытъ Листа). Впечатлѣніе фиксируется немедленно послѣ воспріятія первопачальнымъ показаніемъ. Наконецъ, въ отношеніи воспоминанія—показанія отбираются въ сравнительно короткіе сроки. При всемъ томъ, испытуемые почти сплошь состоятъ изъ образованныхъ людей въ возрастѣ, весьма благопріятномъ для правильнаго воспріятія.

Передъ психологомъ и процессуалистомъ выдвигается серьезная задача выясненія причинъ случаевъ такого рѣзкаго несоотвѣтствія между показаніемъ и дѣйствительностью. Путемъ къ разрѣшенію этой задачи булетъ выясненіе вліянія отдѣльныхъ моментовъ, усиливающихъ или ослабляющихъ ошибочность воспріятія и воспоминанія.

Мы отмѣтимъ, прежде всего, значеніе объективныхъ условій, которыя затрудняютъ или облегчаютъ правильное воспріятіе. Умѣстно именно коснуться такихъ условій, какъ неясность или расплывчатость воспринимаемаго факта, и его

сложность, равно какъ и продолжительность впечатлѣнія. Штернъ удостовѣряетъ, что впечатлѣніе реагируетъ особенно большимъ количествомъ ошибокъ именно на неясныя и расплывчатыя стороны картины, какими являются, напр., предметы у художника подъ мышкою правой руки (картины, принятыя за папки, за альбомъ, за ящикъ съ красками) или мебель позади софы. Сложность картины также не остается безъ вліянія на воспріятіе. Въ первонач. показаніяхъ о труднѣйшей картинѣ „Художникъ“ было сдѣлано въ среднемъ 7,1% ошибокъ (къ числу отдѣльныхъ обозначеній),—о средней по сложности картинѣ „Зайцы“—5,8% и о легчайшей „Дѣдушка“—4,4%. Однако любопытно, что при повторныхъ показаніяхъ эта разница кажется изчезнувшей: здѣсь для всѣхъ картинъ, показанныхъ Штерномъ, среднее количество ошибокъ колеблется между 9 и 11%. Вліяніе скоротечности впечатлѣнія Штернъ не выяснено: $^3/_4$ минуты было у него одинаковымъ промежуткомъ воспріятія для всѣхъ испытуемыхъ. Какъ показываетъ особый опытъ докладчиковъ надъ 4 лицами, при пятиминутномъ наблюденіи увеличивается число воспринимаемыхъ элементовъ и правильность воспріятія,—но ошибочность отнюдь не устраняется безусловно (напр., „закрытый журналъ опущенъ на колѣни“,—на картинѣ „Въ мастерской“, гдѣ на самомъ дѣлѣ на колѣняхъ у изображеннаго лица ничего не лежитъ).

Рядомъ съ объективными условіями, вліяющими на воспріятіе, умѣстно здѣсь отмѣтить внѣшнія причины, оказывающія вліяніе на достовѣрность воспоминанія: сюда должно отнести отдаленность воспоминанія отъ воспріятія во времени и повторяемость воспоминанія. По даннымъ Штерна, ошибочность воспоминанія, сравнительно съ воспріятіемъ, возрастаетъ чередъ 5 дней послѣ воспріятія до 1,5%, черезъ двѣ недѣли послѣ воспріятія до 4,3% и черезъ три недѣли до 6% обозначеній. Какъ видно изъ этихъ цифръ, искаженіе воспринятаго образа идетъ довольно равномѣрнымъ темпомъ, такъ что ошибочность увеличивается съ каждымъ днемъ приблизительно на $^1/_3$%. Далѣе, по даннымъ Штерна, повтореніе воспоминанія значительно фиксируетъ воспринятый образъ. Въ самомъ дѣлѣ, для картины „Дѣдушка“, о которой повторныя показанія отобраны *однажды* черезъ 3 недѣли по воспріятіи, имѣется 6% прироста ошибокъ; для картины „Зайцы“—при *вторичномъ* отобраніи показаній черезъ три недѣли кон-

статировано только 5% прироста ошибокъ, сравнительно съ воспріятіемъ; и наконецъ, для картины „Художникъ“ при повтореніи въ третій разъ также черезъ 3 недѣли приростъ ошибокъ, сравнительно съ первоначальными показаніями, выразился лишь 2,6%! Такимъ образомъ, по Штерну, каждый промежуточный вызовъ воспоминанія необычайно укрѣпляетъ его образъ. Къ сожалѣнію, эта сторона опытовъ Штерна осталась непровѣренною докладчиками.

Переходя къ объективнымъ причинамъ ошибочности воспріятія, слѣдуетъ указать, помимо условій плохой наблюдательности отдѣльныхъ лицъ вообще и недостаточной внимательности нѣкоторыхъ въ данномъ конкретномъ случаѣ,—на психологическій моментъ ожиданія или предвосхищенія образа. По обычной ассоціаціи идей, кто-нибудь управляетъ запряженною въ экипажъ лошадью,— и хотя испытуемый ничуть не воспринялъ соотвѣтствующаго дѣйствія, однако онъ увѣренно вкладываетъ возжи или въ руки художника, или его спутницы. На картинкѣ „Бильярдная игра“, показанной докладчиками, испытуемыми были усмотрѣны лузы въ разномъ количествѣ, которыя обыкновенно имѣются на русскихъ бильярдахъ, а между тѣмъ бильярдъ заграничный—безъ лузъ,—и даже техническая подготовленность къ воспріятію соотвѣтствующихъ явленій нѣкоторыхъ изъ испытуемыхъ не предохранила отъ ошибки предвосхищенія [10]). Что касается, далѣе, субъективныхъ условій ошибочности воспоминанія, то изъ нихъ Штернъ придаетъ особенное значеніе наблюдающемуся въ психикѣ стремленію къ поясненію и усиленію впечатлѣній. Штернъ исходитъ изъ той мысли, что большинство людей и при томъ значительное въ области зрительныхъ впечатлѣній неспособны къ настоящей „визуализаціи“, т. е. къ воспроизведенію формъ и красокъ, свѣта и тѣни полнаго образа воспоминанія; при воспоминаніи они руководствуются лишь болѣе или менѣе скудными суррогатами воспринятаго образа,—обрывками оптическихъ и иныхъ впечатлѣній, словами и абстрактными суж-

---

[10]) Любопытно, что у одного изъ испытуемыхъ логическій характеръ его заключенія сказался въ самомъ отвѣтѣ: «вилна одна угловая луза, такъ какъ бильярдъ виденъ только до середины, а съ другой стороны онъ закрытъ игрокомъ, наклонившимся надъ нимъ».

деніями. При сравненіи слѣдующихъ одно за другимъ описаній одной и той же картины поражаетъ взаимное сходство этихъ описаній по конструкціи фразъ, по бросающимся въ глаза выраженіямъ: очевидно, при повторныхъ показаніяхъ испытуемый въ извѣстной степени вспоминаетъ не содержаніе самаго воспріятія, но слова показанія, и связанныя съ ними обрывки зрительныхъ и иныхъ впечатлѣній. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытенъ примѣръ ошибки того испытуемаго Штерна, который при третьемъ повтореніи показанія удостовѣрилъ будто бы „возъ художника проѣзжаетъ въ узкія ворота“. Въ первомъ повтореніи исключительно для красоты фразы этимъ испытуемымъ было употреблено выраженіе: Maler zieht „zum Thore hinaus“—въ дальнѣйшемъ показаніи роковое слово заслонило и заполнило элементъ самаго воспріятія! Такое же значеніе, какъ и слова, при воспоминаніи имѣютъ и абстрактныя сужденія. Удерживается въ памяти сказуемое: человѣкъ, идущій впереди воза, что то несетъ въ рукахъ,—что именно, восполняется уже по обычной ассоціаціи идей. Если это художникъ, то въ его руки вставляется и кисть, и ящикъ съ красками, и альбомъ! Если это итальянецъ, какъ воспринялъ одинъ изъ испытуемыхъ докладчика, не знавшій названія картины, то его естественно снабжаютъ скрипкою, и за спину его помѣщаютъ шпитръ! На ряду съ процессомъ поясненія впечатлѣній въ памяти замѣчается также и явленіе усиленія послѣднихъ. Вотъ, напр., послѣдовательный рядъ показаній одного и того же лица, по Штерну: За софой на возу можно замѣтить метлу, щетку и горшокъ; второе—сзади софы находятся метла, горшки и ведро; третье—за софой находятся нѣсколько горшковъ и щетокъ, поставленныхъ въ ведро; четвертое—за софой находится ведро, въ которомъ стоятъ щетки: и наконецъ, особое повтореніе подъ присягою: сзади софы стоитъ ведро, изъ котораго торчатъ нѣсколько длинныхъ щетокъ. Или изъ показаній другихъ испытуемыхъ: художникъ идетъ,—идетъ большими шагами,—идетъ поспѣшными шагами. На картинѣ „Зайцы“ усмотрѣно сперва—два дерева (на самомъ дѣлѣ ихъ—три), въ дальнѣйшихъ показаніяхъ того же лица—березовый лѣсокъ, и позже—лѣсъ. О художникѣ одна изъ испытуемыхъ Штерна въ повторномъ показаніи неожиданно заявляетъ „можетъ быть, на картинѣ есть еще и кучеръ“; въ слѣдующемъ повтореніи

она дѣлаетъ эту ошибку уже безъ всякихъ „можетъ быть“. Этотъ моментъ вполнѣ подтвердился и въ опытахъ докладчиковъ: первоначальное показаніе—на телѣжкѣ лежатъ въ безпорядкѣ чучело птицы, картинныя рамы и нѣкот. др. вещи; второе показаніе—телѣжка кругомъ нагружена разными вещами—картины, рамы, статуетки, чучело и т. п.; третье—телѣжка въ безпорядкѣ нагружена разными принадлежностями обстановки художника: чучела птицы, рамы для картинъ и пр. Такимъ образомъ, образъ воспоминанія растетъ и не уступаетъ, кажется, въ этомъ ростѣ молвѣ, которая, какъ знали еще древніе, „crescit eundo“.

Скажемъ еще особо нѣсколько словъ объ усиленіи впечатлѣнія окраскою предмета. По даннымъ Штерна, на художникѣ оказалась темно-коричневая шляпа, на возу—красная софа. По даннымъ докладчиковъ, на портретѣ Бинэ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, оказался коричневый, темно-коричневый и свѣтло-коричневый пиджакъ. какъ показали однѣ испытуемыя, и грязно-желтая жилетка, какъ показала одна изъ нихъ.

Отдѣльно отъ указанныхъ объективныхъ и субъективныхъ причинъ мы отмѣтимъ вліяніе на ошибочность показаній внушенія, которое можетъ проявляться и объективной причиною ошибочности показанія, и причиною субъективною, когда оно дѣйствуетъ въ формѣ самовнушенія. Такъ какъ докладчики исходятъ, при этомъ, въ своемъ изложеніи изъ описанія опытовъ Бинэ, то они напередъ извиняются, если имъ придется нѣсколько повторяться въ своемъ изложеніи по существу выводовъ.

III.

Еще за годъ до Штерна извѣстный французскій ученый Бинэ. директоръ лабораторіи физіологической психологіи въ Сорбонѣ, подошелъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ со стороны зависимости содержанія отвѣта свидѣтеля отъ формы предлагаемаго вопроса. Бинэ не юристъ и не изучалъ свидѣтельскихъ показаній какъ особый вопросъ экспериментальной психологіи, а коснулся ихъ, разрабатывая другой спеціальный вопросъ, а именно вопросъ о внушаемости. Замѣтимъ тутъ же, что внушеніе путемъ гипноза и аналогичныхъ ему способовъ было имъ прин-

ципіально исключено изъ его работы. Для своихъ цѣлей онъ произвелъ длинный рядъ разнообразныхъ опытовъ преимущественно на ученикахъ городскихъ начальныхъ Парижскихъ школъ. Многіе изъ этихъ опытовъ, а также выводы Бинэ изъ нихъ, являются чрезвычайно цѣнными для юриста, изучающаго достовѣрность свидѣтельскихъ показаній. Мы не имѣемъ здѣсь, конечно, никакой возможности передать достаточно подробно всѣ его опыты, давшіе въ результатѣ обширное, въ 391 стр., изслѣдованіе его La suggestibilité P. 1900 и ограничиваемся самымъ существеннымъ.

Первая часть опытовъ Бинэ состояла въ изученіи вліянія на лицо, получающее какое-либо воспріятіе, имѣющейся у этого лица руководящей идеи idée directrice. Эта идея при опытѣ воспринимается лицомъ безъ какого бы то ни было воздѣйствія на него самой личности экспериментатора, а появляется у него какъ логическій результатъ иззѣстной совершаемой имъ работы. Дѣло идетъ здѣсь такимъ образомъ о самовнушеніи. Вотъ одинъ изъ наиболѣе доказательныхъ и блестящихъ по простотѣ и остроумію опытовъ Бинэ (chap. III). Онъ показываетъ мальчику по одной одну за другой черныя линіи на бѣломъ фонѣ. Линіи эти параллельны, но начинаются не на одинаковомъ разстояніи отъ края бумаги, на которой онѣ начерчены. Мальчикъ на разграфленномъ клѣточками листикѣ бумаги долженъ отмѣчать точную длину этихъ линій. Для облегченія мальчика и для большаго успѣха опыта за начало линій принимается лѣвый край листка бумаги и вся работа испытуемаго сводится къ постановкѣ точки, отмѣчающей длину показанной линіи. Линіи показываются въ такомъ порядкѣ, первая въ 12 мм., вторая въ 24, третья въ 36, четвертая въ 48 и пятая въ 60. Такимъ образомъ, вторая больше первой вдвое, третья втрое, пятая въ пять разъ. Увеличеніе линій достаточно велико и замѣчается всѣми. Такимъ образомъ у испытуемаго возникаетъ мысль, что ему показываютъ все большую и большую линіи, поэтому каждую новую онъ встрѣчаетъ съ невольнымъ ожиданіемъ найти въ ней большую, чѣмъ предыдущая. Между тѣмъ, начиная съ шестой, Бинэ начинаетъ показывать еще цѣлый рядъ линій до 31, но всѣ эти линіи совершенно равны пятой, т. е. всѣ они равны 6 см. Для того, чтобы правильно опредѣлить длину этихъ линій, ребенку приходилось переборотъ ожиданіе видѣть линіи все

увеличивающіяся и увеличивающіяся, и слѣдовательно надо было ждать многочисленныхъ ошибокъ въ опредѣленіи длины воспринимаемыхъ линій, начиная съ шестой. Результаты опытовъ надъ 42 учениками начальной школы въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ превзошли ожиданія экспериментатора. Среди испытуемыхъ оказалось 8 лицъ, которыя упорно, какъ автоматы, всякую новую линію помѣчали, какъ бо́льшую предыдущей, 6 остановились въ увеличеніи линій не ранѣе, какъ на 20 линіи и только 11 спохватились ранѣе 10-ой. При этомъ, если испытуемый прерывалъ увеличеніе линій и отмѣчалъ наконецъ какую нибудь линію болѣе правильно не какъ большую предыдущей, а какъ меньшую, иногда близко подходя къ настоящей ея величинѣ, то это не значило еще, что онъ освобождался отъ руководящей идеи: иногда немедленно и во всякомъ случаѣ у большинства послѣ поправки опять начиналось увеличеніе линій. Всего одинъ ученикъ не могъ быть положительно признанъ за поддающагося внушенію. Его коэффиціентъ внушаемости равенъ всего 109, а 100 показывало бы полное ея отсутствіе. Подъ коэффиціентомъ внушаемости Бинэ понимаетъ такую цифру, которой равна была бы самая длинная изъ всѣхъ линій, помѣченныхъ ученикомъ, если длину пятой его мы приравняемъ ста. Такой переводъ необходимъ въ виду того, что какъ и слѣдовало ожидать, ученики далеко не одинаково точно передаютъ дѣйствительную величину показываемыхъ имъ линій. Если первую линію болѣе, чѣмъ половина учениковъ передаетъ правильно, то пятая передается крайне разнообразно и при этомъ всѣми, кромѣ двухъ, значительно ниже дѣйствительной ея длины. Поэтому коэффиціентъ 528 показываетъ, что ученикъ показалъ линію бо́льшую начерченой имъ пятой, которая у него равна была 35 мм., въ 5,28 разъ. У 16 учениковъ коэффиціентъ этотъ достигъ выше 200, т. е. они указали по линіи вдвое болѣе длинной, чѣмъ ихъ пятая. Наиболѣе поразителенъ одинъ ученикъ, обладающій коэффиціентомъ 545 и у котораго при этомъ пятая линія дана почти равной настоящей, а именно 55 мм. и допедшій такимъ образомъ до того, что смотря на линію въ 60 мм. онъ показалъ ее равной 300 мм. Мальчику этому 11 лѣтъ, а другой 14-и показалъ ее въ 210. Важно отмѣтить, что провѣрка этого опыта предпринятая Бинэ надъ болѣе возрастными именно на 12 ученикахъ Ecole Colbert въ среднемъ 16 лѣтъ, хотя и

дала въ общемъ положительный результатъ, такъ какъ большинство учениковъ подлалось вліянію мысли о все увеличивающихся линіяхъ, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ дѣти. Однако въ частностяхъ результатъ получился значительно отличный: коэффиціентъ поднялся всего до 147, т. е. максимальная линія только въ 1,5 раза превосходила пятую и максимумъ достигался на гораздо болѣе близкой линіи, чѣмъ у дѣтей, въ трехъ случаяхъ уже на шестой. Опытъ этотъ чрезвычайно любопытенъ, такъ какъ въ самой простой формѣ даетъ намъ наглядное доказательство, какъ сильно отражается на нашемъ воспріятіи мысль, съ которою мы къ нему приступаемъ. Аналогичные опыты были продѣланы надъ воспріятіемъ различныхъ тяжестей съ такимъ же успѣхомъ.

Еще болѣе интересны для насъ опыты Бинэ, изложенные въ главѣ „L'interrogatoire“ (ch. VI).

Коренной опытъ Бинэ заключался въ слѣдующемъ. Испытуемому, это были тѣ же ученики начальнаго училища, предлагалось 12 секундъ разсматривать картонъ 22 с. въ длину и 15,5 въ вышину. На этомъ картонѣ были налѣплены клеемъ 6 предметовъ: во первыхъ въ лѣвомъ углу сверху су, подъ нимъ этикетка изъ магазина Au bon marché изъ отдѣленія lingerie, corsets, подъ ней, но правѣе пуговица, вправо отъ этикетки портретъ какого то господина, еще правѣе и выше марка въ 2 сантима, а въ правомъ углу внизу небольшая вырѣзанная изъ газеты гравюра, изображавшая почтальоновъ стачечниковъ передъ полуоткрытыми воротами. Ребенка Бинэ предупреждалъ о необходимости внимательно использовать очень короткій предоставленный ему промежутокъ времени. Затѣмъ картонъ у испытуемаго отбирался, и Бинэ обращался къ нему съ просьбой перечислить видѣнные имъ предметы. Изъ 24 испытуемыхъ 10 забыли при этомъ почтовую марку 9 этикетку, 3 су, 2 портретъ, ни одинъ не забылъ гравюры. Далеко не одинаковое запамятованіе отдѣльныхъ предметовъ Бинэ остроумно объясняетъ тѣмъ, что гравюры и портретъ показались ученикамъ наиболѣе интересными сравнительно съ прочими весьма обыденными предметами. Хорошее же запоминаніе изъ числа послѣднихъ су объясняется, вѣроятно, его положеніемъ вверху слѣва (p. 256). За перечисленіемъ предметовъ испытуемому предлагался устно цѣлый рядъ вопросовъ всего 41 о подробностяхъ видѣнныхъ предметовъ, при чемъ

напоминалось о существованіи пропущенныхъ предметовъ. Вотъ образчикъ вопросовъ: какъ прикрѣплена пуговица къ картону? марка новая или уже бывшая въ употребленіи? по портрету предлагалось такихъ вопросовъ 9, а именно: какова форма портрета? его цвѣтъ? что онъ изображаетъ? видѣнъ ли господинъ во весь ростъ? до какой части тѣла онъ видѣнъ? что онъ дѣлаетъ? что дѣлаетъ его правая рука? какого цвѣта его пиджакъ? какого цвѣта его жилетка? (р. 257) Ошибочныхъ отвѣтовъ оказалось довольно много одинъ ученикъ сдѣлалъ пять, 9 не свыше 10, остальные до 14 ошибокъ каждый (р. 286). Ошибки оказались весьма разнообразны; такъ напримѣръ 7 испытуемыхъ сочли портретъ круглымъ, 2 опредѣлили цвѣтъ его бѣлымъ, 2 каштановымъ, одинъ синимъ, ошибались и въ цвѣтѣ жилета принимая его за черный. Особенно грубыя ошибки даны были нѣкоторыми по поводу гравюры, одинъ счелъ ее за общество изъ 40 сидящихъ лицъ съ которыхъ снимаютъ фотографію, другой увидѣлъ въ ней погребеніе Феликса Фора, замѣтилъ на ней и президента Лубэ (р 281). Въ виду своихъ спеціальныхъ цѣлей и малой изученности такихъ ошибокъ Бинэ отказывается отъ ихъ классификаціи и ограничивается дѣленіемъ на ошибки логическія или рутинныя, какъ онъ ихъ называетъ, и на ошибки воображенія, причисляя къ первымъ такія, испытуемый напримѣръ утверждаетъ, что пуговица, пришита, а не приклеена къ картону, опредѣливъ сюжетъ портрета, какъ зѣвающаго человѣка, онъ поднимаетъ руку у господина и прикрываетъ ей его ротъ и т. д. Зато подробности опытовъ позволяютъ ему выставить такія весьма интересныя для судьи положенія: во первыхъ изъ того, что ребенокъ описываетъ что-либо очень ясно и точно еще далеко не слѣдуетъ что онъ описываетъ вѣрно, и дѣйствительно ребенокъ, видѣвшій новую марку, подробно описываетъ почтовый на ней штемпель указываетъ на ней мѣсто, буквы его и все это рисуетъ (р. 283); во вторыхъ люди обладаютъ свойствомъ, воспринимая совершенно точно какую нибудь сторону предмета, напримѣръ сюжетъ гравюры, воспринимать въ то же время совершенно невѣрно ея напримѣръ цвѣтъ (р. 285). Отсюда практическій выводъ не вѣрить еще свидѣтелю во всѣхъ подробностяхъ его показанія о предметѣ, если часть его описанія удалось намъ провѣрить и найти безусловно правильной. Замѣчанія эти Бинэ

высказываетъ только попутно, подчеркивая, что вопросъ о показаніяхъ свидѣтелей настолько новъ, что здѣсь могутъ имѣть мѣсто самые неожиданные выводы, и высказывая увѣренность, что когда нибудь да создастся же практическая наука о свидѣтельскихъ показаніяхъ (p. 285 note) и переходитъ затѣмъ къ дальнѣйшему развитію своего опыта. Повторивъ его на 12 ученикахъ другого училища въ измѣненномъ видѣ, именно потребовавъ отъ испытуемыхъ письменныхъ показаній, состоящихъ не въ отвѣтахъ на предложенный вопросъ, а въ свободномъ изложеніи всего, что они видѣли Бинэ, получилъ весьма поучительные результаты, максимумъ ошибокъ оказался всего 4 т. е. менѣе минимума въ испытаніи по вопросамъ и нашлось два показанія безошибочныхъ. „Если хотите, говоритъ по этому поводу Бинэ, получить отъ ребенка максимумъ истины не ставьте ему никакихъ вопросовъ, избѣгайте даже такихъ, которые свободны отъ всякаго внушенія, а прикажите ему написать все, что онъ помнитъ и оставьте его съ глазу на глазъ съ бумагой (p. 294). Причину такой разницы, какъ видно уже изъ этого совѣта, Бинэ усматриваетъ въ томъ что предлагая вопросы, мы напрягаемъ память испытуемаго, вліяемъ этимъ на него и темный остатокъ воспоминанія онъ развиваетъ или путемъ логическаго развитія или воображенія, такъ какъ „ребенокъ даже въ возрастѣ 12 лѣтъ еще не способенъ схватывать разницу между тѣмъ, что онъ видѣлъ, наблюдалъ и между логическимъ разсужденіемъ или выдумкой“ (p. 295), но если уже самымъ фактомъ предлагания вопросовъ мы невольно внушаемъ ошибки ребенку, то тѣмъ болѣе становится интереснымъ провѣрить это наблюденіе, если мы вопросы эти умышленно облечемъ въ такую форму, что она особенно легко заставитъ испытуемаго дѣлать ошибки и притомъ въ желательномъ для насъ направленіи. Устраняя воздѣйствіе тона голоса, какъ слишкомъ трудно запечатлѣваемое, Бинэ прибѣгъ къ различной формѣ въ выраженіи вопросовъ и составилъ три вопросника по поводу показаннаго картона. Беремъ изъ этихъ вопросниковъ вопросы для портрета. Въ первомъ вопросникѣ (p. 197) мы находимъ: видны ли ноги господина, изображеннаго на портретѣ или нѣтъ? въ шляпѣ онъ или нѣтъ? есть у него какой нибудь предметъ въ правой рукѣ или нѣтъ? во второмъ (p. 298): не положилъ ли одну ногу на другую господинъ, изображенный на портретѣ?

не надѣта ли у него на голову шляпа? нарисуйте ее; нѣтъ ли у него какого нибудь предмета въ правой рукѣ? и въ третьемъ вопросникѣ (р. 299): правую ногу на лѣвую или лѣвую на правую заложилъ господинъ на портретѣ? нарисуйте, какой формы у него на головѣ шляпа? что онъ держитъ въ правой рукѣ? Первый вопросникъ ничего не предрѣшаетъ, здѣсь дѣло идетъ только о напряженіи памяти: необходимо припомнить извѣстную подробность о предметѣ и только. Второй предназначенъ для полувнушенія, для внушенія очень умѣреннаго, спрашивая, не въ шляпѣ ли господинъ, мы положительно этого не утверждаемъ, но считаемъ это повидимому вполнѣ вѣроятнымъ. При третьемъ мы встрѣчаемся уже съ сильнымъ внушеніемъ. Спрашивающій категорически утверждаетъ существованіе извѣстной подробности и требуетъ еще большихъ, шляпа уже признана, надо только опредѣлить ея форму. Результаты опыта на 27 ученикахъ народной школы превзошли ожиданія: 5 человѣкъ, допрошенные по первому вопроснику дали въ среднемъ 2,9 ошибочныхъ и 8,1 вѣрныхъ отвѣтовъ; 11 человѣкъ по второму въ среднемъ ошибочныхъ 4,9 и 8,09 вѣрныхъ, а 11 по третьему 7,9 и 5,09. Внутренняя связь этихъ результатовъ съ формою вопросовъ станетъ еще нагляднѣе, если мы обратимся къ другой табличкѣ Бинэ, передающей эти результаты, какъ подсчетъ синтактическаго выраженія отвѣтовъ: на вопросникъ второй дано 54 утвержденія а на третій 87; отрицаній при второмъ 70, при третьемъ всего только два; признаній незнанія явныхъ или молчаливыхъ въ формѣ пропуска отвѣтовъ, понятно, уже при третьемъ гораздо больше—54, а при второмъ 9. Получивъ такіе поразительные выводы на дѣтяхъ, Бинэ повторилъ свой опытъ на 12 лучшихъ ученикахъ Версальской école normale des instituteurs въ возрастѣ отъ 16 до 19 лѣтъ. Оказалось, что и они поддались вопроснику. Такъ 4 ученика, отвѣчавшіе по вопроснику № 3, сдѣлали 7, 2, 4, 3 ошибки. Любопытно, что и здѣсь испытуемые обнаруживали большую осторожность въ отрицаніи вопросовъ, прибавляя: не помню, кажется и т. д. Къ сожалѣнію, Бинэ даетъ свѣдѣнія только о четырехъ ученикахъ, получившихъ третій вопросникъ.

Прежде чѣмъ излагать въ аудиторіи о только что переданномъ опытѣ Бинэ, было предложено шести студентамъ 4-го курса, уже знакомымъ съ опытами Штерна, но объ опы-

тахъ Бинэ, не знавшимъ, подвергнуться испытанію. Испытаніе это нѣсколько разнилось отъ опыта Бинэ прежде всего за отсутствіемъ соотвѣствующихъ предметовъ. Мы воспользовались двумя объектами. Послѣдовательно каждому студенту давалось смотрѣть по полминуты сначала на портретъ затѣмъ на гравюру, оба эти объекта точно воспроизведены въ книгѣ Бинэ (копія портрета прилагается въ концѣ этой части „Трудовъ". Увеличеніе времени воспріятія должно было, какъ мы видѣли изъ опытовъ по методу Штерна ослабить успѣшность опыта однако результатъ оказался таковъ: двое, получившіе первый вопросникъ, дали такіе отвѣты: по вопросу о положеніи ногъ 1-вый: видны, 2-ой: нѣтъ, оба получившіе вопросъ во второй формѣ признали, что господинъ положилъ одну ногу на другую, а получившіе третій вопросникъ одинъ безусловно, а другой съ оговоркой, кажется, что онъ положилъ именно лѣвую на правую. Шляпы на головѣ никто не призналъ, но оба, получившіе третій вопросникъ, оговорились при этомъ: кажется, насколько мнѣ помнится; на вопросъ о предметѣ въ правой рукѣ, получившіе первый вопросникъ отвѣтили одинъ: нѣтъ, другой: не обратилъ вниманія; оба, получившіе второй вопросникъ, признали, что предметъ былъ, но не знали, какой именно; при третьемъ вопросникѣ, одинъ предмета не замѣтилъ, другой не разсмотрѣлъ, но думаетъ, что было что то въ родѣ яблока, т. е. изъ шести отвѣтовъ при первомъ вопросникѣ одинъ отвѣтъ невѣрный и одна оговорка, при второмъ 4 невѣрныхъ, при третьемъ три невѣрныхъ и три оговорки, т. е. ни одного безусловно отрицательнаго. Опытъ съ портретомъ, при чемъ онъ показывался не изъ книги Бинэ, а въ видѣ фотографическихъ карточекъ съ него снятыхъ, точно передающихъ его размѣръ, намъ удалось повторить благодаря любезному согласію испытуемыхъ на 18 учащихся одного женскаго учебнаго заведенія, окончившихъ уже 7 или 8 классовъ гимназіи. Опытъ былъ еще болѣе осложненъ, такъ какъ портретъ показывался только одинъ и на него разрѣшалось смотрѣть цѣлую минуту, изъ 18—5 получили первый вопросникъ, 6 второй и 7 третій. Шляпа была отвергнута всѣми за исключеніемъ одной, отвѣтившей по третьему вопроснику: не помню, слѣдовательно формы, предметъ въ рукѣ отвергнутъ двумя первой категоріи, 4-мя второй и 3-мя третьей, признанъ одной первой, одной второй, одной третьей,

но изъ этой третьей одна обошла вопросъ молчаніемъ, другая отвѣтила не знаю. Замѣчательны отвѣты на вопросъ о положеніи ногъ: при первомъ вопросникѣ всѣ пять утверждаютъ, что ногъ субъекта не видно, по второму одна категорически подтверждаетъ, что онъ положилъ ногу на ногу, три отрицаютъ, не оговаривая того, видны ли ноги вообще или нѣтъ и только двѣ отвѣчаютъ одна, что опредѣлить нельзя, такъ какъ ногъ его не видно, а другая, не замѣтно, изъ 7 же послѣдней категоріи наоборотъ всего одна утверждаетъ, что ногъ не видно, одна обошла вопросъ молчаніемъ — явленіе хорошо извѣстное намъ изъ опытовъ Бинэ,—три испытуемыя признали, что положена правая нога на лѣвую, одна, что лѣвая на правую и одна, что хоти ноги и видны, но онѣ не заложены одна на другую. Сравнивая эти наши данныя съ данными Бинэ, нельзя не убѣдиться, что всѣ они чрезвычайно совпадаютъ съ послѣдними: форма вопросовъ вліяетъ самымъ рѣзкимъ образомъ на отвѣты. Любопытно вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить, что и у насъ оказались особенно дѣйствующими тѣ же вопросы, что и у Бинэ. И у насъ и у него вопросъ о шляпѣ почти не дѣйствовалъ: не смотря на форму вопроса субъектъ оставался съ обнаженной головой, вопросъ о предметѣ въ рукѣ соблазняетъ уже большихъ, но зато часто независимо отъ его формы, отъ внушенія же при вопросѣ о положеніи ногъ очень рѣдкіе могутъ освободиться. Объясняется это несомнѣнно моментомъ воспріятія. Наши ошибки при отвѣтахъ на вопросы зависятъ, какъ мы сейчасъ видѣли, отъ того что вопросъ заставляетъ насъ сосредоточиться на воспоминаніи извѣстнаго воспріятія, и чѣмъ оно менѣе ясно, тѣмъ легче мы подпадаемъ подъ вліяніемъ формы вопроса въ зависимости отъ обычныхъ ассоціацій и воображенія. Самое сильное внушеніе не дѣйствуетъ при вопросѣ о шляпѣ, потому что при воспріятіи портрета мы естественно прежде всего обращаемъ вниманіе на лицо—тутъ фокусъ нашего вниманія—не замѣтить поэтому въ шляпѣ человѣкъ или нѣтъ, очень трудно. Полученное впечатлѣніе такъ сильно, что оно побѣждаетъ коварный вопросъ; что это не только предположеніе, а фактъ,—это доказываетъ опыты Бинэ и наши ихъ повторенія. Мы уже говорили, что первоначально Бинэ ставилъ просто опыты на напряженіе памяти (mémoire forcée). Эти вопросы, по крайней мѣрѣ значительную часть ихъ, мы предла-

гали всѣмъ нашимъ испытуемымъ въ дополненіе къ тремъ вопросникамъ. Сводя ошибки, Бинэ замѣчаетъ: „въ дѣйствительности портретъ представляетъ человѣка, который открылъ ротъ. Очень немногіе изъ дѣтей ограничились описаніемъ того, что видѣли, они уступили потребности въ объясненіи: вмѣсто того, чтобы просто сказать человѣкъ открываетъ ротъ, говорятъ: что онъ зѣваетъ, кричитъ, дѣлаетъ гримасу, смѣется, высовываетъ языкъ, поетъ и т. д. это новый примѣръ того, какъ трудно ребенку различать чувственныя наблюденія отъ заключенія, выведеннаго изъ этого наблюденія“ (p. 276). Эти замѣчанія Бинэ едва ли вѣрны и въ двухъ отношеніяхъ во первыхъ логически рѣшительно всякая передача нами чувственнаго воспріятія всегда является уже результатомъ силлогизма. Когда мы говоримъ, что человѣкъ открылъ ротъ, мы даемъ заключенія изъ общихъ посылокъ понятія человѣка, рта, открыть и т. д. такъ что между заключеніями человѣкъ открылъ ротъ или человѣкъ зѣваетъ есть только количественная, а не качественная логическая разница. Это значеніе общихъ посылокъ, необходимость знанія ихъ передающимъ и необходимость провѣрки этого знанія судьею превосходно выяснено въ юридической литературѣ профессоромъ Штейномъ [1]), во вторыхъ не только дѣти, но вѣроятно и всякій наблюдатель займется этой интерпретаціей. Когда передъ нами портретъ, мы наибольшее вниманіе обращаемъ на лицо, а лицо нашего субъекта настолько необычно, что невольно заинтересовываетъ смотрящаго. Пониманіе того, что изображено, чрезвычайно облегчаетъ наше воспоминаніе о видѣнномъ, хотя, какъ мы уже говорили выше, и ведетъ насъ подчасъ отчасти къ ошибкамъ въ воспріятіи, отчасти къ ложнымъ воспоминаніямъ по обычной ассоціаціи. Мы имѣли дѣло не съ дѣтьми, а съ лицами не моложе 17 лѣтъ, (17—23). со студентами не моложе 22 (22—26) и всетаки мы здѣсь получаемъ такіе отвѣты, которые вполнѣ совпадаютъ или аналогичны съ приведенными у Бинэ отвѣтами дѣтей; вотъ напримѣръ: раздраженный человѣкъ, лицо котораго сжимается отъ конвульсій, сильное душевное движеніе или ужасъ или удивленіе, всталъ недавна со сна и находится подъ вліяніемъ просонокъ, брезгливая гримаса должно быть вкусилъ что ни-

[1]) F. Stein. Das private Wissen des Richters L. 1893.

будь непріятное? зѣваетъ, выражаетъ боль, не то ужасъ не то сожалѣніе, зоветъ, говоритъ .. Естественно такимъ образомъ что обративъ особенное вниманіе на голову, испытуемые твердо помнили, что шляпы на субъектѣ не было. Другое объясненіе приходится дать относительно предмета въ рукѣ. Какъ гравюра Бине, такъ и сдѣланные съ нея снимки не достаточно отчетливы, между тѣмъ сжатая рука допускаетъ свободно два предположенія для наблюдающаго или она сжата въ кулакъ или же она что нибудь держитъ, поэтому здѣсь часто при отвѣтѣ на вопросникъ сильнаго внушенія, что-то было не знаю что, нельзя еще усматривать вліяніе формы вопроса, достаточно сравнить отвѣтъ на первый вопросникъ; „по неясности рисунка нельзя было опредѣлить, повидимому что то есть, потому что пальцы приняли такую форму, что какъ будто держатъ предметъ, какой при всемъ желаніи разсмотрѣть не могла, хотя и старалась“.

IV.

Излагая слушателямъ объ результатахъ опытовъ Штерна и Бине, намъ хотѣлось дать имъ возможность воочію убѣдиться въ ошибочности и разнорѣчивости показаній свидѣтелей, нисколько не зависящихъ отъ того, что свидѣтель пристрастенъ къ той или другой сторонѣ. Для этого мало было изложить имъ сводку отвѣтовъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые охотно давали ихъ намъ письменно. Нужно было, чтобы эти свидѣтели не отказались дать показаній передъ аудиторіей; свидѣтели любезно на это согласились, а тогда невольно являлось желаніе просмотрѣть на искусственномъ опытѣ, насколько, слушая подобныя свидѣтельскія показанія, можно будетъ придти къ правильному заключенію относительно истиннаго содержанія картины, т. е. устроить судъ. Сначала это было произведено по отношенію къ картинѣ „Художникъ“. Судьямъ было предложено разрѣшить, на основаніи устныхъ показаній свидѣтелей о этой картинѣ—10 вопросовъ. Свидѣтелей допрашивали судьи и экспериментаторъ. При разногласіи показаній, даваемыхъ изустно, оглашались письменныя показанія свидѣтеля. Письменныя показанія нѣсколькихъ неявившихся свидѣтелей также были оглашены. Изъ 4 судей трое были организованы въ коллегію, и одинъ оцѣнивалъ доказательства еди-

нолично. Результаты опыта: изъ 10 вопросовъ только на три вопроса (о томъ, что за экипажъ изображенъ на картинкѣ, гдѣ помѣщается въ немъ молодая женщина и въ какомъ положеніи отъ лошади и экипажа находится художникъ)—послѣдовалъ правильный отвѣтъ обоихъ судовъ. Сверхъ того, еще на вопросъ о вещахъ, находящихся въ экипажѣ около молодой женщины, правильный отвѣтъ полученъ отъ коллегіи, и о томъ, кто правитъ лошадью, отъ единоличнаго судьи („лошадью никто не правитъ"). Слѣдовательно, и единоличный судья, и коллегія дали одинаковое число ошибочныхъ отвѣтовъ на 6 изъ 10 вопросовъ. Содержаніе ошибокъ: на вопросъ о предметахъ, находящихся около молодой женщины, единоличный судья призналъ: „около женщины находится клѣтка съ птицей",—послѣдовательно на вопросъ о томъ, гдѣ находится птица, онъ отвѣтилъ: „птица находится въ клѣткѣ". Тотъ же судья призналъ наличность за шкафомъ „чемодановъ",—при этомъ любопытно, что чемоданы явились впервые въ устныхъ показаніяхъ одного изъ свидѣтелей. Новая иллюстрація значенія восполненія образа по обычной ассоціаціи идей! Коллегія на вопросъ о томъ, какіе предметы помѣщаются въ задней части экипажа, отвѣтила: хозяйственныя принадлежности и принадлежности художественной мастерской. На вопросъ о томъ, кто правитъ лошадью, она пришла къ выводу „лошадь ведетъ художникъ", и о томъ, какіе предметы художникъ несетъ въ правой рукѣ и въ лѣвой: ящикъ съ красками и поводъ. На вопросъ о томъ, что за подпись имѣется на картинѣ, оба суда ошибочно признали наличность подписи художника, при чемъ единоличный опредѣленно—сверхъ обозначенія мѣсяца и года. Кромѣ того, ошибки расположенія: оба суда переставили предметы, находящіеся въ рукахъ у художницы, помѣстивъ въ правую—лампу и въ лѣвую—статую. Палитра помѣщена единоличнымъ судьей подъ мышку правой руки художника, при-чемъ ему въ руки дана „большая палка"; съ своей стороны, коллегія на палку прицѣпила чучело птицы.

При производствѣ этого опыта немедленно обнаружилось, что участіе въ допросѣ свидѣтелей самого экспериментатора къ сожалѣнію въ извѣстной степени парализуетъ успѣхъ опыта. Желаніе экспериментатора показать слушателямъ во всей полнотѣ и всякаго рода ошибки свидѣтельскихъ показаній искусственно затрудняетъ работу судей, ставя здѣсь разыска-

ніе истины въ условія, превышающія обычныя трудности. Съ другой стороны оказывалось почти невозможнымъ скрыть свое знаніе ошибочности или правильности свидѣтельскаго показанія (интонаціей или выраженіемъ лица), а это вело къ тому, что судья обращали вниманіе и на отношенія экспериментатора къ получаемому отвѣту.

Недостатки предыдущаго опыта мы попытались устранить или по крайней мѣрѣ чрезвычайно ослабить въ слѣдующій разъ тѣмъ, что роль экспериментаторовъ была сведена исключительно къ обязанностямъ секретаря и судебнаго пристава съ устраненіемъ ихъ отъ вмѣшательства въ ходъ допроса свидѣтелей. Такое устраненіе стало возможнымъ путемъ искусственнаго созданія сторонъ, это оказалось возможнымъ благодаря нѣкоторой особенности предлагаемой вашему вниманію картинки [1]). Вѣроятно почти всѣ, смотрящіе на нее въ настоящее время, не догадываются о ея названіи: мирная семейная сцена, піанино невольно подсказываютъ названіе комнаты гостинная, между тѣмъ подпись гласитъ „въ мастерской“ Dans l'atelier и, приглядываясь, вы замѣчаете что обстановка комнаты далеко не обычна для гостинной, напримѣръ обиліе картинъ, ихъ сюжеты, размѣщеніе ихъ по стѣнѣ, картина на шкапу, самъ шкапъ и т. п. Такъ какъ подпись справа была залѣплена, а на картинѣ дающей только небольшой кусокъ комнаты изображеній какихъ либо рабочихъ принадлежностей нѣтъ, то большинство испытуемыхъ опредѣлили комнату, какъ гостинную, нѣкоторые писали салонъ, налѣво имѣется подпись Salon 1901, т. е. что это копія съ картины выставленной въ салонѣ 1901 г. [2]). Любопытно, что на судѣ всѣ свидѣтели заявили, что они никакой подписи на картинѣ не замѣтили между тѣмъ эта часть подписи заклеена не была). Другіе ограничились словомъ комната, а мастерской въ комнатѣ никто не заподозрѣлъ. Другое противоположеніе изъ интерпретаціи испытуемыми того, кѣмъ приходится дама дѣвочкамъ, одни видѣли въ ней мать, другіе гувернантку. Намъ и пришла мысль, подобравъ по возможности всѣ противорѣчи-

[1]) Чтеніе сопровождалось показываніемъ черезъ волшебный фонарь картинокъ.

[2]) Rixens. Dans l'atelier, показывалась испытуемымъ копія на открытомъ письмѣ, прилагаемая ниже въ концѣ книги.

выя мѣста показаній. распредѣлить ихъ на двѣ половины, группируя по признакамъ гостинная, мастерская (художника). мать, гувернантка. Такое противоположеніе давало надежду, что лица, защищающія его, должны будутъ выяснить съ одной стороны всю обстановку, такъ какъ каждый лишній предметъ можетъ быть весьма цѣннымъ въ дѣлѣ опредѣленія характера комнаты, съ другой стороны и позы, выраженія лицъ и одежды всѣхъ присутствующихъ, т. е. исчерпаютъ все возможное содержаніе свидѣтельскихъ показаній. Предварительный матеріалъ состоялъ изъ показаній 12-ти свидѣтелей. Картинка показывалась 8 свидѣтелямъ по 1 минутѣ каждому, одному пять минутъ, тремъ сразу вмѣстѣ пять минутъ, при этомъ каждый изъ нихъ держалъ ее въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ одну минуту. Этимъ тремъ послѣ разсмотрѣнія картины предоставлено было до ея описанія въ теченіе пяти минутъ поговорить другъ съ другомъ о картинѣ, остальные писали свое первое показаніе немедленно послѣ разсмотрѣнія картины. Четверо сдѣлали это 24 января, четверо—27-го и четверо 31-го; давшіе въ первый день показанія повторили ихъ еще два раза, давшіе 27-го еще одинъ разъ. Послѣ дачи перваго письменнаго показанія испытуемымъ разрѣшалось говорить или со всѣми или съ кѣмъ нибудь однимъ изъ товарищей о картинѣ. Кромѣ описанія картинки безъ вопросовъ имъ всѣмъ было предложено. 8-ми немедленно послѣ даннаго показанія, остальнымъ же 4-мъ только на третій день дать отвѣты на нѣсколько (12) вопросовъ по поводу видѣннаго. Такимъ образомъ матеріалъ для суда весьма походилъ на тотъ, который обыкновенно бываетъ у послѣдняго въ дѣйствительности. Повтореніе показаній, какъ мы видѣли уже, говоря объ опытахъ Штерна, не ухудшаетъ само по себѣ показаній а даже улучшаетъ, да и въ дѣйствительности въ уголовномъ, напримѣръ, процессѣ оно почти норма, допросъ на дознаніи, у слѣдователя и не рѣдко повторный. Вліяніе вопросовъ, хотя они и предлагались по системѣ Бине, оказалось во первыхъ не слишкомъ велико, мы увидимъ сейчасъ почему, во вторыхъ вполнѣ мыслимымъ и въ дѣйствительности. Большинство вопросовъ было такого рода, что содержаніе ихъ заимствовалось изъ описаній, данныхъ первыми четырьмя свидѣтелями, напримѣръ одинъ изъ свидѣтелей принялъ столъ, стоящій за дамой за этажерку, естественно, что слѣдователь спроситъ

другого свидѣтеля: не было ли въ комнатѣ этажерки? если одинъ изъ свидѣтелей на томъ же столѣ, а также на столикѣ въ родѣ вазы усмотрѣлъ ноты, то легко ждать вопроса: на какихъ предметахъ лежали ноты? Такъ какъ особенно первыми показаніями опущены были детали, говорящія противъ гостинной, то объ этихъ деталяхъ вопросы были предложены въ формѣ сильныхъ внушеній. Внушеніе это однако здѣсь подѣйствовало, какъ и можно было думать, очень мало: испытуемые, зная уже суть опытовъ Бинэ, обнаруживали въ большинствѣ случаевъ довольно рѣзкое противодѣйствіе вопросамъ облекаемымъ въ эту форму, особенно, если общее впечатлѣніе картины внушало къ нимъ подозрѣніе, такъ вопросъ: обратили ли вы вниманіе, что всѣ четыре кресла въ комнатѣ совершенно разнаго фасона? вызывалъ замѣчанія почему не три? въ комнатѣ не одни кресла, а и стулья, всѣ одинаковы, и этотъ вопросъ самъ по себѣ вѣрный вмѣстѣ съ такимъ же вѣрнымъ вопросомъ, гдѣ висѣли картины, изображающія одна обнаженную женщину, другая обнаженнаго мужчину, указывался свидѣтелями какъ каціозный, а вопросъ о картинѣ на шкапѣ вызвалъ даже отвѣтъ одного изъ испытуемыхъ: нѣтъ не висѣла, ибо шкапа въ комнатѣ не было; и, если всетаки нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, даже большинство, проникли въ процессъ въ качествѣ утверждаемыхъ свидѣтелями, то этимъ они обязаны не искусственному внушенію, а нѣкоторымъ, преимущественно изъ пятиминутныхъ, свидѣтелямъ, которые и безъ вопроса занесли ихъ въ свои первичныя показанія. Двое студентовъ любезно взялись сыграть роли сторонъ. Такъ какъ цѣль наша была убѣдиться, возможно ли будетъ судьямъ достигнуть истины, то намъ важно было поэтому устранить всякія усложняющія вліянія, почему сторонамъ и было предоставлено не смотрѣть на заготовленныя нами программы ихъ утвержденій, какъ на нѣчто для нихъ обязательное, а напротивъ защищать изъ нихъ только то, въ истинѣ чего онѣ сами убѣждены. Обѣ стороны широко воспользовались этимъ. Одна немедленно по ознакомленіи съ письменнымъ матеріаломъ (картинка имъ, конечно, не показывалась), другая во время засѣданій. Вотъ эти программы для сторонъ, мы приводимъ ихъ, чтобы не утомлять слушающихъ вновь перечисленіемъ ошибокъ. Обращаемъ вниманіе, что намъ принадлежатъ здѣсь только отдѣльныя связующія слова и предположеніе, что это

мастерская художника. Всѣ факты и эпитеты при предметахъ взяты нами изъ свидѣтельскихъ показаній [1]).

I. Картинка представляетъ гостинную, роскошно обставленную. Въ ней на полу мѣховой коверъ, 4(?) кресла *одинаковаго* фасона; изящный металлическій столикъ на трехъ ножкахъ въ родѣ вазы; позади одного изъ креселъ *дивана* и столъ. На этомъ столѣ, также какъ и на металлическомъ столикѣ, ноты, а также книги. На лѣвой [2]) сторонѣ ширмы, за ними видна *дверь*, справа позади стола каминъ со статуеткою на немъ. На задней стѣнѣ шесть картинъ (голова дѣвушки, сидящая женщина во весь ростъ, дѣвушка вяжетъ, три неясны— *обнаженной человѣческой фигуры нѣтъ, мужчины безусловно.* У стѣны на коврѣ (коверъ подъ піанино) піанино съ не зажженными свѣчами, передъ нимъ табуретка. *Шкапа* въ комнатѣ *не было.*

Въ гостинной были:

1) *взрослая* дѣвушка, одѣтая въ свѣтлое. длинное платье съ распущенными волосами. Она, сидя на табуреткѣ, играетъ на піанино.

2) *Справа* отъ нея дѣвочка въ короткомъ бѣломъ платьѣ сидитъ около піанино въ креслѣ, *подперевъ* свою щечку рукою, *волосъ ея не видно*, такъ какъ она сидитъ лицемъ къ зрителямъ.

3) *Слѣва* также въ креслѣ сидитъ дѣвочка подростокъ она одѣта въ короткое платье съ *обнаженными* руками, волосы распущены.

4) Въ креслѣ почти у самого піанино, но передъ нимъ правѣе сидитъ дама среднихъ лѣтъ, судя по непринужденной позѣ (протянула ноги на коверъ, положивъ одна на другую, *закинула руки за голову*, откинувшись на спину кресла)— мать. Одѣта она въ темное, волосы собраны въ прическу.

II. Хотя часть свидѣтелей и говоритъ, что картинка представляетъ гостинную, но на дѣлѣ это скорѣе мастерская художника: 1) въ ней висятъ повсюду и на стѣнахъ, и на шкапу, картины и портреты ихъ *множество*, въ томъ числѣ мало подходящія къ семейной гостинной изображенія обнаженныхъ мужчины и женщины; 2) обстановка крайне смѣшанная,

---

[1]) Курсивомъ переданы ошибки.

[2]) Лѣвая, правая—отъ смотрящаго.

не гостинная, именно въ комнатѣ находятся: коверъ, на немъ медвѣжья шкура, піанино, всѣ кресла разныхъ фасоновъ, *стулья*, два шкапа, ширмы, изящный треножникъ, *сундукъ*, что то въ родѣ вазы, *этажерка*, *повсюду въ безпорядкѣ* бумаги, ноты, газеты. Въ комнатѣ находятся дама, волосы ея *острижены*; вѣроятно, это гувернантка, такъ какъ она одѣта *крайне* скромно, тогда какъ дѣвочки *очень хорошо и богато*. Она сидитъ передъ піанино справа въ креслѣ, положивъ нога на ногу, чтобы удобнѣе *держать на колѣняхъ миленькую дѣвочку*, которая руками оперлась на край піанино и смотритъ, какъ бѣгаютъ пальцы играющей. Гувернантка погружена въ свои мысли и не обращаетъ вниманія на дѣвочекъ *въ ея рукахъ открытая книга*. Изъ дѣвочекъ одна лѣтъ 12—14 въ изящномъ бѣломъ *коротенькомъ* еще платьѣ съ распущенными волосами играетъ на піанино. Слѣва отъ нея сидитъ, опершись щечку на свою руку, дѣвочка поменьше, одѣта также въ бѣлое, внимательно слушаетъ игру старшей. И у нея, какъ и обѣихъ предыдущихъ, волосы распущены. *На полу ползаетъ еще ребенокъ*.

Первая программа была въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и довольно существенно измѣнена стороною, такъ всѣ кресла были признаны разнаго фасона, дѣвочка справа перемѣщена на лѣвую сторону, лѣта играющей уменьшены, признана наличность шкапа и *этажерки*.

Засѣданіе суда происходило 25 февраля, судовъ было 8,5 единоличныхъ и 3 коллегіальныхъ. Изъ послѣднихъ одинъ состоялъ не изъ трехъ судей, а только изъ двухъ, такъ какъ одному изъ судей нельзя было провести все засѣданіе, одинъ изъ единоличныхъ судей предсѣдательствовалъ. Прежде всего необходимо указать, что и судъ и свидѣтели и стороны отнеслись чрезвычайно серьезно и внимательно къ взятымъ на себя обязанностямъ, чему очень способствовалъ все возраставшій во время засѣданія интересъ взаимно противорѣчивыхъ показаній, заставлявшихъ не только судей, но и уже допрошенныхъ свидѣтелей съ неослабнымъ вниманіемъ и подчасъ удивленіемъ слушать показанія, оставаясь въ залѣ до самаго конца засѣданій. О внимательности разбора говоритъ то, что разборъ продолжался съ 11 часовъ 20 м. до 2 ч. 30 м. и съ 8 ч. 15 м. до 11 ч. 30. м. т. е. болѣе шести часовъ, при чемъ на пренія ушло 20 м. а на рѣшеніе полчаса, между тѣмъ

допрошено было всего 8 свидѣтелей, такъ какъ двое не явились, а двое приглашены были нами занять мѣста единоличных судей.

Такъ какъ намъ хотѣлось облегчить всѣми мѣрами выяснение истины, то для облегченія судей, которые предварительно не были ознакомлены съ письменными показаніями свидѣтелей, такъ что они оказывались на положеніи присяжных засѣдателей, а обвинительнаго акта не имѣлось, примѣнительно къ англійскимъ порядкамъ каждая изъ сторонъ прочла программу того, что она предполагаетъ доказывать. Сверхъ того съ самаго начала судьямъ переданы были вопросные листы, составленные такимъ образомъ, что въ нихъ былъ помѣщенъ перечень всѣхъ предметовъ, какіе только были усмотрѣны свидѣтелями, напримѣръ, 9) шкафы: первый, картина на немъ, второй или 3) кресла (сколько) четыре, 3,2 одинаковаго или разнаго фасона, всѣ сколько два три. Судьи при рѣшеніи должны были зачеркнуть все то, что они не признаютъ за предметы, стоявшіе въ комнатѣ. Также были формулированы вопросы о лицахъ, находившихся въ комнатѣ, напримѣръ: 1) играющая на піанино, ея платье, длинное, короткое, полудлинное, богатое, изящное, свѣтлое, темное, поза ея, волосы, распущены, прическа, возрастъ ея, перечень предметовъ кончался вопросомъ, что это была за комната гостинная, мастерская художника или что другое. Вопросы о лицахъ кончались: мать или гувернантка женщина № 4. Наконецъ требовалось нарисовать планъ комнаты и размѣстить въ ней предметы и лицъ. Передача этого перечня вопросовъ слишкомъ рано оказалось не вполнѣ удачной, такъ какъ повела за собою значительное удлиненіе процесса, первымъ свидѣтелямъ судьи пытались предлагать вопросы чуть ли не по всѣмъ вопроснымъ пунктамъ...

Затѣмъ всякій свидѣтель при самомъ началѣ допроса (который производился общимъ судебнымъ порядкомъ, т. е. свидѣтели вводились по одиночкѣ, сначала разсказывали, что знали, затѣмъ подвергались перекрестному допросу сторонъ и наконецъ уже судей) чертилъ на доскѣ планъ комнаты съ лицами и предметами въ ней. Наконецъ предупреждалось, что слова правый и лѣвый считаются всегда отъ смотрящаго на картину. Передавать здѣсь подробности свидѣтельскихъ показаній нѣтъ возможности. Необходимо отмѣтить

только, во первыхъ увеличеніе общаго числа ошибокъ въ показаніяхъ, объясняющееся отчасти прошедшимъ временемъ, отчасти тѣмъ что теперь черезъ три, четыре недѣли послѣ воспріятія предлагался цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ. Вотъ нѣкоторыя новыя ошибки: ваза для визитныхъ карточекъ превратилась въ вазу съ визитными карточками, столъ оказался покрытымъ скатертью, перенесенной очевидно съ піанино, картины стали висѣть всѣ выше шкапа, на круглой этажеркѣ, т. е. на столикѣ вазъ оказалось двѣ полки, табуретка стала вертящейся, шкапъ или книжнымъ или со стеклянными дверцами, появились стѣны правая, лѣвая съ окнами или дверьми свѣтъ слѣва и т. п. Далѣе рядъ категоричныхъ отрицаній цѣлаго ряда предметовъ и шкаповъ и ширмъ и стола и т. д. Наконецъ, немыя воспоминанія появились о томъ что раньше указывалось точно, напримѣръ альтернативныя указанія, что дѣвочка была не то въ креслѣ, не то на колѣняхъ у матери. Наконецъ одинъ изъ слушателей передалъ, что въ комнатѣ слѣва у камина стояла вторая дама, одѣтая въ простое платье. Съ другой стороны нѣкоторые свидѣтели дали на вопросы, только теперь предложенные, нѣкоторыя мелкія и очень точныя подробности, напримѣръ описаніе платья дамы, какъ цѣльнаго безъ особой отдѣлки, описаніе ширмъ, оригинальности низенькаго столика за кресломъ матери и т. п. Судьи, какъ я уже говорилъ, принимали горячее участіе въ допросѣ свидѣтелей, и увлеченіе иногда доходило до того, что забывали, что дѣло идетъ о картинѣ комнаты, а не о самой комнатѣ

Перейдемъ теперь къ судейскимъ рѣшеніямъ. Разбирать ихъ отдѣльно каждое нѣтъ возможности отчасти по недостатку времени, отчасти матеріаловъ, такъ какъ судьи рѣшенія свои не мотивировали, за немногими случаями, когда тотъ или другой судья считалъ необходимымъ подчеркнуть, почему въ данномъ случаѣ онъ остановился на этомъ рѣшеніи напримѣръ: опредѣляя, что комната гостинная; зато они доставили позднѣе отвѣты на вопросъ о томъ, что заставляло ихъ признавать за достовѣрное то или другое показаніе. Ограничимся поэтому общими замѣчаніями о шести рѣшеніяхъ, о рѣшеніяхъ судей свидѣтелей скажемъ позже. Первое, что бросается въ глаза это то, что они гораздо болѣе взаимно совпадаютъ, чѣмъ свидѣтельскія показанія, второе то, что ими всѣми единогласно отринуты наиболѣе грубыя ошибки свидѣтелей—ни второй

дамы, ни ребенка на полу въ нихъ не признано,—третье, что ошибокъ въ нихъ въ среднемъ менѣе, чѣмъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Результатъ слѣдовательно положительный: рѣшенія лучше свидѣтельскихъ показаній. Всѣ указанныя достоинства приходится однако оговорить. Если рѣшенія взаимно совпадаютъ гораздо болѣе свидѣтельскихъ показаній, то всетаки другъ отъ друга они отличаются: изъ нихъ два являются чрезвычайно осторожными при признаніи наличности тѣхъ или иныхъ предметовъ въ комнатѣ. Эти два рѣшенія (планы ихъ первые слѣва) принадлежатъ оба единоличнымъ судьямъ. Второе изъ нихъ даетъ минимумъ предметовъ признанныхъ рѣшительно всѣми рѣшеніями—это и есть все то, въ чемъ всѣ рѣшенія сходны. Первое прибавляетъ еще одинъ предметъ не, опредѣляя его и указывая его мѣсто у правой стѣны, то есть по видимому признаетъ наличность этой стѣны, хотя на планѣ ея не чертитъ, замѣчу кстати, что, если судьи чертятъ повидимому всѣ четыре стѣны на своихъ планахъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они признали ихъ наличность. Этотъ предметъ не подъ однимъ впрочемъ названіемъ признанъ всѣми остальными рѣшеніями. Мы помѣщаемъ это рѣшеніе первымъ, какъ признавшее съ наибольшею требовательностію отдѣльныя подробности картины, несмотря на то, что здѣсь признано однимъ предметомъ болѣе, чѣмъ на второмъ, на томъ основаніи, что рѣшеніе особенно строго отнеслось ко всѣмъ подробностямъ позъ и одежды лицъ бывшихъ въ комнатѣ, найдя возможнымъ установить только очень и очень немного подробностей, и что, давая число мебели оно отказалось опредѣлить, какова она была т. е. стулья, кресла, табуретки и т. д. Довольно строго и одно изъ коллегіальныхъ рѣшеній, дающее такое же количество предметовъ, признавая при этомъ и предметъ за дамой, опредѣляя его какъ столъ большинствомъ двухъ, противъ одного, видящаго въ немъ конецъ кушетки. Остальныя три рѣшенія допускаютъ предметы значительно свободнѣе, при чемъ всѣ три правильно кресло у ширмы, а два неправильно этажерку. Изъ всѣхъ шести рѣшеній, только коллегіи двухъ удалось останавливаться почти на вѣрной границѣ и сдѣлать по этому наименѣе и опущеній и ошибокъ. Второю оговоркою будетъ, что если ошибокъ значительно здѣсь менѣе, чѣмъ въ показаніяхъ свидѣтелей, то всетаки ни одного рѣшенія, нѣтъ безошибочнаго,

это во первыхъ, а во вторыхъ въ рѣшеніяхъ имѣются не только существенныя опущенія предметовъ, но и признается наличность не существовавшихъ, то предметовъ, то подробностей. На опущеніяхъ въ отдѣльныхъ рѣшеніяхъ останавливаться особенно долго не приходится: здѣсь сыграло особенно въ одномъ изъ рѣшеній установленная во время опыта необходимость очень строго относиться къ устанавливаемому, предполагая, что признаніе того или другого предмета могло влечь за собою осужденіе преступника. Болѣе интересны опущенія общія всѣмъ рѣшеніямъ. Сюда принадлежатъ: во первыхъ наличность не болѣе шести картинъ, опущеніе, лежащее вполнѣ на свидѣтеляхъ: ни одинъ изъ двѣнадцати не воспринялъ нижней части самой верхней картины и всего одинъ, не дававшій къ сожалѣнію устныхъ показаній, что имѣлось и изображеніе обнаженнаго мужчины; во вторыхъ непризнаніе ни кѣмъ камина (шкапа) въ правомъ углу: только одно рѣшеніе ставитъ въ то мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ бы стоять, столъ. Одна изъ колегій помѣщаетъ туда этажерку, между тѣмъ одинъ изъ свидѣтелей категорически указалъ этотъ шкапъ на планѣ, а другой—припоминая на вопросъ, что тамъ стояло что-то съ выступомъ по серединѣ, почему лицо, помѣстившее въ уголъ своего плана этажерку, сочло возможнымъ помѣстить еще особый предметъ у правой стѣны, назвавъ его трюмо. Третье: осталось мало выясненнымъ, большая или не большая часть комнаты была видна на картинкѣ; большинство встало видимо за первое предположеніе, что естественно, такъ какъ большинство свидѣтелей указывало то правую, то лѣвую стѣну, а нѣкоторые обѣ боковыя и только два всего одну. Что касается собственно ошибокъ, то здѣсь прежде всего приходится отмѣтить превращеніе нѣкоторыхъ предметовъ въ другіе, такъ признана была кушетка, объясненіе легко и высказывалось оно неоднократно во время суда, когда свидѣтели описывали низкій предметъ за кресломъ дамы и, когда другіе разрушили точнымъ указаніемъ на существованіе ножекъ предположеніе, что это сундукъ; признано кресло дамы однимъ изъ судей качалкой, наконецъ два рѣшенія признали этажерку, признавали ее и обѣ стороны, объясняется это тѣмъ, что этажерка была истолкованіемъ стола или столика въ видѣ вазы, превратившимся потомъ въ реальный фактъ. Что касается лицъ, то положеніе дамы было дано почти всѣми вѣрное, всего одинъ

признала ея руки закинутыми за голову, какъ это доказывала одна изъ сторонъ, поза играющей, платье даны вѣрно почти всѣми, за то дѣвочки справа и слѣва, смогли быть охарактеризованы только свѣтлыми, короткими платьями, съ распущенными волосами. Сами позы были переданы большинствомъ невѣрно въ томъ числѣ и самыми осторожными рѣшеніями, дѣло въ томъ, что большинство свидѣтелей забыло разницу этихъ позъ и то къ одной то къ другой, примѣняло позу: подперла ручкою щеку. Большинство судей приняло, что это равносильно выраженію другихъ опералась на піянино, поэтому все это и относилось главнымъ образомъ къ дѣвочкѣ слѣва.

Уже послѣ опыта, при изложеніи результата его въ аудиторіи, мы просили судей, дать отвѣты на вышеупомянутые вопросы. Спрашивалось именно: не былъ ли уже имъ тотъ или другой свидѣтель извѣстенъ за достовѣрнаго или наоборотъ— вопросъ былъ необходимъ потому во 1 хъ, что судьи и свидѣтели могли хорошо другъ друга знать, а во вторыхъ при измѣненіи программы еще до суда стороною сказалось и недовѣріе къ свидѣтелю, полученное при первомъ опытѣ судебнаго разбора; всѣ судьи отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, но одинъ изъ нихъ указалъ, что лично его знакомство съ однимъ изъ свидѣтелей и убѣжденіе его въ томъ, что тотъ человѣкъ обстоятельный, заставляло его ему особенно вѣрить, дальнѣйшій вопросъ былъ о вліяніи характера показанія, предлагалось отвѣтить и подкрѣпить примѣрами (что было исполнено почти всѣми) вліяніе количественной детальности показанія, понимая подъ ней, что свидѣтель передаетъ сравнительно съ другими очень много фактовъ, затѣмъ качественной детальности—свидѣтель независимо отъ того много или мало знаетъ фактовъ тѣ, которые передаетъ, передаетъ съ подробностями, наконецъ о вліяніи увѣренности—тона свидѣтеля. Очень немногіе признали благопріятное вліяніе количественной детальности, развѣ лишь, когда она совпадаетъ съ другими указанными свойствами показанія, одинъ даже подчеркиваетъ неблагопріятное ея вліяніе: показанія свидѣтелей, говорившихъ о ребенкѣ на полу и второй дамѣ, и по другимъ вопросамъ заподазривались. Что касается качественной детальности, то всѣ, кромѣ одного, придавали ей большое значеніе и сопровождаютъ рядомъ указаній на рѣшающее ея значеніе при сомнѣніи и разногласіи показаній, такъ признаніе большинствомъ содержанія шести кар-

тинъ приписывается всецѣло одному показанію, одному же только изъ показаній приписываютъ нѣкоторые судьи признаніе ими за столъ предмета за кресломъ матери. Интересны отвѣты объ убѣжденности и особенностяхъ тона свидѣтеля въ тѣхъ случаяхъ, когда они ведутъ за собою отрицательное отношеніе къ свидѣтелю, такъ какъ при положительномъ воздѣйствіи на судью убѣжденности они часто сливаются отвѣчающими съ качественною детальностью. Такъ одинъ судья причисляетъ одного изъ свидѣтелей къ наиболѣе убѣжденнымъ, другой, находя его тонъ насмѣшливымъ, заподазриваетъ все его показаніе цѣликомъ.

Несомнѣнно что совпаденіе показаній имѣло существенное значеніе при рѣшеніи: пьянино, картины представляются всѣмъ безспорными, это и было удостовѣрено почти всѣми, любопытно отмѣтить, что особенно судьи, признавшіе малое количество предметовъ особенно настаиваютъ на значеніи этого признака, послѣднимъ вопросомъ спрашивалось, кто изъ свидѣтелей на судей произвелъ впечатлѣніе наиболѣе или наименѣе достовѣрнаго. Отвѣты, данные здѣсь, обнаруживаютъ чрезвычайное разнообразіе во всемъ, кромѣ одного пункта только одно лицо указало свидѣтеля (планъ шестой) вторымъ по достовѣрности, предпочтя ему седьмого, всѣ остальные единодушно поставили этого свидѣтеля первымъ, но за то всѣ остальные свидѣтели размѣщены отдѣльными судьями чрезвычайно различно, свидѣтель, поставленный однимъ судьею вторымъ по достовѣрности, другимъ опредѣляется какъ такой, на показаніе котораго онъ не могъ обратить никакого вниманія, третьимъ тотъ же свидѣтель указывается третьимъ въ разрядѣ достовѣрныхъ, а четвертый переноситъ его на такое же мѣсто, но въ категорію недостовѣрныхъ, нѣчто весьма анологичное имѣется съ другимъ. Почти всѣ считаютъ за недостовѣрныхъ свидѣтелей, указавшихъ излишнихъ лицъ, однако одинъ изъ судей считаетъ одного изъ нихъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ.

Остается сказать еще о двухъ послѣднихъ рѣшеніяхъ, принадлежащихъ лицамъ, которыя видѣли до процесса картинку. Привлеченіе ихъ въ судьи объяснялось слѣдующимъ соображеніемъ. Издавна въ процессуальныхъ законодательствахъ существуетъ положеніе, что судья судитъ исключительно по матеріалу, полученному имъ при разборѣ дѣла, а

пе внѣ суда. Отсюда требованіе, чтобы роли судьи и свидѣтеля не совмѣщались. Положеніе это исторически сложилось подъ вліяніемъ недовѣрія къ судьямъ, однако твердо держится до сихъ поръ, вызывая однако подчасъ нападки на себя, и упреки защитникамъ его въ пристрастіи къ формализму судебныхъ разбирательствъ: зачѣмъ, спрашивается, удостовѣрять-ся черезъ другихъ, если самъ судья видѣлъ лично происшествіе? Проф. Шмидтъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ процессуалистовъ напечаталъ цѣлое небольшое изслѣдованіе [1]) по этому поводу, гдѣ доказывалъ, что и теперь, когда мы судьѣ довѣряемъ, правило это должно быть сохранено въ виду данныхъ психологіи, указывающихъ на легкую возможность неправильныхъ воспріятій и особую убѣжденность въ нихъ. Опытъ нашъ довольно удачно подтвердилъ эти положенія. Одинъ изъ судей закончилъ свое рѣшеніе такъ: „всѣ отвѣты я далъ исключительно изъ сопоставленія свидѣтельскихъ показаній. Но самъ, какъ свидѣтель, могу показать слѣдующее, отличное отъ выведенныхъ данныхъ: я *хорошо* помню, что *день* картинки, (надъ піанино) довольно ясны: 1) обнаженная женщина 2) голова мужчины, послѣдней ни одинъ свидѣтель не показалъ. Что касается ширмы, то я почти навѣрняка утверждаю, что ихъ не было. Кресла одного фасона. Это я *утверждаю*“. Мы видимъ такимъ образомъ, что сильныя невѣрныя воспріятія остались для этого судьи субъективно вѣрными, несмотря, на то, что 8 лицъ ихъ опровергали. какъ очевидцы. Интересно также, что, подавивъ въ себѣ свидѣтеля, судья этотъ въ рѣшеніи далъ напр. правильно признаніе наличности ширмъ, хотя было цѣлыхъ 4 свидѣтеля, утверждавшихъ противное—показаніе ихъ съ судейской точки зрѣнія показалось ему не доказательнымъ.

Другой судья свидѣтель далъ рѣшеніе одно изъ самыхъ правильныхъ—его свидѣтельское показаніе изъ пятиминутныхъ принадлежало къ числу самыхъ точныхъ. Стоитъ отмѣтить, что и онъ, какъ первый, отличалъ въ себѣ судью и свидѣтеля, но выбралъ другую систему писанія рѣшенія, отмѣчая прямо въ немъ, но съ оговоркою, за признанные тѣ факты. которые только какъ судья, несмотря на предварительное знаніе истинности ихъ, онъ утверждать не рѣшился бы,

[1]) Die aussergerichtliche Wahrnehmungen des Prozessrichters 1892.

напр. второй шкапъ справа. Предварительное знаніе, можетъ быть впрочемъ уже недостаточно ясное къ разбору, не избавило однако его отъ ошибокъ въ рѣшеніи—спутанность въ показаніяхъ о позахъ дѣвочекъ отразилась и на его рѣшеніи, отступающемъ незамѣтно для него самого отъ его свидѣтельскаго воспоминанія ****).

Еще два слова объ опытѣ. Дѣлать какія нибудь обобщенія изъ него довольно трудно. Изъ того, что у насъ $^2/_3$ коллегіальныхъ судовъ обнаружили наклонность къ болѣе свободному признанію наличности предметовъ, тогда какъ наоборотъ $^2/_3$ единоличныхъ обнаружили какъ разъ обратную тенденцію, конечно даже и въ видѣ предположенія нельзя еще высказывать, какъ обобщеніе, что здѣсь именно сказалось коллегіальность. Зато показанія судей и самыя ихъ рѣшенія достаточно ясно показываютъ, что въ нихъ слагалось убѣжденіе въ томъ, что свидѣтель вообще достовѣренъ или вообще недостовѣренъ, что и отражалось затѣмъ на признаніи ими наличности и другихъ фактовъ, утверждаемыхъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ, такъ и въ не обращеніи вниманія на разныя детали показанія свидѣтеля недостовѣрнаго. Опыты Штерна и Бинэ важны тѣмъ, что не отрицая значенія индивидуальныхъ особенностей свидѣтеля, они наглядно показываютъ, что всѣ свидѣтели ошибаются, и что для отысканія истины необходимо каждый разъ обращать на это вниманіе и постараться изыскать причину ошибки. Въ нашемъ случаѣ почти единогласно признанъ наиболѣе достовѣрнымъ свидѣтелемъ 6 ой по порядку планъ, достаточно взглянуть на планы судей, чтобы убѣдиться, что именно его планъ лежитъ въ основѣ ихъ. И дѣйствительно его показанія оказываются въ общемъ наиболѣе вѣрно передающими картинку, и тѣмъ не менѣе именно ему почти всѣ судьи обязаны тѣмъ, что число картинъ установлено въ 6. Его же показаніе, необычайно точно передавши содержаніе 6 картинъ, заставляло однако судей энергично отклонять, что картины могутъ говорить за то, что это не гостинная, такъ какъ свидѣтель категорически отвергъ предположеніе, что одна изъ картинъ висѣла на шкапу и удостовѣрилъ, что всѣ картины висѣли въ одинъ рядъ. Къ показаніямъ свидѣтелей, сдѣлавшихъ какой нибудь промахъ, въ большинствѣ относились и вообще отрицательно: такую участь испытали свидѣтель, помѣстившій

піанино къ правой стѣнѣ, и лица, увидѣвшія вторую даму или ребенка на полу. Между тѣмъ въ ихъ показаніяхъ было кое что весьма цѣнное. Остановимся напр. на первомъ. Слѣдовало задаться вопросомъ какимъ образомъ произошла эта ошибка, т. е. приставленіе піанино къ правой стѣнѣ. Свидѣтель разсматривалъ картинку совмѣстно съ двумя другими въ теченіе пяти минутъ и только одну минуту изъ этого времени могъ-имѣть ее прямо передъ собою, между тѣмъ онъ сидѣлъ крайнимъ лѣвымъ, поэтому вся сцена перемѣщалась для него на правую сторону и это перемѣщеніе сказалось особенно рѣзко потому, что, какъ мы немедленно убѣждаемся при взглядѣ на картину, задняя стѣна комнаты изображена вовсе не параллельной съ плоскостью бумаги, на которой она нарисована; если бы причина ошибки была выяснена, то тогда удалось бы исправить общую всѣмъ планамъ судей и свидѣтелей ошибку. Истина оказывается лежащей по серединѣ признаннаго большинствомъ недостовѣрнымъ свидѣтеля, съ одной, и всѣми остальными, съ другой стороны. Гдѣ причина двухъ другихъ рѣзкихъ ошибокъ? Ребенокъ объясняется довольно легко. Одна изъ сторонъ правильно указала, что здѣсь свидѣтель находился вѣроятно подъ вліяніемъ воспринятой имъ картинки, какъ мирной семейной сцены и возсоздавая ее, дополнилъ обычнымъ для семейной сцены аксесуаромъ, ползающимъ на полу ребенкомъ. Примѣры такихъ ассоціацій намъ уже хорошо извѣстны изъ опытовъ и Штерна и Бинэ. Болѣе затруднительна для объясненія вторая дама. Можно сдѣлать два предположенія, или здѣсь дѣйствовала извѣстная намъ по опытамъ Штерна наклонность къ умноженію или же причина кроется въ слѣдующемъ. Мы уже говорили, что вопросы, о дамѣ задавались нами съ умышленнымъ обозначеніемъ ея то дамой, то матерью, то гувернанткою, вотъ эти вопросы: острижены волосы у дамы или нѣтъ? Что держитъ въ рукѣ мать? Обѣ ли ноги гувернантки стоятъ на мѣховомъ коврѣ? Вопросы эти объяснялись во первыхъ тѣмъ, что разные свидѣтели разно называли эту даму и какъ разъ тремя этими терминами, во вторыхъ желаніемъ посмотрѣть, не могутъ ли они повести въ результатѣ къ внушенію свидѣтелямъ присутствія не одной только дамы на картинкѣ. Такъ какъ нѣкоторые на третій вопросъ отвѣчали „не помню“—это сдѣлалъ и тотъ свидѣтель, о которомъ мы сейчасъ говоримъ, и не оговаривали подобно другимъ

(почему не мать? или почему гувернантка), то при повтореніи вопросовъ данъ былъ контрольный вопросъ о числѣ лицъ въ комнатѣ. Нашъ свидѣтель, какъ и всѣ остальные отвѣтили на него 4. Такимъ образомъ внушенію онъ не поддался. Не было ли его показаніе на судѣ безсознательнымъ построеніемъ на почвѣ неясныхъ воспоминаній объ этихъ вопросахъ? По крайней мѣрѣ при опытахъ еще съ одной картинкой, о которой намъ приходилось уже упоминать, но которыхъ мы не передаемъ подробно, такъ какъ они были произведены только надъ шестью лицами, а по техникѣ совпадали съ полученіемъ письменныхъ показаній о картинкѣ „Въ мастерской", совершенно аналогичный вопросъ: „Видна ли вся нога маркера" на ряду съ вопросами о другомъ играющемъ, какъ о стоящемъ игрокѣ, далъ въ результатѣ или правильные, или неправильные отвѣты, но которые относились явно къ цѣлящемуся игроку, что видно было какъ изъ указанія, что въ комнатѣ всего два лица, такъ и изъ замѣчаній, почему маркеръ, а не товарищъ стоящаго? Но сверхъ того, одинъ отвѣтъ при повторномъ показаніи удостовѣрилъ, что отъ маркера была видна одна нога и что лицъ въ биліардной было трое. Любопытно еще отмѣтить, что замѣну своего прежняго показанія „не замѣтилъ" этимъ новымъ испытуемый объяснилъ тѣмъ, что въ правильности новаго отвѣта онъ убѣдился послѣ разговора съ товарищемъ. Вѣроятно это тотъ изъ испытуемыхъ, не давшій вторичнаго показанія съ контрольнымъ вопросомъ, который отвѣтилъ да, безъ всякихъ оговорокъ.

Практическая цѣль нашего суда была достигнута—принимавшіе участіе въ немъ—и свидѣтели и судьи съ жадностью разсматривали послѣ разбора „истину" и между свидѣтелями были лица до такой степени, не могшія узнать въ картинкѣ только что переданное ими воспріятіе о ней, что они готовы были думать, что теперь предъявляется не прежняя картинка; а одинъ изъ коллегіальныхъ судей, бывшій до дня суда совершенно незнакомымъ съ опытами Штерна, только послѣ категорическаго увѣренія одного изъ экспериментаторовъ отказался отъ мысли подать особое мнѣніе, въ которомъ онъ хотѣлъ изложить, что вѣроятно нѣкоторымъ свидѣтелямъ показывалась не одна и та же картинка, а только похожія.

Необходимость считать ошибки въ показаніяхъ свидѣтелей *за нормальный фактъ* и необходимость изучать ихъ причины была показана воочію.

V.

Подтверждая эмпиризмъ современнаго процесса, выводы опытовъ Штерна и Бинэ ничуть не ведутъ процессуалиста къ отчаянію. Пусть они приведутъ его къ самымъ неожиданнымъ результатамъ и относительно отдѣльныхъ институтовъ современнаго процесса, какъ то устность, перекрестный допросъ, и относительно всей настоящей системы доказательствъ, они положительны, такъ какъ, въ то же время, открываютъ ему широкіе горизонты новыхъ путей къ познанію матеріальной истины. Научное выясненіе недостовѣрности показаній, на которыхъ зиждется приговоръ современнаго суда, является не тупикомъ, передъ которымъ долженъ остановиться человѣческій прогрессъ, но, напротивъ, исходнымъ пунктомъ къ достиженію новаго, несравненно болѣе близкаго къ объективной дѣйствительности знанія. Изучивъ искажающее дѣйствіе тѣхъ или иныхъ побочныхъ вліяній, и въ особенности внушенія, будетъ, быть можетъ, возможно въ той или другой степени избѣгать или парализовать эти вліянія. Выясняя вліяніе на степень достовѣрности показанія пола, возраста, технической подготовленности и пр., мыслимо найти важные опорные пункты въ оцѣнкѣ противорѣчивыхъ показаній. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ изученіи удастся связать характерныя черты воспріятія ближайшимъ образомъ съ индивидуальностью человѣка,—и по предварительному испытанію свидѣтеля уже получить возможность судить о степени нормальной достовѣрности его показаній.

Иллюстрируемъ это примѣромъ. Бинэ пытался выяснить соотношеніе между степенью, въ которыхъ то или другое данное лицо проявляетъ непроизвольныя физическія движенія, и той степенью, въ которой человѣкъ поддается внушенію. Ему не удалось, однако, установить связи между этими формами, если можно такъ выразиться, физическаго и духовнаго автоматизма.

Такимъ образомъ, можетъ быть обманута надежда антрополога уже по физическимъ свойствамъ человѣка судить о его качествѣ, какъ свидѣтеля. Однако, Бинэ удалось сопоставленіемъ индивидуальныхъ результатовъ опытовъ съ линіями и съ вопросами установить значительную близость между степенью самовнушаемости и внушаемости извнѣ субъекта, хотя и здѣсь были довольно рѣзкія отклоненія. Такимъ образомъ,

есть основаніе надѣяться, что экспертиза свидѣтеля, которую уже и теперь предлагаютъ нѣкоторые, напр. Klaussmann [1]), можетъ быть создана на твердыхъ научныхъ основаніяхъ.

---

*) На неопредѣленность счета Штерномъ ошибокъ указываетъ Jaffa въ его статьѣ Ein psychologisches Experiment im Kriminalistischen Seminar der Universität Berlin S. 82 первой тетради, вышедшей уже по прочтеніи этого доклада, новаго предпринятаго Штерномъ въ сотрудничествѣ съ другими (изъ юристовъ проф. Ф. Листъ, Лилієнталь и Г. Гроссъ) журнала Beiträge zur Psychologie der Aussage L. 1903, какъ видно уже изъ заглавія, спеціально посвященнаго разработкѣ вопроса о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Болѣе суровъ пр.-доцентъ (Цюрихъ) Wreschner, сообщающій результаты повторенія имъ опытовъ Штерна на картинкѣ Дѣдушка въ статьѣ Zur Psychologie der Aussage, появившейся въ также дошедшей до Казани уже по прочтеніи этого доклада первой тетради также новаго журнала Archiv für die gesamte Psychologie hrsgg. v. Meumann L. 1903, гдѣ (S. 152) онъ говоритъ: die erwähnte Liste teilt er (W. Stern) uns ebenfalls nicht mit und schon ein Blick auf die komplizierten Bilder belehrt, dass stricto sensu sich solche Listen gar nicht anfertigen lassen.

**) Къ иному выводу пришелъ Wreschner. По его даннымъ (опытъ производился, какъ и у Штерна надъ студентами всего 5 и студентками 7) женщины въ среднемъ давали по 60,9 данныхъ въ томъ числѣ по 14,3 ошибочныхъ (23,5%), тогда какъ мужчины по 57,4 при 17,6 ошибочныхъ (30,7%), т. е. „выводы Штерна подтверждаются только въ томъ отношеніи, что женщины даютъ больше подробностей (mehr Angaben), зато мужчины въ разрѣзъ съ результатами Штерна больше ошибокъ“. Это данныя, полученныя Врешнеромъ при его Prüfungsmethode (т. е. mémoire forcée Binet). При разработкѣ имъ первыхъ двухъ показаній тѣхъ же лицъ, но данныхъ безъ вопросовъ (по Prüfungs methode давались

[1]) Zeugen Prüfung въ Archiv f. Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. B. I. 1899. S. 38—60.

третьи) результатъ былъ: у мужчинъ 9,2 и 14,3%, у женщинъ 12,6 и 11,8% ошибочныхъ, т. е. и здѣсь уже при вторичномъ показаніи женщины оказались лучшими свидѣтелями. Врешнеръ оговариваетъ однако, что въ среднемъ женщины находились при его опытахъ въ лучшихъ условіяхъ (меньшій промежутокъ времени между воспріятіемъ и показаніями). S. 161. Archiv f. ges. Psychol. I B. 1. Heft.

***) Теперь описаніе это появилось въ Beiträge zur Psychologie der Aussage H. I SS. 79—99.

****) Для сравненія судейскихъ рѣшеній и свидѣтельскихъ показаній на судѣ въ опытѣ съ картинкою Rixens, Dans l'atelier, даемъ слѣдующую таблицу.

На ней + обозначаетъ правильный отвѣтъ,

— ошибочный;

? у судей non liquet, а у свидѣтелей запамятованіе;

? при + или — оговорку въ неувѣренности показанія.

† рѣшеніе по большинству голосовъ;

†† указаніе судьи свидѣтеля, что онъ рѣшаетъ по своему воспоминанію.

* совпаденіе, а

** не совпаденіе рѣшенія судьи-свидѣтеля съ его показаніемъ до суда.

№№ по порядку (въ скобкахъ №№ плановъ).	№№ плановъ. Судьи должны были признать или отвергнуть наличность слѣдующихъ лицъ, предметовъ и ихъ признак.	Свидѣтельскія показанія							
		1	2	3	4	5	6	7	8
		число показаній до суда							
		1	2	2	2	3	3	3	2
1 (1)	піанино	+	+	+	+	+	+	+	+
2	на немъ ноты . . .		+	—		+	+	+	—
3 (2)	коверъ	+	+			—	—	—	—
4	на немъ медвѣжья шкура	+				+?	+	+	+
5 (3)	кресла	+	+	+	+	—	+	+	+
6	сколько ихъ	—	—	—			+	+	—
7	одинаковаго ли они фасона	—					—	—?	—
8 (4)	стулья.	+		+		—	+	+	—
9 (5)	табуретка	—	+	+	—	+	+	+	+?
10 (6)	столъ	+		—	+	—	+	—	—
11	предметы на немъ .	?		+	+		—	+	
12 (7)	столикъ-ваза на трехъ ножкахъ	+	+	+	+	+	+	+	+
13	предметы на немъ. .	—	+			—	+	—	+
14 (8)	ширмы.	—	—	+	+	—	+	+	—
15 (9а)	шкапы: первый. . .	+	+	+	—	—	+	+	+
16	картина на немъ. .	+					—	+	—
17 (9б)	второй (каминъ) . .	+	—	—	+	—	—?	—	—
18 (11)	этажерка.	+	—	+	—	—		—?	+
19 (16)	картины	+	+	+	+	+	+	+	+
20	ихъ число.	—	—	—	—	—	—	—	—

Судейскія рѣшенія							
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
единоличныя			коллегіальныя			судьи-свидѣтели	
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	—	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
?	+	+	+	+	+	+	+*
+	—	+	—	+	+†	—	+**
	+	—	+	—	—	+**	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
—	+	+	—†	+	+	+	+*
—	—	+	—†	+	+	+*	+*
—	—	+	—	+	+	?	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+?	—	—	—		—	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
—	—	+	—	+	—	—*	+*
—	—	—	—	—	—	—	+††*
+	+	—	+	+	+†	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
—	—	—	—	—	—	—*	—*

	ихъ сюжеты:								
21	а) голова дѣвушки .	?	?	+	+	?	+	?	?
22	б) сидящая женщина во весь ростъ . .	?	?	?	?	?	+	?	?
23	в) неясныя.	?	?	?		?	+	?	?
24	г) дѣвушка вяжетъ	?	?	?	?	?	+	?	?
25	д) обнаженная женщина	+	+	?	+	—?	+	+	+
26	е) обнаженный мужчина	—		—	—	—?	—	—	—
27	еще предметы . . .	+				+	+	+	+
28(I)	играющая на піанино	+	+	+	+	+	+	+	+
29	длина ея платья . .	—	+	+	+	—	+	—	+
30	цвѣтъ его	+	+?		?	+	+	+	+
31	ея поза	+	+	+	+	+	+	+	+
32	прическа ея волосъ.	+	+	+	—	+	+	—	+?
33	ея возрастъ	+	+	+	+	+	+	—	+
34(II)	дѣвочка слѣва отъ играющей	+	+	+	+	+	+	+	+
35	ея возрастъ	+	+	+	+	+	+	+	+
36	ея поза	—	—		—	+	—	—	+
37	прическа волосъ . .	+	+		—	—	+	+	—
38	ея платье его длина.	+				+	+	+	+
39	цвѣтъ его	?	+			+	+	+	+
40	богатое оно или бѣдное	+	+		+	+	+	—	+
41	обнажены ли ея руки	?		+		+	?	—	—?
42(III)	дѣвочка справа отъ играющей	+	+	+	+	+	+	+	+
43	ея поза.	—		+	—	+	—	+	+

−	+	+	−	+	−	−	+
−	+	+	−	+	−	−	+
+	+?	+	−	+	−	+	+*
−	+	+	−	+	−	−	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
−	−	−	−	−	−	−*	−*
+?	+	−?	+	+	+†	+	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
−	−	−	+	+	−	+*	−**
+	+	+	+	+	+	+*	+*
−	+	+	+	+	+	+	+*
−	+	+	+	+	+	+	+*
?	?	−	+	?	−	+	+
+	+	+	+	+	+†	−	+
+	+	+	+	+	+	+*	+*
?	−	−	−	−	−	−	−**

44	прическа волосъ. . .	+	+		—	+	+	+	+
45	цвѣтъ ея платья . .		+		—	+	+	+	+
46	длина его.	+	+		+	+	+	+	?
47	обнажены ли ея руки	—		+	—	+	—	—	+?
48(IV)	ближайшая къ зрителю женщина . . .	+	+	+	+	+	+	+	+
49	ея возрастъ	+	+	+		+	+	+	+
50	ея поза	+	+	+	+	+	+	+	+
51	положеніе ногъ. . .	+	+		+	+	+	+	+
52	положеніе рукъ. . .	?			?	—	—	+	?
53	прическа волосъ . .	+				+ ?	+	+	—
54	есть ли кто или что либо у нея на колѣняхъ	—	—	+	—	+	+	+	—
55	ея платье, его цвѣтъ.	?	+		+		+	+	+
56(V)	ребенокъ на полу .	+	+	+	—	+	+	+	+
57	его признаки. . . .				—				
Дано всего		45	38	33	38	47	54	52	49
Изъ нихъ: правильно . . .		33	31	27	23	32	43	37	34
ошибочно . . .		12	7	6	15	15	11	15	15
въ %		26,6	18,4	18,2	39,5	31,9	20,4	28,8	30,6
		27%							

?	+	+	+	+	+	+	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
?	+	+	+	+	+	+	+
—	—	—	+	—	—	+	—
+	+	+	+	+	+	+*	+*
+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	—	—	?	+	+†	+	+††*
+	+	+	+	+	+	+	+*
+	+	—	+	+	+	+*	+*
?	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+ [1]	+
45	55	56	55	54	56	55	56
31	43	43	40	48	42	45	51
14	12	13	15	6	14	10	5
31,1	21,8	23,2	27,3	11,1	25	18,2	9

20,6% [2]

[1]) Ср. сказанное на стр. 111.

[2]) Если исключить судей свидѣтелей, то % повысится до 23. Это не нарушаетъ указаннаго лучшаго качества рѣшеній передъ показаніями: достаточно, кромѣ сказаннаго на стр. 106, взглянуть на прилагаемые планы.

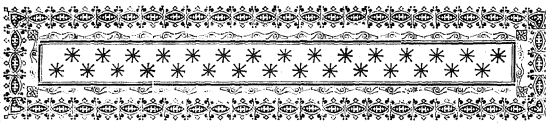
	Отмѣчаемъ еще рядъ данныхъ изъ показаній свидѣтелей								
58	стѣны	—	—	—	—	—	+	—	+?
59	двери		///		—				
60	окна	+		—		+		+	
61	камины или печи .		—			+		+	
62	подсвѣчники на № 1.			+					
63	статуэтка на № 17 .	+							
64	описаніе № 3. . . .							—	
65	описаніе № 9. . . .		—						
66	описаніе № 10 . . .						+		
67	описаніе № 12 . . .					—		+	
68	описаніе шкаповъ № 15 и 17				—			—	
69	подробное описаніе прически дѣвочекъ .		+						
70(VI)	вторая дама		—						

Даемъ наконецъ содержаніе тѣхъ ошибокъ, которыя не состоятъ только въ обратномъ съ дѣйствительностью признаніи или отрицаніи наличности предмета, лица или ихъ свойства.

Темы № 3: коверъ отожествляется съ медвѣжьею шкурою (IV, 5, 6. 8). № 5 были стулья и одно кресло качалка (5). № 6. 3 (II, IV, VII, 1, 3, 8), 6(2). № 7 одинаковаго всѣ (V, 1, 6, 7, 8), 3 одинаковыхъ, а одно обширнѣе (III, VI). № 10 низкій покрытый предметъ (3), этажерка (5,7) кушетка (IV). № 11. отрицаетъ книги (IV), ноты, бумага, книги и газеты (6). № 13. визитныя карточки (II, III, VI, 1, 5, 8). № 20 нѣсколько (1, 2, 3, 4, I); много (8) 5, 6 (III—V, VII, 7). 6 (II, VI, VIII, 6) не больше 5, 6 (5). № 27 зеркало стѣнное съ подставкою (III). № 29 короткое (1, 5, 7). № 32 не распущены (4, 7). № 33 лѣтъ 17, 18 (7) № 36 одной рукой облокотилась на піанино (5, VI) оперлась руками на піанино (I, II, III), сидитъ въ креслѣ (1, 2) вполоборота къ зрителю, оперлась рукою (6, 7, VIII); № 40 богато въ противоположность бѣдно одѣтой дамѣ (7, III, VI) № 43 не помнитъ у дамы на колѣняхъ или въ креслѣ (1), на колѣняхъ у матери (4) подперлась рукою (6), лицомъ къ зрителю (VIII) сидитъ въ креслѣ (II, V, VI, VII), спокойно сидитъ (IV) опрокинулась головой на спинку кресла (III). № 44 не распущены (4). № 45 темное (4) № 52 руки за голову (5), одною рукою придерживаетъ книгу (III), видна одна (6, II); № 57 ребенокъ ползаетъ на полу, ему года 2 (4). № 64 коверъ во всю комнату (7), № 65 вертящался (2), № 67 изъ двухъ чашекъ одна надъ другой (5); № 68 съ книгами (4), стеклянный (7). № 70 стоитъ у камина, одѣта въ темное платье (2).

На прилагаемой въ концѣ этой части Трудовъ таблицѣ плановъ (обозначенія на ней см. стр. 118) планы судей даны fac simile, а планы свидѣтелей повторяютъ въ уменьшенномъ видѣ то, какъ размѣщали предметы и лицъ свидѣтели на доскѣ при началѣ допроса (ср. стр. 105). Этимъ объясняется несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ плановъ свидѣтелей сравнительно съ таблицами ихъ показаній, напр. отсутствіе на планѣ № 4 этажерки, существованіе которой свидѣтель удостовѣрилъ только при дальнѣйшемъ допросѣ.

А. Елистратовъ.
А. Завадскій.



КЪ ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГІИ СВИДѢТЕЛЯ.

Докладъ, прочитанный на засѣданіи 19 апрѣля.

Лѣтъ десять тому назадъ Рибо[1]) заинтересовался слѣдующимъ положеніемъ: „Когда мы мыслимъ, слышимъ или читаемъ какой нибудь общій терминъ, что возникаетъ въ нашемъ сознаніи, помимо самого знака, непосредственно и безъ предварительнаго размышленія?“ Число опрошенныхъ лицъ равнялось 103. Каждому субъекту предлагался одинъ и тотъ же вопросъ: „Сейчасъ я назову нѣсколько словъ; прошу васъ немедленно вслѣдъ за каждымъ изъ нихъ и не думая ни минуты говорить мнѣ, вызываетъ ли оно что нибудь въ вашемъ умѣ и, если вызываетъ, то что именно“. Отвѣтъ не принимался во вниманіе, если запаздывалъ на 5—7 секундъ. Слова предлагались безъ опредѣленнаго порядка, слѣдующія: собака животное, цвѣтъ, форма, правосудіе, доброта, добродѣтель законъ, число или время, отношеніе, причина, безконечность Опрашиваемая группа лицъ распалась на нѣсколько типовъ къ ближайшему разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

I. Типъ конкретный: слово вызываетъ образъ зрительнаго или другого какого характера безразлично. Люди мыслятъ образно. Напримѣръ одинъ художникъ далъ слѣдующее показаніе:

причина . .	ничего
отношеніе. .	разсказъ, отношеніе тоновъ
законъ. . .	судьи въ красныхъ мантіяхъ
число . . .	ничего
цвѣтъ . . .	зелень растенія, выдѣляющаяся на красномъ фонѣ драпировки

[1]) Эволюція общихъ идей, р. пер. Спиридонова 1898.

форма . . . женское плечо
звукъ . . . шопотъ
собака. . . уши бѣгущей собаки
животное . . неясный ансамбль, какъ на нѣкоторыхъ голландскихъ картинахъ
сила . . . онъ замахивается рукой, что бы нанести ударъ
доброта . . смутно видитъ свою мать въ молодости.
время . . . Сатурнъ со своею косою
безконечность... черная дыра.

Для того, чтобы рѣзче оттѣнить конкретный типъ я приведу здѣсь два наблюденія Джемса, которыя онъ получилъ пользуясь методомъ Гальтона. Именно въ 1883 году послѣдній обратился къ огромному количеству лицъ съ просьбой описать воспроизведенное представленіе обстановки, окружавшей ихъ во время завтрака въ какое нибудь утро. Вотъ Мах. и Min. силы зрительнаго воспроизведенія:

„Картина моего завтрака бываетъ и смутной и ясной въ моемъ воображеніи. Она смутна и тускла, когда я пытаюсь воспроизвести ее съ открытыми глазами, направленными на какой нибудь предметъ. Она въ высшей степени отчетлива и ярка, когда я представлю её себѣ съ закрытыми глазами. Всѣ подробности этой картины для меня одновременно ясны, но, когда я направляю вниманіе на какую нибудь изъ нихъ, она представляется мнѣ еще отчетливѣе. Всего легче я воспроизвожу въ памяти цвѣта; если бы, напримѣръ, мнѣ нужно было припомнить блюдо, украшенное цвѣтами, я былъ бы въ состояніи въ точности воспроизвести послѣдніе красками. Обширность моихъ зрительныхъ воспроизведеній чрезвычайно велика. Я представляю себѣ всѣ четыре стѣны моей комнаты и всѣ четыре стѣны каждой изъ четырехъ остальныхъ комнатъ и даже болѣе того съ такою отчетливостью, что, если бы вы меня спросили, гдѣ лежитъ такая то вещь или попросили бы меня сосчитать стулья и т. д., я тотчасъ же сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія. Чѣмъ болѣе я учу наизусть, тѣмъ яснѣе я представляю себѣ образы читанныхъ мною страницъ. Даже передъ тѣмъ, какъ произносить наизусть одну строчку заученнаго, я вижу её и слѣдующія за нею строки, такъ что могу цитировать ихъ медленно слово за словомъ, но умъ мой такъ занятъ созерцаніемъ образа печатныхъ строкъ, что я со-

вершенно не сознаю смысла произносимыхъ мною словъ. Когда я впервые замѣтилъ въ себѣ такую особенность, то сначала подумалъ, что это обусловлено несовершеннымъ знаніемъ выученнаго наизусть. Но въ концѣ концовъ я убѣдился, что дѣйствительно вижу страницу. Дѣло въ томъ, что я могу мысленно осматривать страницу и видѣть начальныя слова каждой строчки и отъ любого изъ нихъ я могу читать далѣе".

2) „Моя сила зрительнаго воспроизведенія, насколько я могу судить очень слаба и представляетъ нѣкоторыя особенности. Я представляю себѣ любое минувшее событіе не въ видѣ ряда отчетливыхъ образовъ, но въ видѣ панорамы, въ которой детали какъ бы просвѣчиваютъ сквозь густой туманъ. Закрывъ глаза, я не могу представить себѣ какую нибудь изъ этихъ деталей, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ я еще былъ въ состояніи дѣлать это, послѣ чего способность видимо исчезла. При самыхъ живыхъ моихъ сновидѣніяхъ, когда грезы представляются мнѣ вполнѣ реальными фактами, я нерѣдко бываю пораженъ помутнѣніемъ зрѣнія и образы фантазіи становятся для меня неясными. Попытки представить себѣ обстановку завтрака не привели меня ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Все казалось мнѣ крайне туманнымъ. Я не могъ бы сказать сколько стульевъ въ комнатѣ, если бы не зналъ случайно, что ихъ десять. Я ничего не вижу въ деталяхъ. Всего характернѣе то обстоятельство, что я даже не могу сказать въ точности, что я вижу. Насколько я припоминаю, окраска предметовъ въ воспроизведеніи бываетъ та же, что и въ воспріятіи, только представляется сильно полинявшей. Быть можетъ всего отчетливѣе я вижу цвѣтъ скатерти, лежавшей на столѣ и, можетъ быть я былъ бы въ состояніи видѣть цвѣтъ обой, если бы я помнилъ его".

Живой организмъ обладаетъ въ высшей степени пластичностью. Въ борьбѣ за существованіе, въ непрерывной погонѣ за счастьемъ приходится присобляться къ цѣлому ряду жизненно неблагопріятныхъ условій, волей неволей выбрасываешь за бортъ все ненужное, потерявшее цѣну. Основной біологическій постулятъ; съ наименьшей тратой энергіи достигай наибольшаго эффекта, проходитъ рѣзкой чертой въ области психическихъ процессовъ. Конкретный типъ по свидѣтельству Рибо встрѣчается больше всего у женщинъ, артистовъ и у всѣхъ лицъ, не привыкшихъ къ научнымъ отвлеченіямъ. У

лицъ, проводящихъ свое время за книгой, образы блѣднѣютъ вѣрнѣе вытѣсняются непрерывно повторяющимся представленіемъ печатаннаго слова, видомъ развернутой книги, открытой страницей того или другого формата. „Въ сущности словесная память для большинства житейскихъ цѣлей даже лучше памяти, богатой яркими образами. Существеннымъ элементомъ въ мышленіи является комбинація терминовъ въ посылкахъ для образованія заключенія, благодаря чему словесное мышленіе всего скорѣе содѣйствуетъ образованію вывода, такъ какъ слова наиболѣе сподручный матеріалъ для процессовъ мышленія. Вообще говоря, чѣмъ старѣе люди и чѣмъ болѣе они выдаются въ качествѣ мыслителей, тѣмъ болѣе они оказываются утратившими зрительную память, какъ это, напримѣръ, нашелъ Гальтонъ у членовъ Королевскаго Ученаго Общества". („Джемсъ"). Опрашивая одного выдающагося физіолога, Рибо получилъ отвѣтъ: я вижу все въ напечатанномъ видѣ. Произведя свои опыты надъ наборщиками въ одной типографіи, онъ такъ резюмируетъ свой выводъ: 1) они видѣли мои 14 словъ напечатанными особымъ шрифтомъ употребляемымъ въ ихъ типографіи, который они иногда указывали, 2) при полуконкретныхъ терминахъ, они видѣли въ то же время какой нибудь образъ; 3) при отвлеченныхъ же терминахъ типографическое представленіе не сопровождалось никакимъ образомъ. Здѣсь мы имѣемъ наслоеніе изъ двухъ типовъ: естественнаго типа первичнаго образованія и зрительно типографическаго типа— вторичнаго образованія". Не далеко отъ зрительно типографическаго типа стоитъ субъектъ, давшій Рибо слѣдующіе отвѣты:

число . . . „Langue des calculs"
причина . . теорія Юма
законъ. . . les tables de Malaga
цвѣтъ. . . спектральная химія
правосудіе . опредѣленіе Литрэ
животное . . περὶ ψυχῆς Аристотеля
время . . . неясная метафизическая теорія
отношеніе. . споръ между Ампером и Трасси
безконечность. математическія книги
цвѣтъ . . . трактатъ о фотографіи.

Въ Die innerliche Sprache und die verschidenen Formen der Aphasie von Ballet описывается случай, подробно изученный Шарко.

До болѣзни паціентъ принадлежалъ къ конкретному типу „При малѣйшемъ усиліи память воспроизводила передъ нимъ черты людей, форму и цвѣтъ предметовъ также ясно и отчетливо, какъ если бы онъ видѣлъ все въ дѣйствительности. Онъ велъ обширную корреспонденцію на нѣсколькихъ языкахъ, но сейчасъ же могъ припомнить, въ какомъ письмѣ что было написано; при этомъ письма представлялись ему совершенно въ такомъ видѣ, какъ они дѣйствительно были написаны со всѣми неправильностями и поправками, со всѣми случайными признаками. Когда онъ готовился къ лекціи или къ цитированію какого нибудь автора, то стоило ему прочитать два, три раза какую нибудь страницу, чтобы она удержалась у него въ памяти со всѣми буквами и черточками; онъ цитировалъ требуемое мѣсто, мысленно считывая его; при малѣйшемъ усиліи памяти, оно представлялось ему съ величайшей ясностью. Чтобы сложить какія нибудь цифры, ему не нужно было прибавлять послѣдовательно одну къ другой, какъ это обыкновенно дѣлаютъ; стоило ему только просмотрѣть стоявшіе передъ нимъ ряды цифръ, даже если они занимали большую страницу и онъ немедленно опредѣлялъ ихъ сумму. Подобнымъ же образомъ производилъ онъ и остальныя ариѳметическія дѣйствія. Если онъ видѣлъ какую нибудь вещь въ театрѣ, то не могъ припомнить изъ нея ни одной части безъ того, что бы въ памяти его не возникли всѣ частности обстановки зала“.

„Съ того самаго дня, какъ вслѣдствіе пораженія мозга, зрительные образы его поблѣднѣли, внугренняя рѣчь его подверглась глубокому разстройству. Въ настоящее время паціенту, такъ и всякому другому, приходится открывать свои письма, чтобъ найти въ нихъ нужныя свѣдѣнія (раньше онъ припоминалъ эти свѣдѣнія только благодаря внутреннему зрѣнію) онъ долженъ перелистовать ихъ, чтобы напасть на требуемое мѣсто. Изъ Иліады онъ помнитъ только нѣсколько начальныхъ стиховъ; Гомера, Виргилія и Горація онъ можетъ цитировать только „ощупью“ съ остановками и поправками. Производя сложеніе, онъ вполголоса произноситъ цифры (до своей болѣзни онъ читалъ ихъ въ своемъ умѣ). Если онъ хочетъ припомнить разговоръ, то это удается ему не безъ труда и онъ долженъ въ такомъ случаѣ прибѣгнуть къ слуховой памяти. Выраженія и слова, припоминаемыя имъ, будто звучатъ у него въ ухѣ: совершенно новое для него ощущеніе. Послѣ происшед-

шей съ нимъ перемѣны онъ сталъ заучивать различныя выдержки совершенно иначе; что бы запомнить наизусть нѣсколько фразъ, онъ долженъ услышать ихъ, поэтому ему приходится нѣсколько разъ перечитывать ихъ вслухъ. Когда онъ затѣмъ повторяетъ заученное, у него явственно возникаетъ чувство „внутренняго слышанія", предшествующее появленію словъ.

Зрительная память была утрачена, развилась слуховая.

II. Слуховой типъ самъ по себѣ довольно рѣдокъ. Однако Рибо удалось найти довольно полное выраженіе его. Это былъ докторъ, знающій много языковъ, извѣстный своими многочисленными учеными трудами и въ теченіе многихъ уже лѣтъ жившій среди книгъ и рукописей. Онъ совершенно не имѣетъ зрительныхъ представленій; но всѣ слова звучатъ въ его ушахъ. Онъ не можетъ ни читать, ни писать, не произнося словъ. Когда же интересъ его къ читаемой книгѣ возрастаетъ, онъ начинаетъ говорить вслухъ: „ему надо слышать себя". Сновидѣнія его совершенно лишены зрительныхъ образовъ; онъ слышитъ въ нихъ свой голосъ и голоса своихъ собесѣдниковъ: „его сновидѣнія касаются звуковъ". Ни одно изъ моихъ словъ, говоритъ Рибо, не вызвало въ немъ зрительнаго образа. Еще рельефнѣе особенности этого типа выступаютъ въ описаніи своей болѣзни психически больного священника, описаннаго Крамеромъ въ его „Die Hallucinationen im Muskelsinn bei Geisteskranken" Ослабьте аффектъ, исправьте ошибки сужденія и вы получите то, что наблюдается въ повседневной жизни: „голоса звучали въ углахъ комнаты, въ землѣ сада, звучали въ погребѣ, звучали въ журчаньи воды, звучали въ ногахъ людей, въ особенности въ ногахъ дяди, когда тотъ поднимался на лѣстницу пасторскаго дома, звучали даже въ стѣнахъ. Были тутъ голоса жужжащіе, похожіе на жужжаніе прялки, были голоса глухіе и сдавленные. Голоса обладали звукомъ предмета, изъ котораго они исходили. Они звучали также въ ударахъ маятника, въ воздухѣ, поднимавшемся изъ топившейся печи, въ звонѣ колокольчика у дверей. Здѣсь въ гостинной я бываю уже два съ половиною года и почти ежедневно, ежечасно слышу, что кругомъ все полно голосовъ; они звучатъ то въ порывахъ вѣтра, то въ шумѣ шаговъ, то въ стукѣ тарелокъ, то въ шелестѣ деревьевъ, то въ грохотѣ желѣзнодорожныхъ колесъ, то въ скрипѣ деревьевъ. Я слышу эти голоса только, если обращаю на нихъ вниманіе, но я слышу

ихъ. Эти голоса произносятъ слова и о многомъ говорятъ они; кажется будто въ словахъ ихъ слышишь не мысли, сидящія въ головѣ, а повѣсть о минувшихъ дѣлахъ, но все это только тогда, когда объ этомъ думаешь". (Штеррингъ).

III. Проф. Штриккеръ даетъ намъ описаніе моторнаго типа, къ которому принадлежитъ и онъ самъ. Его мысли всегда сопровождаются двигательными представленіями, мускульными ощущеніями въ той или другой части тѣла. Стараясь подавить послѣднія, онъ парализовалъ тѣмъ самымъ и мысль. Она блѣднѣла, расплывалась.

Въ Psychologisches Centralblatt въ 1889 году Гюнсъ ввелъ новое понятіе—апросекія т. е. неспособность, вызванную затрудненнымъ вслѣдствіе опухоли железъ въ подглоточной области или полипомъ въ носу, носовымъ дыханіемъ. Семилѣтній ребенокъ въ теченіи цѣлаго учебнаго года выучившій только три буквы послѣ сдѣланной ему операціи удаленія опухоли железъ, усвоилъ азбуку впродолженіи одной недѣли. Гюнсъ произвелъ операцію надъ цѣлымъ рядомъ воспитанниковъ низшихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ эта болѣзнь мѣшала выучиться чему либо. Малѣйшее усиліе сосредоточить вниманіе вызывало у нихъ сильное головокруженіе. Они могли не утомляясь, прочесть отъ 6 до 10 разъ одну и ту же фразу, не понимая прочитаннаго, хотя они не думали ни о чёмъ другомъ. Въ своей работѣ „Неврозы и фиксированныя идеи" Жане говоритъ относительно психомоторныхъ галлюцинацій: „Больные сами отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣло идетъ объ образахъ, относящихся къ ихъ языку. „Я слышу, говоритъ Бо, мнѣ кажется, что я сейчасъ скажу и я закрываю ротъ рукой, чтобы не крикнуть. Прежде у меня говорили въ сердцѣ, разсказываетъ Т, теперь я хорошо чувствую, что у меня говорятъ во рту. Какъ будто бы моя сестра, ея мужъ и ихъ дѣти сидятъ у меня въ желудкѣ и, вылѣзая изъ груди, заставляютъ двигаться мой языкъ.., языкъ мой совершенно развязался; онъ болтаетъ безъ конца".

Больная Т въ то время, какъ чувствуетъ свой голосъ, не можетъ заставить себя говорить, когда я предлагаю сдѣлать ей это: „что то такое есть у меня въ щекахъ и это не даетъ мнѣ говорить въ такія минуты". Больная не можетъ имѣть одновременно два образа мышечнаго языка. Эти двигательныя чувствованія сопровождаютъ каждое слово, навѣрно каждое

представленіе. Безъ нихъ оно только нуменъ—логическій терминъ, не имѣющій ничего реальнаго, соотвѣтствующаго въ жизни. То, что въ общежитіи называется вниманіемъ, есть не что иное, какъ отблескъ, неясное представленіе о рядѣ движеній, какой нужно совершить, чтобы реализовать свое хотѣніе. „Хищное животное, говоритъ Рибо, схватившее добычу и разрывающее её зубами и когтями, достигло своей цѣли и удовлетворило своимъ стремленіямъ помощью значительной затраты движеній. Въ то время, когда добыча еще не находилась въ его власти, когда онъ еще только видѣлъ и подстерегалъ её, весь организмъ его находился въ состояніи крайняго напряженія и готовности къ дѣйствію; движенія еще не были осуществлены, но для ихъ совершенія требовалось лишь незначительное побужденіе. При болѣе слабой степени стремленія животное рыщетъ, выискивая глазами и чутьемъ случайно попавшую въ западню жертву; это—состояніе полунапряженія, отличающееся болѣе слабой и не такъ опредѣленной инерваціей. Наконецъ, при еще болѣе слабой степени, животное покоится въ своемъ логовищѣ и только въ мысляхъ его возникаетъ смутный образъ добычи, т. е. воспоминаніе о тѣхъ жертвахъ, которыя онъ раньше пожиралъ; въ этомъ случаѣ двигательный элементъ обладаетъ весьма малою интенсивностью, находясь лишь въ зачаточномъ состояніи и не выражается никакимъ видимымъ дѣйствіемъ, ясно, что всѣ разсмотрѣнныя степени напряженія связаны извѣстной послѣдовательностью, что при каждомъ изъ нихъ дѣйствуетъ двигательный элементъ и вся разница между ними сводится лишь къ большему или меньшему его участію“. Двигательные образы рѣчи отлагаются въ центрѣ Брока въ лѣвой 3-й лобной извилинѣ. Классическій случай указываетъ Брока: 84 хъ лѣтній старикъ послѣ апоплексіи при полномъ сохраненіи умственныхъ способностей не могъ произносить ничего, кромѣ пяти исковерканныхъ словъ. Отдѣльныя буквы произносились вполнѣ правильно.

Итакъ можно считать доказаннымъ, что психическая жизнь даетъ намъ нѣсколько обособленныхъ типовъ, изъ которыхъ по преимуществу встрѣчаются конкретный, зрительно-типографическій и двигательный. Ясно, что и при запоминаніи они реагируютъ нѣсколько отличнымъ другъ отъ друга образомъ. Мышленіе зрительно-типографическаго типа носитъ характеръ болѣе отвлеченный, болѣе поддающійся внушенію, чѣмъ суж-

деніе in concreto, гдѣ послѣднее всегда опирается на зрительные образы. Но чѣмъ же обусловливается вниманіе само по себѣ и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Въ мірѣ животныхъ широко распространена мимикрія—подражаніе по цвѣту и краскамъ окружающей средѣ, что бы тѣмъ самымъ избѣгнуть болѣе сильнаго врага. Растенія даютъ цвѣты по преимуществу окрашенные въ кричащія краски, что бы привлечь вниманіе насѣкомыхъ. Контрастность—основное условіе вниманія. Масса животныхъ, почуявъ опасность, притворяются мертвыми—движущійся предметъ скорѣе обращаетъ на себя вниманіе. Но основнымъ факторомъ является заинтересованность. Мы видимъ только то, что намъ полезно. Видѣть міръ такимъ, какъ онъ есть—удѣлъ очень немногихъ. Поэтому воспринятое нами почти всегда есть только болѣе или менѣе удачная иллюстрація къ нашимъ собственнымъ мыслямъ, нашимъ наклонностямъ.

Маге въ своихъ Die Geisteskrankheiten сообщилъ слѣдующее: 44 лѣтъ извощикъ Буржуа обвинялся въ покушеніи на убійство д-ра Блэни, сдѣланномъ въ томъ убѣжденіи, что д-ръ неправильно лечилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ. Самъ Буржуа показалъ о себѣ слѣдующее: 16 лѣтъ тому назадъ сталъ я чувствовать холодъ во внутренностяхъ. Отъ этой болѣзни можно вылечить въ недѣлю. Обратился къ д-ру Ф. Онъ поставилъ мушку. Мнѣ стало хуже. Я пошелъ къ д-ру Блэни. Онъ велѣлъ брать теплыя ванны. Я разорился; внутренности у меня совершенно передвинулись". Родственники показали, что онъ 16 лѣтъ жалуется на болѣзнь и жестоко ненавидитъ врачей, которыхъ считаетъ виновниками своего несчастья и разоренія. Въ его собственноручной запискѣ, которую нашли при немъ, было записано: „Бѣдные люди, не довѣряйтесь врачамъ. Они невѣжды и убійцы, которые могутъ отправлять на тотъ свѣтъ, когда имъ вздумается". Д-ра Блэни онъ особенно ненавидѣлъ послѣ полученія 12 лѣтъ тому назадъ совѣта лечиться ваннами. Спустя два года послѣ этого, встрѣтивъ врача на улицѣ, онъ обратился къ нему съ горькими упреками. За три года до покушенія купилъ кинжалъ съ явнымъ намѣреніемъ убить врача. За 6 недѣль купилъ револьверъ, считая его болѣе надежнымъ орудіемъ. Онъ хладнокровно готовился къ убійству, думая, что совершеніемъ его окажетъ обществу большую услугу. При немъ нашли записку:

„Надо считать чудомъ, что я не погибъ отъ руки врачей: вѣрно я орудіе мести по отношенію къ нимъ“.

Здѣсь мы видимъ постепенное наростаніе идеи мести сперва къ д-ру Блэни, потомъ къ врачамъ вообще, безпрерывно подогрѣваемой односторонне воспринимаемыми фактами. Сюда же относятся обманы узнаванія. Повторяется фактъ давно знакомый и вся картина кажется уже давно пережитой, перечувствованной. И опять патологія, какъ увеличительное стекло, даетъ намъ изображеніе того, что повседневно случается съ каждымъ изъ насъ. Больной Штерринга отмѣчаетъ: „говорю ли я съ кѣмъ нибудь, вижу ли что нибудь, мнѣ постоянно кажется, что все уже было. Я будто все уже когда то видѣлъ, слышалъ, передумалъ, перечувствовалъ. На меня нападаетъ ужасъ и я не осмѣливаюсь говорить, потому что мнѣ кажется, что все уже было. Читаю я, напр., въ газетѣ про войну, про передвиженіе войскъ, мнѣ кажется, что все это я читалъ уже раньше. Я чувствую ужасъ: то же извѣстіе, та же газета, та же комната, та же обстановка; все, все уже было приблизительно около года тому назадъ. Другой примѣръ: лежу въ постели; входитъ вдругъ К. со словами: Карлъ! Мюллеръ умеръ. Мною овладѣваетъ ужасъ: да вѣдь Мюллеръ уже умеръ. Вѣдь это было: я въ постели, входитъ К. и сообщаетъ, что Мюллеръ умеръ“. Я хотѣлъ бы, пишетъ утромъ больной, поскорѣе выписаться отсюда, такъ какъ г-нъ докторъ настойчиво требуетъ, что бы я отрекся отъ своего прошлаго. Не могу же я пить воду забвенія изъ Леты и, право, большой вопросъ, кто изъ насъ сумасшедшій“.

Теперь, милостивые государи, я приступаю къ изложенію своихъ опытовъ, поставленныхъ мною за время пасхальныхъ каникулъ. Въ качествѣ объекта для эксперимента послужили 64 интеллигентныхъ лица различнаго возраста и пола. Я буду излагать полученные мною результаты постепенно, какъ они складывались у меня въ памяти, обращая вниманіе слушателей только на рѣзкія контурныя черты, игнорируя все случайное, неясное. Каждому лицу я въ 1) предлагалъ демонстрируемую здѣсь картинку съ просьбой усиленно вглядываться въ ней и, не отрывая отъ неё глазъ описать, что здѣсь изображено. На картинкѣ нарисованъ одинъ изъ глухихъ переулковъ Неаполя. Высокіе, какъ бы нагроможденные другъ на друга дома залиты солнечнымъ свѣтомъ. Окна, двери балконовъ тщательно занавѣшены отъ жгучихъ

лучей солнца; яркіе красочные пятна бороздятъ кой гдѣ виднѣющуюся зелень, играютъ на жалузи, черепицахъ, рѣзко оттѣняютъ углы и впадины стѣнъ. А внизу кипитъ повседневная жизнь. Хозяйки стираютъ бѣлье, приготовляются къ обѣду. Выстиранное бѣлье гирляндами переброшено съ одного балкона на другой. Картина незамысловатая, сюжетъ бѣденъ и все таки оказалось можно разсматривать её съ трехъ разныхъ точекъ зрѣнія. Вотъ наиболѣе рельефная характеристика каждой изъ нихъ.

Евгеній Б. медикъ 27 лѣтъ: Жаркій день. Видно, что раскаленныя стѣны, желѣзныя перила еще болѣе увеличиваютъ духоту, которая навѣрно царитъ въ этомъ закоулкѣ. Все населеніе спряталось въ комнаты. На улицу выходятъ только въ случаѣ крайней нужды и мы видимъ женщину, которая, закупивъ что то на рынкѣ спѣшитъ по раскаленной мостовой, чтобы поскорѣе избавиться отъ жары.

Алексѣй З. 29 лѣтъ, учитель.

На картинѣ изображена группа прачекъ и хозяекъ низшаго класса. Они занимаются своимъ повседневнымъ трудомъ. Сохнущее бѣлье, паръ отъ мытья, миазмы и сырость подвальныхъ этажей создаютъ навѣрное характерную атмосферу этого угла. Солнце врядъ ли освѣщаетъ даже первый этажъ.

Ольга П. 22 лѣтъ, художница.

Яркое солнце заливаетъ и стѣны домовъ и самую улицу. Его лучи переливаются на занавѣскахъ, обжигаютъ олеандры какъ бы колышатъ теплый и навѣрное влажный отъ дыханія моря воздухъ. Контрастность и переливы красокъ даютъ понять, что это мѣстечко въ Италіи.

Изъ 64 лицъ показанія были немедленно записаны у 60, при чемъ къ 1-ой характеристикѣ примкнуло 35 г. ко II-й 15, къ III 10. Ясно, что ни I-я, ни II, ни III не могли бы дать исчерпывающаго описанія всѣхъ деталей картины

2-я задача была нѣсколько для меня труднѣе. Требовалось опредѣлить среди изучаемой группы количественное отношеніе вышеупомянутыхъ типовъ памяти. Слѣдуя методу Рибо, я составилъ списокъ словъ, который и прочитывалъ каждому, съ просьбой дать мнѣ немедленно отвѣтъ: Какой образъ ассоціировался съ даннымъ словомъ? При малѣйшемъ признакѣ рефлексіи, заранѣе обдуманнаго отвѣта лицо исключалось изъ

списка испытуемыхъ. Такимъ образомъ изъ 64 показаній было выброшено 14. Остальные распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

Конкретный типъ. Слово связывается со зрительнымъ образомъ. Всего 23 наблюденій.

Примѣръ. Сергѣй И. медикъ 24.

наперстокъ . трудящаяся портниха,
вата . . . облака,
причина . . ничего,
камень. . . неправильный кусокъ яшмы,
растеніе . . засохшая трава,
смерть. . . черепъ,
счастье . . что то блестящее,
слава . . . Наполеонъ со сложенными руками,
бѣдность . . лохмотья,
жизнь . . . летящая птица.

Зрительно типографическій типъ.

Слово ассоціируется съ зрительнымъ представленіемъ напечатаннаго слова. 27 наблюденій.

Примѣръ: Борисъ П. филологъ 22 л.

наперстокъ . ничего,
причина . . слово на лѣвой страницѣ философіи Гефдинга,
вата . . . что то бѣлое,
камень . . текстъ на слав. языкѣ: „и ты Петръ“ и проч.
растеніе . . жизнь растеній Кернеръ Марилауна,
смерть. . . весьма неопредѣленное,
счастье . . опредѣленіе Спенсера,
слава . . . зрительн. впечатлѣніе слова „Наполеонъ“;
бѣдность . . прогрессъ и бѣдность Джорджа,
жизнь. . . „народная жизнь“ Приклонскаго,

Замѣтьте, что я не встрѣтилъ ни разу слухового типа быть можетъ потому, что въ той средѣ, откуда выбирались типы не было условій благопріятныхъ для развитія его; не

замѣтилъ двигательнаго типа Штрикера быть можетъ за трудностью уловить его. Какъ бы то ни бы я имѣлъ двѣ группы рѣзко очерченныя: именно 23 конкретнаго типа и 27 зрительнотипографическаго.

На прилагаемой (въ концѣ этой части Трудовъ) картинкѣ изображена переправа на паромѣ. Послѣдній только что отплылъ отъ берега. Одинъ крестьянинъ тянетъ канатъ. Другой сидитъ въ телѣгѣ. Берегъ покрытъ зеленой травой. По ней ведетъ дорога къ какой то избѣ. Вдали сосновый лѣсъ. Картинка отпечатана очень рѣзкими красками, наложенными весьма аляповато и грубо.

Нужно отмѣтить, что каждому я предлагалъ 10 строгоопредѣленныхъ вопросовъ:

1) Сколько лошадей стоитъ на паромѣ?
2) Что находится въ телѣгахъ?
3) Есть ли что нибудь на лугу по лѣвую сторону дороги?
4) Сколько строеній виднѣется на фонѣ картины?
5) Что дѣлаютъ крестьяне?
6) Окованы ли дуги у лошадей?
7) Имѣется ли у парома полъ?
8) Сколько изгибовъ дѣлаетъ дорога?
9) Какого цвѣта фуражка у стоящаго крестьянина?
10) Какого цвѣта волосы у другого крестьянина?

Разница между конкретнымъ и зрительнотипографическимъ типами ясна изъ приводимыхъ здѣсь примѣровъ, при чемъ отвѣты записаны стенографически и дословно.

Типъ конкретный. всего 23 чел.

Сергѣй И. медикъ 24 лѣтъ:

1) Лошадей на паромѣ три, двѣ бѣлаго и одна пѣгаго цвѣта.
2) Въ телѣгѣ сидитъ крестьянинъ въ красной рубахѣ, въ другой что то зеленое.
3) На лугу неясныя бѣлыя пятна, соединенныя съ травой красными полосками. Повидимому это гуси.
4) Два, крытыя соломенной крышей.
5) Два стоятъ у перилъ, одинъ сидитъ.
6) Не замѣтилъ.

7) Нѣтъ.
8) Одинъ.
9) Бѣлый верхъ.
10) Не замѣтно, потому что надѣта фуражка.

Типъ зрительно типографическій: всего 27 челов.

Владиміръ Б. статистикъ 29 лѣтъ.

1) 3 лошади.
2) Одна телѣга пустая, въ другой сидитъ, кажется, крестьянинъ.
3) Ничего нѣтъ.
4) Избъ, пять или четыре.
5) Что то дѣлаютъ у перилъ. Повидимому управляютъ паромомъ.
6) Да, окованы.
7) Нѣтъ.
8) Дорога ведетъ прямо къ деревнѣ.
9) Обыкновенная фуражка, черная, немного порыжѣлая отъ солнца.
10) Рыжіе.

Это наиболѣе отличныя другъ отъ друга наблюденія. Такихъ въ I группѣ было 7, во II-й 8. Изъ остальныхъ 8, три я выбросилъ, какъ неудавшіеся совершенно. 5 были тожественны. Въ I группѣ въ 75% къ числу всѣхъ предложенныхъ вопросовъ отвѣты формулировались: я видѣлъ; нѣтъ, не замѣтилъ; было двое, одинъ въ бѣлой, другой въ красной рубашкѣ. Словомъ свидѣтель констатировалъ только фактъ, что онъ видѣлъ или упустилъ изъ виду данное явленіе или же очень точно описывалъ цвѣтъ и форму его. Въ 25%: я думаю, что было только 3 лошади, на лугу вѣроятно камни. Крестьяне гребутъ, т. е. отвѣтъ давался по аналогіи. Зрительные образы обнимали только суть картины. Ея фонъ, ея мелочи вспоминались по ассоціаціи, путемъ сходства, смежности, путемъ безсознательнаго умозаключенія. Во II группѣ замѣчено обратное. I-го рода отвѣтовъ было 13%, второго рода 87%. Я думаю, что эти цифры сами говорятъ за себя Получивъ ихъ я сдѣлалъ такое умозаключеніе: Если зритель-

но типографическій типъ основываетъ свой процессъ воспоминанія въ большей своей части на умозаключеніи, то слѣдовательно онъ подвергается больше и внушаемости, его легче сбить при перекрестномъ допросѣ. Для того, чтобы прозѣрить это я выдѣлилъ изъ помѣченныхъ выше опросныхъ пунктовъ два именно № 3. Есть ли что нибудь на лугу по лѣвую сторону дороги? и № 5: что дѣлаютъ крестьяне? Мнѣ былъ важенъ выводъ, а не отдѣльное сообщеніе даннаго лица, отчего я и вопросы продлагалъ системно въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

I. Есть ли что нибудь на лугу по лѣвую сторону дороги?

II. Почему вы думаете, что вашъ отвѣтъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности?

III. Не обратили ли вы вниманіе, что берегъ обрывистый и покрытъ галькой. Судя величинѣ и цвѣту не предполагаете ли вы, что это валуны и камни.

1) Что дѣлаютъ крестьяне?
2) Для чего они собрались на одномъ концѣ?
3) Чѣмъ управляется паромъ?
4) Не замѣтили ли вы шестовъ въ рукахъ у крестьянъ?
5) Можетъ быть они гребутъ?

Я выбралъ именно эти два вопроса, потому что изъ 23 лицъ I группы 15 отвѣтили, что они видѣли что то бѣлое, неясное на лугу; крестьяне же стоятъ у перилъ, но что они дѣлаютъ опредѣленнаго отвѣта не дали. Изъ II группы (27 человѣкъ) я отобралъ показаніе 18 лицъ, которыя дали сходное показаніе. Такимъ образомъ составились 2 группы лицъ, первоначальныя показанія которыхъ были приблизительно сходны. Повторяю, что опросъ велся системно и только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ добавочнымъ вопросамъ въ виду неожиданнаго уклоненія въ сторону показаній опрашиваемаго. Цѣль была всегда одна убѣдить, что крестьяне гребутъ или отталкиваются шестами, вынудить признаніе, что на лугу разбросаны камни. Конечный выводъ слѣдующій: I группа. 3 человѣка согласились, что видѣли дѣйствительно камни. 12 остались при убѣжденіи, что изъ неясныхъ бѣлыхъ пятенъ можно конечно вывести, что угодно, но лично они видѣли только овальной формы предметы бѣлаго цвѣта и только. Во II группѣ 14 чел. согласились со мною и лишь 4 упорно

стояли на своемъ, увѣряя, что онъ ясно видитъ гусей, щиплющихъ траву.

Относительно работы крестьянъ въ I группѣ 12 описали очень точно положеніе рукъ у крестьянина, стоящаго у перилъ и, основываясь на зрительномъ представленіи положеніи его рукъ сдѣлали умозаключеніе, совпадающее съ дѣйствительностью, что вѣроятно паромъ причаленъ къ канату перекинутому черезъ рѣку. 3 категорически отрицали и шесты и весла. Во II й группѣ 6 отказалось дать болѣе полный отвѣтъ. 12 же очень скоро убѣдились въ существованіи шестовъ. Одинъ изъ нихъ далъ настолько характерный отвѣтъ, что я попросилъ, не выходя изъ комнаты записать его и привожу in extenso: „я замѣтилъ, что крестьянинъ и женщина стоятъ на правомъ концѣ парома около перилъ. Это навѣрное хозяева парома. Они съ усиліемъ работаютъ шестами чтобы помѣшать теченію снести паромъ. Послѣднее же навѣрно сноситъ паромъ на право, почему и крестьянамъ пришлось работать исключительно на этомъ же концѣ". Это яркій примѣръ мышленія зрительно типографскаго типа. Зрительный образъ не обнимаетъ собой всей картины. Путемъ аналогіи создается теченіе направо, шесты въ рукахъ у крестьянъ, хозяева и пр. На самомъ дѣлѣ направо одинъ крестьянинъ тянетъ канатъ; стоящая рядомъ съ нимъ женщина повидимому ничего не дѣлаетъ.

Такимъ образомъ внушенію поддались:

	по 1 вопросу	по 2 вопросу
изъ I группы	3 изъ 15	ни одного
изъ II группы	14 изъ 18	12 изъ 18.

Я началъ оперировать съ группой лицъ числомъ 64. Постепенно дробя ихъ на болѣе мелкія подраздѣленія, отбрасывая все негодное или могущее такъ или иначе полтасовать выводъ, я свелъ первоначальное число къ концу опытовъ къ 15. Это число по моему мнѣнію слишкомъ мало, что бы съ нимъ возможно было оперировать, дробя его на болѣе мелкія группы.

Поэтому я оставилъ открытымъ анализъ процессовъ памяти въ области привычныхъ представленій: для медика— исторіи болѣзней, данныя анатоміи, для юриста законы, и пр.

т. е. ту область гдѣ лицо на судѣ фигурируетъ уже не въ качествѣ свидѣтеля, а эксперта. Еще нѣсколько словъ о конечномъ выводѣ. Въ сущности моей задачей было показать, что анализъ психологическихъ процессовъ не такъ простъ, какъ можетъ показаться послѣ прочтенія реферата многоуважаемыхъ сочленовъ Завадскаго и Елистратова. Масса распадается на типы. Типы ростутъ, множатся, приспособляются къ условіямъ жизни. Каждый изъ нихъ особо реагируетъ, каждый слѣдуетъ своимъ собственнымъ закономъ. Центръ тяжести упомянутой работы лежалъ въ опытѣ съ картинкой. Субъекту показывали картинку и подробно распрашивали о деталяхъ разсмотрѣннаго. Отвѣты получались неточные. Почему? Это могло случится вслѣдствіе возможности цѣлаго ряда угловъ, точекъ зрѣнія, съ какой разсматривали данный пейзажъ. Это первое. Конкретный типъ запоминаетъ гораздо рѣзче, больше подробностей, чѣмъ зрительно типографическій, слуховой реагируетъ иначе, чѣмъ послѣдній и пр. Это второе. Степень вниманія можетъ колебаться у отдѣльныхъ индивидуумовъ, достигая большихъ розмаховъ у неврастениковъ. Это третье. Разные типы различно поддаются внушенію. Это четвертое.

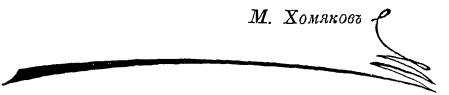
Степень воспоминанія, а слѣдовательно и степень достовѣрности свидѣтельскихъ показаній сильно колеблется въ зависимости, привычны ли для лица запоминаемыя представленія или нѣтъ. Это пятое.

Изслѣдованіе, игнорирующее всѣ эти факторы, не можетъ считаться научнымъ.

Милостивые государи! За послѣдніе 20—30 лѣтъ экономическій факторъ сыгралъ преобладающую роль ири объясненіи соціальныхъ явленій: общество всегда выдвигалось на первый планъ, при этомъ личность какъ то затушевывалось, стиралась. И слова, когда то властно звучавшія съ кафедры Казанскаго университета: Богъ, которому я поклоняюсь—это мой Богъ: благо, которое я осуществляю—мое благо. Все черезъ меня и все имѣетъ смыслъ лишь по скольку я живу, я этимъ интересуюсь, звучали рѣзкимъ диссонансомъ среди массового игнорированія субъективныхъ запросовъ и быть можетъ произносившій ихъ теперь уже покойный проф. Штеръ наиболѣе рѣзко чувствовалъ свою обособленность. Но время шло, центръ

тяжести перемѣстился. Идеей полицейскаго государства въ которомъ überall alles verboten перестали удовлетворяться. Переодѣнивалась этика, психологія бросила яркій свѣтъ на успѣвшія уже закостенѣть традиціонныя понятія, непогрѣшимыя мнѣнія, многозначительныя фразы которыми такъ богата юридическая догма. И сколько оказалось здѣсь ненужнаго, отжитаго, подчасъ безмысленно жестокаго. Поэтому пересмотръ основныхъ понятій нашей науки насущная потребность, ближайшая задача будущаго.

М. Хомяковъ



ОПРЕДѢЛЕНІЕ ВЛАДѢНІЯ ПО НАШЕМУ ПРОЕКТУ И ГЕРМАНСКОМУ УЛОЖЕНІЮ.

Рефератъ, прочитанный на засѣданіи 1 ноября 1903 г.

Вопросъ о владѣніи и его защитѣ является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ въ наукѣ гражданскаго права. Что такое владѣніе, является-ли оно фактомъ или правомъ, какое основаніе его защиты—всѣ эти вопросы вызвали такую обширную литературу, что изслѣдователь невольно становится въ затрудненіи передъ этой массой разнорѣчивыхъ мнѣній и одна другой противорѣчащихъ теорій. Тогда становятся понятными слова Беккера, заклинавшаго юристовъ ничего больше не писать о владѣніи. Но чѣмъ болѣе труднымъ и спорнымъ является этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе интереса представляетъ для насъ разрѣшеніе его новѣйшими кодексами—дѣйствующимъ уже Общимъ Германскимъ Уложеніемъ и нашимъ проектомъ. Но такъ какъ разсмотрѣніе всей теоріи владѣнія въ полномъ объемѣ положительно не могло бы умѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ простого реферата, то я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе только на одномъ изъ относящихся сюда вопросовъ—именно на опредѣленіи владѣнія и на тѣсно связаннымъ съ нимъ вопросѣ о защитѣ детенторовъ. При разсмотрѣніи этихъ вопросовъ я пользовался статьей Покровскаго „Владѣніе въ русскомъ проектѣ гражд. уложенія“ помѣщенной въ Ж. М. Ю. за 1902 г. и диссертаціей г. Трепицына „Переходъ права собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи и соглашенія“, въ которой авторъ съ

достаточной подробностью разсматриваетъ и вопросъ о владѣніи.

Что же такое владѣніе? Господствующая теорія опредѣляетъ его какъ фактическое господство лица надъ вещью съ намѣреніемъ имѣть ее для себя. Лица, имѣющія фактическое господство, но не имѣющія animus domini, какъ напримѣръ арендаторы, залогодержатели и др. считались по этой теоріи только детенторами и владѣльческой защитой не пользовались. Не смотря на многочисленную критику, первое мѣсто въ которой, несомнѣнно занимаетъ Іерингъ, теорія эта до послѣдняго времени почти всецѣло господствовала какъ въ законодательствахъ, такъ и въ литературѣ. Вылившись въ опредѣленную формулу, твердо увѣренная въ своей непреложной истинѣ, она не обращала никакого вниманія на голоса арендаторовъ и нанимателей, тщетно взывавшихъ о защитѣ, необходимость которой доказывала сама жизнь. Голоса эти раздавались все громче и громче, привлекали къ себѣ все больше и больше сочувствія, и вотъ наконецъ Германское Уложеніе 1900 г. впервые рѣшило выбросить изъ понятія владѣнія знаменитый animus и объявить владѣльцемъ, всякаго, имѣющаго фактическое господство надъ вещью. Но признавъ владѣльцами детенторовъ, Германское Уложеніе въ то-же самое время сохранило право владѣльческой защиты и за собственникомъ, отдавшимъ свою вещь въ держаніе. Въ результатѣ получилось раздѣленіе владѣнія на посредственное и непосредственное, въ видѣ собственности и не въ видѣ собственности, причемъ одна и та-же вещь въ одно и то же время могла быть въ посредственномъ владѣніи собственника и непосредственномъ владѣніи нанимателя. Это опредѣленіе владѣнія и 4-гранное раздѣленіе его на виды, даваемые Германск. Уложеніемъ вызвало ожесточенные нападки юристовъ различныхъ лагерей. Такъ мой многоуважаемый учитель Г. Ф. Шершеневичъ и авторъ предстоящей диссертаціи Г. Треницынъ, исходя изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, соглашаются въ томъ, что признаютъ вышеприведенное опредѣленіе Герм. Уложенія неудовлетворительнымъ. Первый говоритъ, что если отличіе держанія отъ владѣнія смущало нѣкоторыхъ съ той стороны, что оно совершенно недоступно человѣку, не получившему юридическаго образованія и не способному понять, почему воръ, а не арендаторъ, пользуется

влад. защитой, то теперь можно серьезно опасаться, въ состояніи-ли будутъ юристы уловить тѣ виды и оттѣнки владѣнія, какіе принуждено было создать Германск. Уложеніе, сойдя съ прежней почвы. Какъ можно допустить, прибавляютъ другіе сторонники господствующей теоріи, существованіе двухъ владѣній одной и той-же вещью, въ спорѣ между ними, которому слѣдуетъ отдать предпочтеніе и на какомъ основаніи? Какое преимущество создавать для давностнаго и поссессорнаго владѣнія различныя понятія, когда раньше было одно?

Г. Трепицынъ считаетъ рѣшеніе вопроса о владѣніи Герм. Улож. также неудовлетворительнымъ, но совершенно по другимъ основаніямъ. Практически онъ совершенно согласенъ съ Покровскимъ, что какъ наниматель, такъ и собственникъ, отдавшій вещь въ наймы должны пользоваться поссессорной защитой, но теоретически онъ считаетъ неправильнымъ называть послѣднее лицо владѣльцемъ, такъ какъ посредственное фактическое господство надъ вещью есть совершенно несоединимое понятіе, есть безполезная, условная ложь юриспруденціи. Ради точности научной терминологіи онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ установить въ законѣ только одинъ видъ владѣнія въ техническомъ смыслѣ слова, именно владѣніе реальное или дѣйствительное, т. е. такое, какое имѣютъ закладопринимателя, коммодатаріи и др., а также, конечно и собственникъ, когда вещь находится въ его дѣйствительномъ обладаніи. Но законъ долженъ также сказать, что владѣльческую защиту имѣютъ не только владѣльцы, но и тѣ лица, отъ которыхъ владѣльцы получили то или другое имущество въ свое обладаніе. Но, такъ какъ пріобрѣсти право собственности по давности можетъ и тотъ, кто отдалъ это имущество въ наемъ, то сообразно съ вышеприведеннымъ измѣненіемъ въ понятіи владѣнія, должны быть соотвѣтственно измѣнены и статьи о давности. Для пріобрѣтенія права собственности по давности, надо въ теченіи извѣстнаго времени и при извѣстныхъ условіяхъ относиться къ вещи такъ, какъ къ ней относился-бы собственникъ, нужно Thatsächlichkeit des Eigenthums, а не владѣніе.

Вы видите, М. г., изъ какихъ противоположныхъ точекъ зрѣнія исходятъ обѣ стороны—одни видятъ ошибку Германск. Уложенія въ томъ, что оно покинуло господствующую точку зрѣнія и дало защиту держателямъ, а другіе, наоборотъ, въ

томъ, что оно наравнѣ съ нанимателемъ, считаетъ владѣльцемъ и собственника, отдавшаго вещь въ наймы. Что-же касается до меня, то я вполнѣ согласенъ съ критикой, что опредѣленіе владѣнія, даваемое Германскимъ Уложеніемъ, нѣсколько неудовлетворительно, но причину этой неудовлетворительности надо искать совсѣмъ не тамъ, гдѣ ее находитъ критика. Въ чемъ заключается эта причина, объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь обратимся къ доводамъ обѣихъ партій.

1) Германское Уложеніе различаетъ владѣніе въ видѣ собственности и не въ видѣ собственности, причемъ для пріобрѣтенія права собственности по давности необходимо владѣніе въ видѣ собственности. Какое преимущество, говорятъ намъ, создавать для давностнаго и поссессорнаго владѣнія два различныхъ понятія, когда ранѣе было одно?

Отвѣтъ по моему очевиденъ. Основаніе и цѣль обоихъ институтовъ рѣзко различаются между собой—основаніе одного устраненіе продолжительной неопредѣленности юридическихъ отношеній, основаніе другого дать легкую и быструю защиту извѣстнымъ лицамъ, поэтому вполнѣ понятно, что для наличности одного законъ требуетъ однихъ условій, а для наличности другого—другихъ. Насколько вполнѣ понятно и согласно съ требованіями жизни дать владѣльческую защиту арендатору, настолько было-бы нецѣлесообразнымъ дать ему возможность пріобрѣсти по давности право собственности на арендованную имъ вещь. Тогда какъ ранѣе для достиженія двухъ совершенно различныхъ результатовъ требовалась наличность одинаковыхъ условій—въ настоящее время законъ пришелъ къ тому убѣжденію, что разъ цѣли этихъ институтовъ различны, то и условія для достиженія ихъ могутъ быть различны. И въ этомъ различеніи разнороднаго и лежитъ преимущество раздѣленія владѣнія давностнаго отъ поссессорнаго. И это различіе давностнаго владѣнія отъ поссессорнаго вовсе не является нововведеніемъ, оно уже давно существуетъ, такъ какъ по иностран. законодательствамъ для давностнаго владѣнія требуется bona fides и justus titulus и отсутствіе этихъ двухъ условій справедливо ставится въ упрекъ русскому праву, а между тѣмъ никто не станетъ настаивать, чтобы для поссессорнаго владѣнія также требовались bona fides и justus titulus.

2) Что же касается до раздѣленія владѣнія на посредственное и непосредственное, то я вполнѣ соглашаюсь съ критикой, что посредственное фактическое господство надъ вещью есть понятіе искусственное и заключающее въ себѣ самомъ противорѣчіе. Соглашаюсь я также, что вещь не можетъ быть въ одно и то же время въ фактическомъ господствѣ двухъ лицъ, но, по моему мнѣнію, какъ это ни кажется страннымъ, господствующая теорія сама допускала и то другое, поэтому не ей упрекать Германское Уложеніе въ этихъ недостаткахъ.

Господствующая теорія опредѣляетъ владѣніе, какъ фактическое господство надъ вещью съ намѣреніемъ имѣть ее для себя. Детенторъ отличается отъ владѣльца тѣмъ, что имѣя фактическое господство, corpus possessionis, не имѣетъ намѣренія имѣть вещь для себя, не имѣетъ animus domini. Положимъ, собственникъ отдалъ свою вещь въ аренду, ясно, что фактическое господство имѣетъ наниматель, но владѣльцемъ остается собственникъ. Но, позвольте, скажете Вы, вѣдь онъ имѣетъ только animus, фактическаго господства у него нѣтъ, оно у нанимателя. Но господствующая теорія увѣряетъ Васъ, что у него есть и фактическое господство, но что это фактическое господство надо понимать въ широкомъ смыслѣ слова. въ какомъ именно смыслѣ, юристы опредѣляютъ различно: одни только въ смыслѣ возможности фактическаго распоряженія, другіе въ смыслѣ custodia, однимъ словомъ вообще въ смыслѣ не реальнаго фактическаго господства, а это, по моему, совершенно равносильно посредственному фактическому господству, вводимому Германскимъ Уложеніемъ. Кромѣ того, признавъ, что у собственника имѣется фактическое господство, (въ широкомъ смыслѣ слова) господствующая теорія не можетъ не признать, что у детентора также имѣется фактическое господство, только безъ animus domini. Такимъ образомъ мы видимъ, что и господствующая теорія допускала возможность существованія фактическаго господства на вещь у двухъ лицъ одновременно, только она давала защиту одному изъ нихъ, который имѣлъ animus, а Германское уложеніе даетъ защиту имъ обоимъ. А вся нелогичность Германскаго Уложенія, по моему, и заключается въ томъ, что оно допускаетъ фактическое господство двухъ лицъ одной вещью и такимъ образомъ вводитъ искусственное понятіе посредственнаго фак-

гическаго господства, а не въ томъ, что она даетъ владѣльческую защиту и нанимателю и собственнику, отдавшему вещи въ наймы, такъ какъ на возможность такой двойной защиты указываютъ, по справедливому замѣчанію Покровскаго, безспорныя потребности жизни. Какъ-же должна регулироваться эта защита между ними, объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Итакъ по поводу возраженій господствующей школы я пришелъ къ тому выводу, что Германское Уложеніе своимъ многосложнымъ раздѣленіемъ ничего новаго не внесло, и что раздѣленіе владѣнія на посредственное и непосредственное вызвано не признаніемъ владѣльцами детенторовъ, а признаніемъ владѣльцами собственниковъ, отдавшихъ свою вещь въ держаніе, въ связи съ опредѣленіемъ владѣнія, какъ фактическаго господства лица надъ вещью, то есть тѣмъ, что признавалось и господствующей теоріей.

3) Съ мнѣніемъ г. Трепицына я также не могу согласиться. Его предположеніе не только не устанавливаетъ научной терминологіи, но наоборотъ, совершенно не даетъ юридическаго опредѣленія владѣнія. Дать юридическое опредѣленіе значитъ соединить въ одно различныя условія, совокупность которыхъ способна вызвать опредѣленный рядъ юридическихъ послѣдствій. Если мы соединимъ рядъ условій такъ, что онъ можетъ вызвать требуемыя юридическія послѣдствія, но въ то-же время можетъ существовать сочетаніе другихъ условій, которое также вызываетъ этотъ рядъ послѣдствій, то значитъ наше опредѣленіе не полно. Если мы положимъ опредѣлимъ завѣщаніе, какъ законное нотаріальное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти, будетъ-ли это опредѣленіе полнымъ? Очевидно нѣтъ, такъ какъ по русскому праву всѣ послѣдствія завѣщанія вызываетъ и домашнее законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай смерти.

Совершенно также поступаетъ и г. Трепицынъ, опредѣляя владѣніе, какъ фактическое господство лица надъ вещью, и тутъ-же добавляя, что владѣльческой защитой должно пользоваться также и лицо, не имѣющее фактическаго господства надъ вещью. Его опредѣленіе можетъ имѣть значеніе въ смыслѣ экономическомъ или житейскомъ, но не будетъ опредѣленіемъ юридическимъ, а оно именно и важно для насъ. Самъ г. Трепицынъ справедливо замѣчаетъ, что обыден-

ная рѣчь не имѣетъ значенія для юриста, такъ какъ она слишкомъ не точна и измѣнчива. Но Трепицыну ничего другого не оставалось, разъ онъ считаетъ незыблемымъ опредѣленіе владѣнія, какъ фактическаго господства.

Такимъ образомъ причина неудовлетворительности опредѣленія владѣнія Германскимъ Уложеніемъ лежитъ, по моему мнѣнію, не въ томъ, что оно, устранивъ animus domini, на ряду съ собственниками защищаетъ и держателей, и не въ томъ, что оно признаетъ владѣльцами собственниковъ, отдавшихъ свою вещь въ держаніе, а въ томъ, что оно опредѣляетъ владѣніе, какъ фактическое господство лица надъ вещью. Давъ владѣльческую защиту наравнѣ съ собственникомъ и нанимателю и опредѣливъ владѣніе, какъ фактическое господство лица надъ вещью, Германское Уложеніе волей неволей принуждено было создавать такія искусственныя понятія какъ посредственное фактическое господство лица надъ вещью,

II. Теперь обратимся къ проекту.

Ст. 136 говоритъ: „Владѣніе пріобрѣтается поступленіемъ имущества во власть лица съ намѣреніемъ его владѣть имуществомъ для самаго себя".

а) Составители проекта въ объясненіяхъ къ этой статьѣ замѣчаютъ, что опредѣленіе объективнаго момента владѣнія, какъ фактическаго господства лица надъ вещью, неудачно, такъ какъ не подходитъ къ огромному большинству случаевъ владѣнія. Поэтому они замѣняютъ его выраженіемъ „поступленіемъ имущества во власть", какъ болѣе эластичнымъ и широкимъ. Я, съ своей стороны, нахожу его не болѣе пригоднымъ, чѣмъ то, которое составители проекта желаютъ замѣнить, какъ неудобное и опасное. Во первыхъ это опредѣленіе также не избѣгаетъ тѣхъ самыхъ упрековъ, которые Іерингъ дѣлалъ „фактическому господству". Какую власть имѣетъ владѣлецъ надъ гостинницей въ альпійскихъ горахъ, или какую власть имѣетъ хозяинъ надъ бѣглымъ рабомъ? Во вторыхъ слово „власть" употребляется въ двоякомъ смыслѣ— или въ смыслѣ фактическаго господства лица надъ вещью, и тогда оно равнозначуще съ тѣмъ опредѣленіемъ, которое проектъ пытается замѣнить, какъ непригодное—или въ юридическомъ значеніи, въ смыслѣ имѣть право на вещь, имѣть воз-

можность ее дарить, продавать и закладывать, а такое значеніе совершенно непримѣнимо къ владѣнію.

б) Какъ видно изъ 136 ст. Проектъ держится господствующей теоріи, необходимости для владѣнія animus domini, и въ объясненіяхъ къ этой статьѣ составители подробно развиваютъ мысль о необходимости различія между detentio и владѣніемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе производитъ неожиданное заявленіе составителей, что сравненіе владѣнія не въ видѣ собственности съ настоящимъ владѣніемъ приводится обыкновенно въ видахъ предоставленія и простому держателю защиты посредствомъ владѣльческаго иска. Ст. 137 гласитъ: „Кто владѣетъ имуществомъ, какъ своимъ собственнымъ, тотъ имѣетъ владѣніе самостоятельное, въ видѣ собственности. Всякое иное владѣніе въ силу вотчиннаго или договорнаго права признается производнымъ. Одно и то же имущество можетъ быть въ самостоятельномъ владѣніи одного лица и вмѣстѣ съ тѣмъ въ производномъ владѣніи другого лица". Ст. 140—„Всякое, даже незаконное владѣніе защищается".

Нельзя не согласиться съ Покровскимъ и Трепицынымъ, что постановленія Проекта являются въ высшей степени нелогичными. Во первыхъ, разъ для владѣнія требуется „animus domini", то какое же можетъ быть раздѣленіе владѣнія на самостоятельное и производное, да и вообще какой смыслъ вводить теоретически въ понятіе владѣнія „animus domini", когда онъ на практикѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ владѣльцами считаются и пользуются защитой и держатели, не имѣющіе этого animus.

Но, можетъ быть, вводя въ понятіе владѣнія „animus domini", Проектъ избѣжалъ того подраздѣленія владѣнія на виды, противъ котораго такъ возстаютъ многіе юристы, достигая тѣхъ же практическихъ результатовъ. По моему нѣтъ, раздѣленіе владѣнія на посредственное и непосредственное, въ видѣ собственности и не въ видѣ собственности существуетъ и въ проектѣ, только нѣсколько въ другомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы проектъ ограничился раздѣленіемъ владѣнія только на самостоятельное (въ видѣ собственности), и производное (не въ видѣ собственности) тогда-бы получился слѣдующій результатъ: 1) Владѣлецъ въ видѣ собственности, имѣющій власть надъ вещью, пользовался бы защитой, 2) наниматель имѣющій власть надъ

вещью также пользовался бы защитой, 3) ну, а владѣлецъ въ видѣ собственности, отдавшій свою вещь въ наемъ, пользовался ли бы защитой? По моему нѣтъ, такъ какъ разъ въ данномъ случаѣ власть надъ вещью имѣетъ наниматель, то онъ и считается владѣльцемъ, а у собственника этой власти нѣтъ. Германское Уложеніе устранило это затрудненіе, сказавъ, что физическое господство можетъ быть посредственнымъ и непосредственнымъ—Проектъ поступаетъ также, онъ заявляетъ, что одна и та-же вещь можетъ быть во власти двухъ лицъ во владѣніи производномъ и во владѣніи самостоятельномъ.

Такимъ образомъ нашъ проектъ по существу ничѣмъ не отличается отъ Германскаго Уложенія, а съ формальной стороны всѣ его нововведенія заключаются: 1) въ замѣнѣ словъ „фактическое господство", „поступленіемъ во власть", что, по моему, нисколько не улучшаетъ дѣло—какъ нельзя представить себѣ фактическое господство двухъ лицъ одной вещью, такъ нельзя себѣ представить, чтобы одна и та же вещь находилась въ одно и то же время во власти двухъ лицъ; 2) избѣгая на видъ раздѣленія владѣнія на посредственное и непосредственное, онъ на самомъ дѣлѣ, допуская существованіе двухъ владѣній одной вещью, проводитъ это различіе, и наконецъ 3) требуя для владѣнія animus possidendi, проектъ вдалъ въ рядъ противорѣчій. Какъ справедливо замѣтилъ Покровскій, выраженіе „съ намѣреніемъ владѣть для самого себя" является въ высшей степени темнымъ и неяснымъ, а изъ объясненія къ проекту также нельзя вывести яснаго вывода, какого рода воли требуетъ проектъ, если онъ понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ римское animus domini, то получается, какъ мы выше видѣли, противорѣчіе съ предоставленіемъ защиты производнымъ владѣльцамъ, если-же онъ понимаетъ эти слова широко, въ смыслѣ вообще намѣренія пользоваться вещью въ своемъ интересѣ, независимо отъ намѣренія имѣть вещь въ своей собственности, то какъ справедливо опять говоритъ Покровскій, тогда, давъ защиту арендатору, придется отказать въ защитѣ лицу, кому вещь отдана на сохраненіе, на коммиссію, для исполненія порученія и т. п., а по моему, это являлось бы еще болѣе несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ, чѣмъ лишать этой защиты нанимателя и арендатора. Кромѣ всего этого Покровскій указываетъ, что вводя въ понятіе владѣнія принципъ „animus, по-

нимая его даже въ широкомъ смыслѣ воли, намѣренія имѣть вещь. хотя бы и не для себя, то тогда останутся лишенными владѣльческой защиты дѣти, душевнобольные, а также, напримѣръ, всѣ тѣ, которые не знаютъ, что вещь находится въ сферѣ ихъ господства. Напримѣръ, у меня на дворѣ находится вещь, попавшая туда безъ моего вѣдома. Забравшійся ко мнѣ воръ схватилъ ее, но я застаю его какъ разъ въ этотъ моментъ—должны-ли мы отдать предпочтеніе вору передъ тѣмъ лицомъ, въ сферѣ господства котораго вещь находится? Или кто-то по ошибкѣ, вмѣсто своего пальто положилъ свой кошелекъ въ мое пальто. Я, ничего не зная объ этомъ, иду по улицѣ и чувствую, что ко мнѣ въ карманъ забралась рука и шаритъ въ немъ, я схватываю эту руку и нахожу въ ней извѣстный мнѣ кошелекъ моего знакомаго. Если я отниму кошелекъ, совершу-ли я этимъ запрещенное самоуправство? Ребенокъ покупаетъ себѣ въ лавочкѣ лакомства, дѣти набрали въ лѣсу грибовъ—неужели ихъ можно оставить беззащитными, такъ какъ они, не имѣя юридической волеспособности, не могутъ пріобрѣсти владѣніе. Съ этими замѣчаніями г. Покровскаго соглашается и Трепицынъ.

Что-же касается до меня, то мнѣ кажется, что проф. Покровскій стоитъ на неправильной точкѣ зрѣнія. Отсутствіе владѣльческой защиты въ выше приведенныхъ примѣрахъ зависитъ вовсе не отъ введенія „animus“ въ понятіе владѣнія. Попробуемъ откинуть этотъ animus и у насъ получится, что „владѣніе пріобрѣтается съ поступленіемъ имущества во власть лица“, или по опредѣленію германскаго уложенія, „въ фактическое господство лица“. Что-же, получатъ тогда эти лица (дѣти душевно-больные и незнающіе о своемъ владѣніи) владѣльческую защиту? По моему твердому убѣжденію, нѣтъ, не получатъ, потому что оба понятія „власта“ и „господства“ всегда предполагаютъ у субъекта наличность воли. Можно ли сказать, что лицо, у котораго въ карманѣ, лежитъ безъ его вѣдома чужой кошелекъ, имѣетъ власть или господство надъ этимъ кошелькомъ, ясно что нѣтъ. Власть или господство предполагаютъ возможность со стороны субъекта этой власти воздѣйствовать на вещь по своему усмотрѣнію, но какъ-же онъ можетъ воздѣйствовать, когда онъ не знаетъ и о существованіи этой вещи. Также дѣло обстоитъ съ дѣтьми и душевно-больными—разъ у нихъ законъ предполагаетъ отсут-

ствіе воли, то они не могутъ имѣть и власти или господства, слѣдовательно и согласно этой теоріи не могутъ пріобрѣсти владѣнія. Нѣмецкій юристъ Козакъ говоритъ по этому поводу, что пріобрѣтеніе владѣнія не подлежитъ правиламъ юридическихъ сдѣлокъ, здѣсь должна быть принимаема во вниманіе естественная, натуральная воля, а не воля, которая имѣетъ значеніе въ юридическихъ сдѣлкахъ. Но съ этимъ я не могу согласиться—владѣніе есть право и для пріобрѣтенія его нужна такая-же дѣеспособность, какъ и для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ правъ. Но тотъ-же Козакъ вполнѣ согласно съ моимъ мнѣніемъ, говоритъ, что хотя владѣніе по Германскому праву и есть фактическое господство, но для пріобрѣтенія его нужна воля со стороны пріобрѣтателя, такъ какъ господство всегда предполагаетъ волю. Поэтому, продолжаетъ Козакъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мы пріобрѣтаемъ владѣніе надъ всѣми вещами, которыя попадутъ безъ нашего вѣдома въ нашъ домъ—я не пріобрѣтаю владѣнія надъ галошами, которыхъ посѣтитель оставилъ на моемъ подъѣздѣ, разъ я ничего не знаю о ихъ существованіи. Но, продолжаетъ Козакъ, во многихъ случаяхъ эта воля пробрѣсти владѣніе само собой предполагается, даже безъ вѣдома пріобрѣтателя—напр. украденная у меня собака сама возвращается ко мнѣ ночью, когда я спалъ. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ то, что Покровскій и Трепицынъ совершенно напрасно въ данномъ случаѣ упрекаютъ нашъ проектъ въ томъ, что онъ вноситъ въ понятіе владѣнія элементъ воли и вслѣдствіе этого лишаетъ владѣльческой защиты вышеупомянутыхъ лицъ. Мы видѣли, что если мы и устранимъ „animus“ изъ опредѣленія владѣнія, то воля вообще все-же останется и получатся тѣ-же самыя послѣдствія, по отношенію къ приводимымъ г. Покровскомъ примѣрамъ. Если-же вообще неправильно и нецѣлесообразно лишать этихъ лицъ владѣльческой защиты, то бороться съ этимъ надо другими мѣрами, направленными противъ причинъ, дѣйствительно вызвавшихъ эти послѣдствія.

1) Причина беззащитности дѣтей и душевнобольныхъ лежитъ вовсе не въ томъ, что для пріобрѣтенія владѣнія проектомъ требуется воля, а въ томъ, что они сами признаны закономъ недѣеспособными, не имѣющими воли. Поэтому разъ мы признаемъ желательнымъ дать имъ такую защиту, то надо не устанавливать такое опредѣленіе для владѣнія, въ которомъ

бы воля устранялась совершенно, а наоборотъ признать ихъ дѣеспособными, имѣющими волю въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это будетъ признано желательнымъ. Что касается дѣтей, то я вполнѣ согласенъ съ проф. Покровскимъ, что въ приведенныхъ имъ примѣрахъ (дѣти, набравшія грибовъ или купившія въ лавочкѣ лакомства) совершенно нецѣлесообразно отказывать имъ въ владѣльческой защитѣ. Въ русской литературѣ давно уже раздаются голоса въ пользу признанія за малолѣтними извѣстнаго рода дѣеспособности на заключеніе обыденныхъ ежедневныхъ сдѣлокъ, да и на практикѣ строгое правило закона о ихъ полной недѣеспособности совершенно не примѣняется—мы ежедневно видимъ дѣтей, покупающихъ хлѣбъ, лакомства и др. вещи въ лавкахъ. Поэтому, въ этихъ размѣрахъ ихъ дѣеспособность и должна быть расширена, но только въ этихъ размѣрахъ, но не безусловно, такъ какъ насколько справедливо запрещать отнимать у ребенка, собранные имъ грибы или купленныя въ лавочкѣ лакомства, настолько было бы нецѣлесообразно запретить отнять у ребенка играющаго на улицѣ бритву или какое-нибудь ядовитое вещество. Такого-же взгляда держится и Козакъ относительно Герм. Уложенія, который говоритъ что нельзя безусловно лицъ недѣеспособныхъ лишать владѣльческой защиты, ее нужно предоставить имъ когда дѣло идетъ о съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ и т. п. То-же самое слѣдуетъ сказать и о душевнобольныхъ.

Относительно же послѣдней категоріи лицъ, приводимыхъ Покровскимъ, какъ не пользующихся по проекту владѣльческой защитой лицъ не знающихъ о поступленіи въ ихъ власть той или другой вещи, то я вполнѣ соглашаюсь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. въ тѣхъ, которые приводитъ Покровскій, было-бы вполнѣ цѣлесообразно признать ихъ владѣльцами, но причину ихъ беззащитности, по моему мнѣнію, не устраняетъ выключеніе изъ понятія владѣнія „намѣренія имѣть вещь для себя“. Я уже выше указывалъ, что если мы и примемъ опредѣленіе владѣнія, даваемое Германскимъ Уложеніемъ, то результатъ получится тотъ-же самый. Но мнѣ могутъ возразить, что Германское Уложеніе защищаетъ однако этихъ лицъ. Я обращаюсь снова къ Козаку—„не можетъ быть и рѣчи, говоритъ, нѣмецкій юристъ, что мы пріобрѣтаемъ владѣніе всѣми вещами, попавшими безъ нашего вѣдома въ наше

жилище,—галоши, которыя кто-то оставилъ въ моихъ сѣняхъ не попадаютъ въ мое владѣніе, но въ нѣкоторыхъ, довольно многочисленныхъ случаяхъ, эта воля господствовать сама собой подразумѣвается—напр. украденная у меня собака ночью во время моего сна возвращается ко мнѣ въ домъ".

Такимъ образомъ, чтобы дать владѣльческую защиту этимъ лицамъ Германское уложеніе прибѣгаетъ къ фикціи, къ предположенію, что лицо дѣйствительно имѣетъ волю господства, причемъ для насъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, въ какихъ случаяхъ эта воля предполагается, а въ какихъ не предполагается, а въ частности можно-ли предположить эту волю въ примѣрахъ, приводимыхъ Покровскимъ, или нельзя.

Итакъ, какъ Германск. Улож. такъ и проектъ значительно расширяютъ понятіе владѣнія, давая поссессорную защиту не только собственнику, но и простымъ держателямъ. Однако не всякій держатель долженъ пользоваться защитой. Еще Іерингъ въ Besitzwille указывалъ, что нецѣлесообразно признать владѣлицей служанку, которая запираетъ передъ носомъ хозяевъ дверь дома, и запретить послѣднимъ подъ страхомъ наказанія взломать двери и выгнать ее. Также нецѣлесообразно признать владѣльцемъ конюха, которому я поручилъ подержать лошадь, носильщика, котораго я нанялъ отнести мой чемоданъ въ гостинницу или господина, взявшаго у меня бинокль въ театрѣ не на долго. Исключаетъ этихъ лицъ изъ числа владѣльцевъ и Герм. Улож., опредѣляя (ст. 855): „если кто-либо осуществляетъ господство надъ вещью въ интересахъ другого лица, въ его домѣ, или въ его предпріятіи, или при подобныхъ тому условіяхъ, при которыхъ онъ долженъ подчиняться указаніямъ другого лица относительно вещи, то владѣльцемъ признается только то другое лицо". Нашъ проектъ такого исключенія не знаетъ—онъ лишаетъ вышеупомянутыхъ лицъ владѣнія другимъ путемъ—вводя въ опредѣленіе владѣнія понятіе „animus", а насколько этотъ путь цѣлесообразенъ и къ какимъ послѣдствіямъ онъ приводитъ, объ этомъ мы говорили выше.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, къ какимъ послѣдствіямъ привело признаніе существованія двухъ владѣльцевъ въ одно и то-же время одной вещью, и какъ регулируетъ законъ принадлежащее имъ право защиты по отношенію къ третьимъ лицамъ и между ними самими.

По поводу отношенія этихъ двухъ владѣльцевъ къ третьимъ лицамъ Покровскій утверждаетъ, что по Герм. праву prima facie защитой пользуется владѣлецъ непосредственный; однако если этотъ послѣдній защищать свое владѣніе не захочетъ или не сможетъ, то въ правѣ требовать возстановленія владѣнія и владѣлецъ посредственный. Это положеніе Покровскій находитъ неудовлетворительнымъ, такъ какъ хозяинъ, по его мнѣнію, является слишкомъ уже отодвинутымъ на второй планъ своимъ арендаторомъ, вслѣдствіе чего его владѣніе оказывается нерѣдко беззащитнымъ. По мнѣнію Покровскаго цѣлесообразнѣе было-бы дать защиту обоимъ рядомъ и примѣнить принципъ солидарности.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что если-бы посредственный владѣлецъ могъ пользоваться владѣльческой защитой только тогда, когда непосредственный владѣлецъ самъ защищаться не сможетъ, или не захочетъ, то его право защиты въ большинствѣ случаевъ сводилось-бы къ нулю, такъ какъ выраженія „если не захочетъ или не сможетъ", являются настолько неопредѣленными и растяжимыми, что при желаніи непосредственный владѣлецъ всегда могъ-бы лишить посредственнаго его права пользоваться поссессорной защитой. Но, по моему мнѣнію, Покровскій совершенно произвольно приписываетъ Герм. Уложенію такое постановленіе: ст. 869 на которую онъ указываетъ, говоритъ, что владѣльческіе иски принадлежатъ и посредственному владѣльцу; въ случаѣ захвата владѣнія другимъ лицомъ, посредственный владѣлецъ можетъ требовать возстановленія владѣнія прежняго владѣльца: если-же послѣдній не захочетъ или не сможетъ вновь вступить во владѣніе, то посредственный владѣлецъ можетъ потребовать, что бы владѣніе было предоставлено ему самому. Мнѣ кажется изъ этой статьи совершенно ясно вытекаетъ, что посредственный владѣлецъ можетъ требовать возстановленія владѣнія въ пользу непосредственнаго, только когда онъ не захочетъ или не сможетъ принять владѣніе, оно возвращается ему самому, но что само право подачи владѣльческаго иска посредственнаго владѣльца зависитъ отъ желанія или нежеланія владѣльца непосредственнаго—на это нигдѣ нѣтъ никакихъ указаній. Также и Козакъ говоритъ, что владѣльческіе иски принадлежатъ обоимъ владѣльцамъ рядомъ, на принципѣ солидарности.

Что-же касается до ихъ отношенія между собой, то хотя Герм. Уложеніе и не рѣшаетъ прямо этого вопроса, но изъ смысла всѣхъ статей о владѣніи, въ которыхъ говорится, что непосредственный владѣлецъ имѣетъ защиту противъ всякихъ нарушеній, тогда какъ ст. 869 говоритъ о защитѣ посредственнаго владѣльца только противъ третьихъ лицъ, вытекаетъ то положеніе, что непосредственный владѣлецъ имѣетъ право защиты и противъ посредственнаго владѣльца, тогда какъ послѣдній противъ перваго защиты не имѣетъ. Германская критика, съ которой вполнѣ согласенъ и Покровскій, считаетъ такое рѣшеніе неудовлетворительнымъ и указываетъ на необходимость предоставить владѣльческую защиту и посредственному владѣльцу: арендаторъ имѣнія рубитъ лѣсъ, ломаетъ ломъ, спускаетъ прудъ и т. д.—во всѣхъ этихъ случаяхъ защита изъ контракта, безъ сомнѣнія, слишь и рядомъ будетъ недостаточна. Но въ какихъ-же случаяхъ слѣдуетъ дать защиту посредственному владѣльцу противъ непосредственнаго, какъ согласовать ихъ обоюдное право защиты другъ противъ друга? Покровскій съ Трепицинымъ по моему совершенно основательно разрѣшаютъ его. По ихъ мнѣнію въ каждый данный моментъ существуетъ извѣстное установившееся отношеніе того и другого лица на вещи; это отношеніе и есть тотъ фактъ, который съ точки зрѣнія гражданскаго мира и порядка долженъ быть охраненъ отъ всякаго произвола и насилія. „Конечно весьма возможно“, говоритъ Трепицынъ, „что на всѣ указанныя дѣйствія непосредственный владѣлецъ имѣетъ несомнѣнное право, и я, явившись съ поссессорной защитой, незаконнымъ образомъ безъ всякаго основанія помѣшаю ему осуществить его право. Но вѣдь совершенно-же одинаково возможно и обратное положеніе дѣла. Здѣсь то и выясняется главный смыслъ поссессорной защиты: наличное положеніе дѣлъ должно быть сохраняемо, а если оно не соотвѣтствуетъ праву, то заинтересованнымъ лицамъ представляется итти въ судъ и тамъ разбираться въ своихъ правахъ окончательно. Подъ этими словами Покровскаго и Трепицына подписываюсь и я.

Теперь обратимся къ проекту. Допуская возможность существованія двухъ владѣльцевъ вмѣстѣ на одну и ту-же вещь, проектъ нигдѣ не говоритъ, какъ регулируется ихъ право защиты по отношенію къ третьимъ лицамъ. Изъ чего можно

заключить, оба они имѣютъ право вмѣстѣ на началахъ солидарности. Но умолчаніе это является все-же значительнымъ пробѣломъ въ законѣ, такъ какъ оставляетъ не разрѣшеннымъ также вопросъ, кому должна быть возвращена вещь по иску самостоятельнаго владѣльца, ему-ли самому, или производному владѣльцу.

Что же касается до отношенія между ними самими, то ст. 145 говоритъ, что оба владѣльца не имѣютъ другъ противъ друга владѣльческой защиты, а между ними можетъ быть лишь споръ о нарушеніи той либо другой стороной заключеннаго ими договора. Составители Проекта мотивируютъ свое рѣшеніе слѣдующими соображеніями: 1) Между самостоятельными и производными владѣльцами можетъ быть споръ лишь о томъ, не вышелъ-ли тотъ или другой изъ предѣловъ тѣхъ отношеній къ имуществу, которыя предоставлены были каждому по договору, поэтому о владѣльческомъ искѣ противъ владѣльца-же не можетъ быть и рѣчи. 2) Нѣтъ никакой практической потребности предоставлять владѣльческій искъ нанимателямъ и пользовладѣльцамъ противъ собственника, такъ какъ они могутъ искать съ него вознагражденія за убытки и обратнаго водворенія въ пользованіи имуществомъ путемъ иска изъ договора, а кромѣ того случаи изгнанія нанимателя собственникомъ въ жизни почти никогда не встрѣчаются, такъ какъ собственники вообще не склонны нарушать договора съ хорошими нанимателями, а напротивъ заинтересованы въ сохраненіи ихъ у себя какъ можно дольше. 3) Противоположное рѣшеніе этого вопроса повело-бы къ размноженію неосновательныхъ, съ точки зрѣнія права, процессовъ, такъ какъ наниматели, пользуясь своимъ правомъ, стали бы оставаться въ имѣніи и послѣ срока, и судъ, выдворивъ нанимателя по владѣльческому иску, долженъ былъ бы тутъ-же выселять его по иску собственника изъ договора.

Но эти соображенія составителей Проекта мнѣ кажутся вовсе не убѣдительными: съ практической стороны весьма возможенъ такой случай—арендаторъ имѣнья рубитъ старый паркъ при усадьбѣ на дрова,—согласно мнѣнію проекта собственникъ долженъ заявить искъ изъ договора въ судъ, но пока дѣло разбирается, паркъ окажется уже вырубленнымъ, а арендаторъ можетъ оказаться несостоятельнымъ. Съ другой стороны и собственники не всегда оказываются въ жизни таки-

ми идеальными, какими рисуетъ ихъ проектъ. Вполнѣ возможенъ случай, что хозяинъ, получивъ арендныя деньги, выгонитъ силой арендатора изъ имѣнья, возьметъ сжатый хлѣбъ, скошенное сѣно и т. п. Поэтому, мнѣ кажется, вполнѣ правъ Покровскій, говоря, что проектомъ санкціонируется между владѣльцами кулачное право. Что-же касается до теоретическихъ соображеній Проекта, то, какъ мы выше говорили, фактически установившіяся отношенія лицъ къ вещамъ даютъ полное основаніе для установленія поссессорной защиты.

Этимъ мы закончимъ наше параллельное разсмотрѣніе постановленій Проекта и Германскаго Уложенія.

Подведемъ теперь итоги всего сказаннаго. Въ теченіе многихъ вѣковъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ законодательствахъ прочно господствовала римская теорія владѣнія, съ ея „фактическимъ господствомъ“ и „animus domini“. Но дѣйствительная жизнь плохо укладывалась въ римскія рамки и мало по малу расшатала эти оба столба, corpus и animus, на которыхъ зиждилась эта теорія. Мы видѣли, что оба новѣйшіе законодательные сборника—нашъ Проектъ и Германское Уложеніе, внявъ голосу жизни и, давъ владѣльческую защиту простымъ детенторамъ, о которой они такъ долго взывали, ниспровергли одинъ столбъ римской теоріи—animus domini. Русскій проектъ сохранилъ, правда формально этотъ „animus domini“ но это не болѣе, какъ жалкіе остатки прежняго величія, не имѣющіе практическаго значенія, которые своей безцѣльностью и несоотвѣтствіемъ, какъ съ требованіями логики, такъ и съ требованіями жизни, настоятельно указываютъ на необходимость скорѣйшаго устраненія ихъ. Но другой столбъ „фактическое господство лица надъ вещью“ стоитъ еще твердо. Это то самое фактическое господство, которое еще господствующая теорія пыталась примирить съ дѣйствительностью, утверждая, что фактическое господство надо понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ—въ смыслѣ нефактическаго господства; это оно ставитъ юристамъ неразрѣшимую загадку, какъ объяснить одновременное фактическое господство двухъ лицъ одной вещью; оно-же принудило Германское Уложеніе ввести такое искусственное и противное логикѣ понятіе, какъ посредственное фактическое господство лица надъ вещью; принявъ его какъ непреложную истину, Трепицынъ принужденъ былъ предложить такое опредѣленіе владѣнія, кото-

рое оставило не охваченнымъ цѣлый рядъ лицъ пользующихся владѣльческой защитой, такое опредѣленіе, которое для юриста оказалось совсѣмъ непригоднымъ. Но признавая необходимымъ выкинуть изъ опредѣленія владѣнія понятія фактическаго господства лица надъ вещью, я обязанъ ожидать вполнѣ естественнаго вопроса—чѣмъ-же его замѣнить, какъже слѣдуетъ опредѣлить владѣніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вызвалъ-бы меня далеко за предѣлы настоящаго реферата, цѣль котораго вовсе не въ изложеніи собственной теоріи владѣнія, а въ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ опредѣленія, даваемаго нашимъ проектомъ и Германск. Уложеніемъ, а также далеко превосходитъ мои силы, требуя большой эрудиціи и таланта, но я все-же беру на себя смѣлость высказать свое предположеніе по поводу этой замѣны. Это предположеніе уже высказывалось въ литературѣ нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, его высказывалъ еще Іерингъ, который въ Grund des Besitzschutzes энергично пытался вычеркнуть изъ опредѣленія владѣнія понятіе фактическаго господства, опредѣляя владѣніе какъ видимость собственности. Но Іерингъ расшатывая одинъ столбъ господствующей теоріи, хватался въ то-же время за другой—вычеркивая animus domini настаивалъ на сохраненіи фактическаго господства, а вычеркивая фактическое господство вводилъ элементъ animus domini. Эту же видимость собственности, въ смыслѣ отношенія къ вещи такъ, какъ къ ней относился бы собственникъ, предлагаетъ и Трепицынъ для опредѣленія давностнаго владѣнія. Но попробуемъ выкинуть изъ этого опредѣленія animus domini, попробуемъ опредѣлить владѣніе какъ видимость не только права собственности, но вообще права. Посмотримъ, какіе результаты тогда получатся: 1) Владѣльцами будутъ считаться какъ наниматели, такъ и собственники вмѣстѣ съ ними безъ всякаго раздѣленія владѣнія на посредственное или непосредственное—у однихъ будетъ видимость права собственности, а у другихъ видимость права, основаннаго на договорѣ найма. 2) Вопросъ о возможности существованія владѣнія двухъ лицъ одной и той же вещью разрѣшается вполнѣ ясно и просто. На одну вещь прекрасно могутъ существовать нѣсколько правъ различныхъ лицъ вмѣстѣ и законъ, не требуя съ нихъ доказательства существованія этихъ правъ, основываясь на одномъ видимомъ положеніи вещей, каждому изъ

нихъ даетъ владѣльческую защиту. Другъ противъ друга владѣльцы могутъ защищаться въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой изъ нихъ нарушаетъ или измѣняетъ разъ установившійся status quo, разъ установившееся положеніе вещей, какъ говоритъ Покровскій.

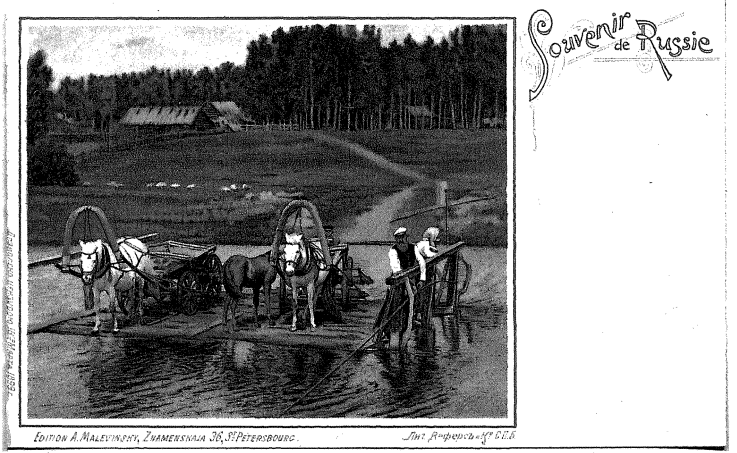
3) Сохраняется одно и то же понятіе для давностнаго владѣнія и для поссессорнаго, съ тѣмъ отличіемъ, что для второго достаточно видимости не только собственности, но и всякаго другого права.

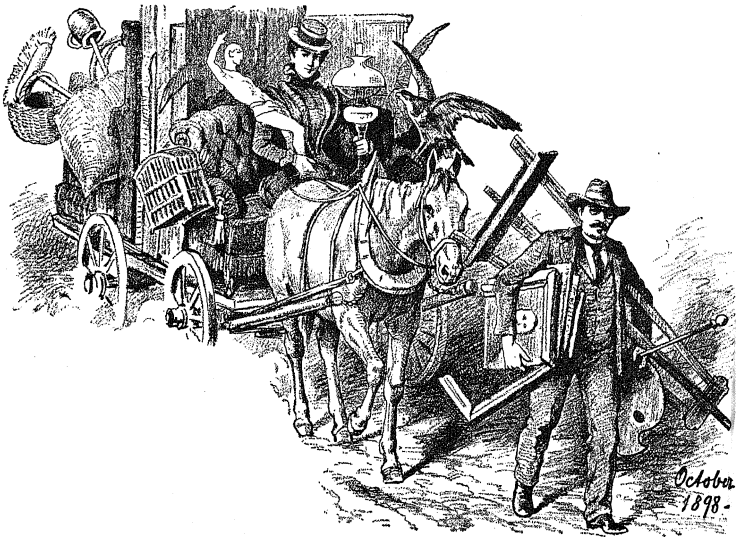
4) Лица, не знающія о томъ, что вещь попала въ ихъ власть, на которыхъ указываетъ Покровскій, признаніе владѣльцами коихъ несовмѣстимо съ опредѣленіемъ владѣнія, какъ фактическаго господства лица надъ вещью, получатъ владѣльческую защиту, такъ какъ разъ вещь находится въ карманѣ моего пальто или въ моемъ домѣ, то изъ этого видимаго положенія вещей ясно вытекаетъ предположеніе, что лицо имѣетъ на вещь к. н. право, видимость права находится на лицо.

Но, предлагая такое опредѣленіе владѣнія, я, конечно, не могу думать, что оно является единственно и абсолютно справедливымъ и поэтому буду очень радъ если члены юридическаго общества, большинство которыхъ состоитъ изъ гораздо болѣе опытныхъ, чѣмъ я, юристовъ, укажетъ мнѣ на тѣ недостатки, предлагаемаго опредѣленія, которые ускользнули отъ моего вниманія.

А. Баронъ Симолинъ

Къ докладу М. М. Хомякова (стр. 138).




October
1898.

БИБЛИОТЕКА
Архитектурной
АКАДЕМИИ